

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Карагандинская академия имени БаримбекаБейсенова

УДК 351.74

АСАИНОВ АРСЕН САКЕНОВИЧ

Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений,
совершаемых в сфере семейных отношений

«7М12301 – Правоохранительная деятельность»

Диссертация на соискание степени магистр национальной безопасности и
военного дела «7М12301 - Правоохранительная деятельность»

Научный руководитель:
к.ю.н., начальник центра
подготовки специалистов
по борьбе с нелегальной
миграцией и торговлей людьми
полковник полиции
КенбаевЖангалиАйткалиевич

Караганда, 2023 г.

Содержание

Обозначения и сокращения.....	3
Введение.....	3
1 Понятие, характеристика и виды латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений.....	10
1.1 Понятие латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений.....	10
1.2 Характеристика личности латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений.....	24
1.3 Виды латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений.....	40
2 Понятие и детерминанты механизма виктимизации латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений.....	51
2.1 Понятие механизма виктимизации латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений.....	51
2.2 Детерминанты механизма виктимизации латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений.....	58
3 Виктимологическая профилактика насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений.....	69
3.1 Понятие виктимологической профилактики.....	69
3.2 Общевиктимологическая профилактика.....	75
3.3 Специально-виктимологическая профилактика.....	90
Заключение.....	106
Список использованных источников.....	110

Нормативные ссылки

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие стандарты:

- Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 г. (сизм. и доп. по состоянию на 19.09.2022г.)
- Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г.(с посл. изм.)
- Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 05 июля 2014 г.(с посл. изм.)
- Кодекс об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. (с посл. изм.)
- Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» №214-IV ЗРК от 04.12.2009г. (с посл. изм. и доп.)
- Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности» от 9.07.2004 г.(с посл. изм.)
- Закон РК от 23 апреля 2014 года №199-V «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» (с изм. и доп. по сост. на 01.05.2023г.)
- Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Генеральная Ассамблея ООН. 18 апреля 1979г.
- Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами. Генеральная Ассамблея ООН. 7июля 1949г.
- Концепция государственной политики улучшения положения женщин//Одобрена распоряжением Президента Республики Казахстан 5 марта 1997г.

Обозначения и сокращения

УК – Уголовный кодекс

УПК – Уголовно-процессуальный кодекс

РК – Республика Казахстан

МВД – Министерство Внутренних Дел

МЧС – Министерство по чрезвычайным ситуациям

ОВД – Органы Внутренних Дел

СНГ – Союз Независимых Государств

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ООН – Организация Объединенных Наций

США – Соединенные Штаты Америки

РАГС – регистрации актов гражданского состояния

СМИ – Средства Массовой Информации

ДП – Департамент Полиции

МПС – Местная Полицейская Служба

Инспектор ПДН – Инспектор по делам несовершеннолетних

СМС – короткое текстовое сообщение

п. – пункт

ч. – часть

ст. – статья

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений становится все более распространенным, поскольку современный ритм жизни затрудняет полноценное доверительное общение, препятствует установлению положительных эмоциональных связей, изменяются ролевые взаимоотношения между членами семьи, а это оказывает влияние на продолжающийся кризис семейных отношений.

В самом деле, в 2020 году зарегистрировано 1073 уголовных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Наибольшее их количество было зарегистрировано в Восточно-Казахстанской (161), Алматинской (126) и Карагандинской областях (118).

За 12 месяцев 2021 г. по сравнению с 2020 г. в целом по республике количество данных уголовных правонарушений уменьшилось на 2,4% и составило 1047. Значительный рост рассматриваемых уголовных правонарушений был отмечен в Восточно-Казахстанской (141), Алматинской (131), Карагандинской (110) и Павлодарской областях (101).

В 2022 году количество уголовных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений уменьшилось на 10,0% (с 1047 до 942). Их значительное снижение было отмечено в Туркестанской (-32,4%), Алматинской (-30,5%), Актыубинской (-27,5%), Восточно-Казахстанской (-27,0%) и Карагандинской областях (-20,0%). При этом наблюдается значительное увеличение количества таких уголовных правонарушений в Атырауской (+111,1%), Кызылординской (+13,9), Мангыстауской (+11,1%), Костанайской (+10,3%) областях и г.г. Астана (14.8%), Шымкент (+20,0%) [1].

При этом, в 2022 году 98% зарегистрированных случаев относились к уголовным правонарушениям против личности. Большинство фактов - это умышленное причинение тяжкого вреда (214 фактов), вреда средней тяжести (167 фактов) и убийства (70 фактов). Основная проблема в том, что большинство случаев относят к административным, а не к уголовным правонарушениям. Несмотря на позитивную статистическую динамику, реальная ситуация с семейным насилием в Казахстане плачевна [2].

Между тем, наше общество, в настоящее время, находится только на этапе осмысления самого факта криминального насилия в указанной сфере, вследствие чего, отсутствует действенная система предупреждения и оказания помощи жертвам семейно-бытового насилия.

Вынуждены констатировать, что насилие, имеющее корни в семейно-бытовой сфере, до настоящего времени продолжает оставаться частью культуры, мировоззрения, поведения, составной частью обыденной жизни.

Криминальное насилие в семейно-бытовой сфере является проблемой многих стран, но в мусульманском мире это насилие божественно определено и оправдано Кораном. Так, избивание жены в мусульманском мире базируется на исламских религиозных текстах: Коране и Хадисах. Насилие в семье является инструментом для поддержания контроля и господства над мусульманскими женщинами, и сохранения патриархального общества, в котором мужчины

управляют женщинами, а женщины должны быть покорными [3]. Разрешить данную проблему можно только изменив отношение всего общества к семье и ее ценностям. В связи с этим, Президент Республики Казахстан подчеркнул, что защита женщин и детей от насилия является еще одной из приоритетных задач государства [4]. Более того, Президент Касым-Жомарт Токаев, в Послании народу Казахстана, выступил с инициативой об ужесточении ответственности за домашнее насилие. "Вопрос о квалификации семейного насилия как преступления обсуждается в обществе давно. Правоохранительные органы сомневаются в правильности этого предложения. Это связано с тем, что выявить такие бытовые ситуации непросто, а значит, и расследовать такие инциденты сложно. Однако домашнее насилие нельзя игнорировать. Думаю, пора ужесточить наказание за такие действия", – подчеркнул глава государства.

Президент также акцентировал внимание на том, что жертвы домашнего насилия не должны бояться давления. У них всегда должна быть возможность обращаться в правоохранительные органы для восстановления справедливости [5].

В результате исследования семейно-бытовых уголовных правонарушений установлено, что латентность данной категории деяний, соответственно невмешательство государства в семейную сферу, ведет к неоднократности насилия, его углублению, способствует разрушению всех функций семьи и дезорганизации социальной жизни в целом. Внутрисемейное преступное насилие является одним из самых распространенных. Согласно официальной статистике в 65 % семей ее члены подвергаются различным формам насилия (избиения, оскорбления, угрозы, сексуальные принуждения), 30-40 % всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье. По социологическим опросам, насилие наблюдается в каждой четвертой казахстанской семье, однако большая часть таких деяний по различным основаниям скрывается как самой жертвой, так и правоохранительными структурами. Последними выявляется лишь каждое седьмое или восьмое насильственное деяние, при этом возбуждается и расследуется лишь десятая часть всех зарегистрированных органами внутренних дел случаев. По данным МВД РК большинство казахстанцев, обращающихся к полицейским за помощью из-за бытового насилия, впоследствии отказываются писать соответствующие заявления. Доля таких обращающихся составляет 63% [6].

Все это свидетельствует о высокой латентности данного вида правонарушений, и в том числе его жертв.

Однако, несмотря на недостаток данных о масштабах насилия в этой сфере в его различных формах и проявлениях, имеющейся информации достаточно для того, чтобы привлечь к этому явлению широкое внимание.

Изучение латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, представляет прикладной интерес в целях формирования подхода к пониманию механизма виктимизации членов семьи, выявления его детерминант с акцентом на те, из них, которые ведут к латентности жертв и построения виктимологической концепции профилактики насилия в семье. Вынуждены констатировать, что

подавляющее большинство опрошенных (89,4 %) считают, что человек от насилия в семье не защищен.

Таким образом, отсутствие эффективной системы выявления и предупреждения насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в семье, приводит к незащищенности и особой уязвимости лиц, страдающих от жестокости своих близких.

Актуальность исследования обусловлена также состоянием научной разработанности темы. Среди криминологов европейских государств, занимавшихся проблемой виктимологии, можно назвать таких ученых как А. Бахрах, В. Войч, Р. Гасер, Э. Корай, И. Котларж, И. Маттес, Б. Мендельсон, А. Фаттах, Г. Фейкс, Б. Холст, Г. Хентик, Г. Шнайдер, Ф. Экснер и других. Теоретическую основу настоящего исследования составляют труды известных ученых-юристов Н.М. Абдирова, Г.А. Аванесова, А.Н. Агыбаева, Е.О. Алауханова, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, И.Н. Беляева, М.С. Баймурзина, К.Ж. Балтабаева, Ю.Д. Блувштейна, И.Ш. Борчашвили, Н.И. Ветрова, К.К. Горяинова, У.С. Жекебаева, А.М. Джоробековой, А.И. Долговой, Б.Ж. Жунусова, Р.М. Зулкарнеева, К.Е. Игошева, И.И. Карпеца, Е.И. Каиржанова, Д.А. Корецкова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, К.Ш. Курманова, Ф.А. Лопушанского, Г.М. Миньковского, Н.Д. Мухамедьянова, Р.Т. Нуртаева, Л.Ч. Сыдыковой, П.Г. Пономарева, В.П. Ревина, Е.Г. Самовичева, Б.Г. Тугельбаевой, Л.В. Франка, Д.А. Шестакова и других зарубежных и отечественных ученых.

Изучение указанных работ, а также научных трудов других исследователей позволило диссертанту исследовать различные аспекты проявления криминального насилия в сфере семейно-бытовых отношений и предложить свою точку зрения на обозначенную проблему.

Полагаем, что проведенное исследование будет способствовать совершенствованию современной концепции предупреждения насильственных уголовных правонарушений в семье на виктимологической основе, которая должна основываться на взаимодействии и сотрудничестве правоохранительных органов, специализированных социальных и общественных структур, граждан, что позволит нейтрализовать и устранить повышенную латентную виктимность личности в семье, обеспечить ей действенную защиту и помощь в сочетании с воспитанием и социальным контролем.

Объектом исследования является латентная жертва, виктимологические особенности причинности и детерминации насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, а также практика их предупреждения.

Предмет исследования составили виктимологические аспекты личности латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений в семье, их психологические и социальные качества, отношение к преступнику, поведение в допреступной обстановке, в момент совершения противоправного деяния и после него, внутренние и внешние факторы, детерминирующие рост криминального насилия в этой сфере, а также особенности виктимологической профилактики и ответственности потерпевших, способствовавших своим

отрицательным поведением преступному посягательству.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования явилось установление зависимости между виктимностью и социально-демографическими и нравственно-психологическими характеристиками потерпевших, взаимосвязи и взаимоотношения преступников и потерпевших и их роли в возникновении и развитии криминогенной ситуации, а также научный анализ и разработка теоретических положений изучения латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, и выработка предложений по их профилактике.

Прикладной целью работы является разработка и определение научно обоснованных рекомендаций, направленных на предупреждение виктимного поведения человека в сфере семейных отношений.

Поставленная цель предопределила необходимость решения следующих задач:

- изучение и анализ виктимологических и криминологических теоретических исходных положений;
- рассмотрение криминологической характеристики личности латентной жертвы внутрисемейного преступного насилия;
- изучение и анализ личностных и поведенческих особенностей потерпевших и преступников;
- разработка практически значимых классификаций и типологии латентных жертв преступного насилия в семье;
- исследование механизма и выявление виктимологических факторов, детерминирующих внутрисемейное насилие;
- раскрытие механизма виктимизации личности в сфере семейных отношений;
- изучение и анализ существующей практики по выявлению, предупреждению насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в семье, и на их основе разработка рекомендаций по виктимологической профилактике;
- разработка методики выявления латентной жертвы для повышения эффективности профилактических мер по нейтрализации виктимологических факторов и устранению виктимности членов семьи;

Методология и методика исследования. Методологическую основу исследования, учитывая междисциплинарный характер изучаемой проблемы, составляют общенаучные и частные методы познания. Для сбора и изучения эмпирического материала применялись разнообразные научные методы и приемы исследования: статистический анализ, изучение литературных источников, непосредственное изучение практики органов внутренних дел по предупреждению указанных уголовных правонарушений, анализ результатов ранее проведенных исследований по проблемам виктимологии и профилактики преступности. Указанные методы применялись комплексно в целях обеспечения объективного научного подхода к исследованию проблемы и оценке полученных результатов.

Нормативно-правовую основу составили Конституция Республики

Казахстан, законы и подзаконные нормативно-правовые акты различных отраслей права Республики Казахстан.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы обобщения следственной, прокурорской и судебной практики, статистических данных по зарегистрированным фактам насильственных уголовных правонарушений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений, результаты анкетирования лиц, их совершивших, а также лиц, пострадавших от насильственных уголовных правонарушений в семье.

Научная и практическая значимость исследования заключается в комплексном исследовании специфической категории потерпевших, не проводившемся в Республике Казахстан на самостоятельном монографическом уровне в таком объеме и глубине до настоящего времени.

Анализ латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, позволил показать в какой мере и степени личностные и поведенческие особенности, их социально-демографические, нравственно-психологические признаки, взаимодействуя с конкретной жизненной ситуацией и личностью преступника, детерминируют уголовные правонарушения.

Практическая значимость исследования состоит в разработке научно обоснованных рекомендаций, направленных на предупреждение виктимного поведения человека в сфере семейных отношений.

Полученные результаты могут быть использованы при проведении дальнейших исследований проблем обеспечения безопасности населения, в разработке новых программ реформирования социальной, экономической, политической и правовой сфер общества, в практической деятельности правоохранительных органов.

Выводы и предложения, сформулированные в исследовании, могут быть также использованы при преподавании курса криминологии, виктимологии, юридической психологии в учебном процессе учебных заведений юридического профиля, в системе профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что проведенное исследование может быть оценено как одно из первых комплексных исследований, где с криминологических позиций предпринята попытка комплексного анализа латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семьи, определения механизма виктимизации латентной жертвы насилия в семье, а также выделения его разноуровневых детерминант, предопределяющих латентность жертвы. Теоретическая значимость исследования заключается в сформулированных теоретических положениях, расширяющих имеющиеся научные знания о жертвах насильственных уголовных правонарушений, которые совершаются в сфере семейных отношений.

На основе обобщения научно-теоретического материала и правоприменительной практики автором разработаны и выдвинуты на защиту ряд положений законодательного и организационного характера.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проведенный анализ данной проблемы позволяет сделать вывод, что внутрисемейное преступное насилие является одним из самых распространенных и, как показывает практика, латентных видов уголовных правонарушений.

2. Исследуя роль потерпевшего в генезисе уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, выявлено взаимодействие предпреступной конкретной жизненной ситуации с личностью преступника, определены формы поведения, особенности социально-демографических и нравственно-психологических признаков потерпевших и преступников.

3. В целях более объективной оценки роли потерпевшего в генезисе уголовного правонарушения обосновывается целесообразность создания информационной базы виктимологической профилактики, которая в настоящее время практически отсутствует. Речь, прежде всего, идет о создании достаточно полной системы учета и статистики жертв уголовных правонарушений в государственной отчетности всех правоохранительных органов.

4. Установлен особый тип мотивации появления латентной жертвы насильственного уголовного правонарушения в семье, определенной как приобретенная беспомощность.

5. Результаты исследования подтверждают необходимость изменить традиционный и многолетний подход к профилактике, ориентированный исключительно на потенциальных правонарушителей и оставляющий за ее рамками предупредительное воздействие на потенциальных жертв.

6. Проведенное исследование позволило установить, что проявление криминального насилия в сфере семейно-бытовых отношений обуславливается целым комплексом факторов, наиболее значимыми из которых являются социально-политический и экономический кризис, следствием которого выступает резкое социально-имущественное расслоение, безработица, рост социальной напряженности, девальвация многих традиционных нравственных ценностей в обществе и микросреде, латентность значительной части бытовых уголовных правонарушений, терпимость потерпевших к бытовым правонарушениям, неэффективная и слабая деятельность правоохранительной органов и общественных институтов.

7. Выявлены проблемы и особенности использования виктимологической информации субъектами профилактической деятельности в отношении потенциальных жертв семейно-бытовых отношений и пути их решения.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты проведенного научного исследования и основанные на них выводы, предложения и рекомендации отражены в двух опубликованных автором работах.

Положения и выводы исследования использовались при проведении занятий с практическими работниками, осуществляющими профилактику преступности, и курсантами Карагандинской академии МВД РК имени Б. Бейсенова.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс Карагандинской академии МВД РК имени Б.С. Бейсенова.

Структура и объем исследования обусловлены характером работы, уровнем ее разработки, а также задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех разделов, включающих в себя восемь подразделов, заключения, списка использованных источников.

1 Понятие, характеристика и виды латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений

1.1 Понятие латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений

При определении латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, данное понятие следует рассматривать сквозь призму таких составляющих, как «латентная жертва преступления», «семейные отношения», «насильственное преступление в сфере семейных отношений».

Более широким по отношению к первому искомому понятию является понятие жертвы преступления. Термин «жертва» - стержневое для виктимологии и основной объект виктимологических исследований. Однако ни прошлое, ни современное законодательство не дает его дефиниции, применяя для обозначения субъекта, которому преступлением причинен вред, термин «потерпевший». Если обратиться к этимологии этих слов, то русский собиратель и составитель толкового словаря В. Даль, под жертвой понимает пострадавшего от чего-либо, пожираемого, уничтожаемого, утратившего, гибнущего [7, с. 485], т.е. того, кому причиняется вред; понятие «потерпевший» он образует от глагола «потерпеть», т.е. понести на себе, испытать и выдержать, вынести тяготы, а также попасть в беду, потерять [8, с. 289].

В науке для обозначения субъекта, которому причинен вред или создана угроза причинения вреда, применяется еще один термин - «пострадавший». В. Даль, определяет его как «страдалец, мученик, понесший обиду, утрату, наклад» [8, с. 282].

Очевидно, в основу данных интерпретаций исследователь положил один очевидный признак - претерпевание лицом какой-либо обиды, беды, вреда, а также утрата, потеря чего-либо, что следует из явно синонимических толкований понятий. Подчас они употребляются как синонимы, поскольку их объединяет смысл, заключающийся в причинении лицу вреда, потере чего-либо, т.е. разграничение происходит по носителю ущерба. В уголовном праве понятие «потерпевший» употребляется преимущественно для обозначения физических лиц, которым причинен преступлением вред, что оформлено правовым актом - постановлением о признании потерпевшим. В научных исследованиях часто используется термин «пострадавший» как синоним понятию «потерпевший» - человек, понесший ущерб. Понятие «жертва» является основным для виктимологии при обозначении субъекта, которому причинен вред. Но вместе с тем криминологический аспект понятия «жертва» предполагает не жертв вообще, а именно потерпевших от преступления [9, с. 34], т.е. деяния, имеющего соответствующие признаки.

Наряду с понятием «жертва преступления» в виктимологических исследованиях употребляется также и понятие «потерпевший от преступления». Так, Л.В. Франк отмечал возможность использования как

равнозначных взаимозаменяемых понятий «жертва» и «потерпевший» [10, с. 40], отличая их в уголовно-процессуальном и виктимологическом смысле. М.С. Баймурзин дает определение понятия потерпевшего в сравнении с тем, которое содержится в уголовно-процессуальном законе: потерпевший - это лицо, которому преступлением непосредственно причинен моральный, физический или имущественный вред или создана реальная опасность его причинения [11, с. 10]. Д.В. Ривман считает, что криминальной виктимологии необходим термин, учитывающий, как причинен вред (т.е. преступлением), и, разграничивая жертву вообще и жертву преступления, без термина «потерпевший» не обойтись [9, с. 33].

Жертва в узком смысле и потерпевший - понятия, несомненно, близкие. Их объединяет общий признак - причинение вреда в результате какого-либо деяния, которое неизбежно ведет к нарушению прав и интересов субъекта, к утрате лицом чего-либо, при этом в результате преступления такая утрата является противоправной, уголовно наказуемой. Данный признак является объективным, т.е. не зависящим от жертвы. Если этот факт официально признан, жертва становится потерпевшим, если нет - остается только жертвой.

Итак, понятие «потерпевший» представляет уголовно-правовую категорию виктимологического понятия «жертва», и, соглашаясь с Б.В. Сидоровым, употребление этих понятий как идентичных по своему содержанию и социально-правовой природе уместно в том случае, когда оно призвано отразить их максимальную близость по содержанию, объему и назначению [12, с. 86]. В данной работе объектом исследования является та жертва преступления, объем и содержание прав и обязанностей которой по защите официально не установлен, соответственно понятия «жертва» и «потерпевший» не могут употребляться как синонимичные.

В виктимологическом плане жертва, по Л.В. Франку, - это человек или определенная общность людей в любой форме их интеграции, которым прямо или косвенно причинен вред преступлением [10, с. 85].

По мнению В.И. Полубинского, виктимологические исследования должны опираться на более широкое определение жертвы преступления, включающее в себя не только физические, но и юридические лица или иные социальные общности, прямо и непосредственно или косвенно и опосредованно пострадавшие от преступлений, страдающие от существующей преступности. С этих позиций всякое физическое или юридическое лицо, группа людей или общество может быть жертвой преступления или преступности [13, с. 10].

Д.В. Ривман, напротив, считает, что понятие о жертве-общности не является определяющим для виктимологической теории, оно оторвано от потребностей практики. По его мнению, общность людей, представляемая как жертва, - это совокупность жертв - физических лиц. Здесь ничего не меняется и в том случае, когда причинение вреда связано с виктимным групповым поведением [14, с. 58-59]. Таким образом, Д.В. Ривман определяет жертву как физическое лицо, человека, которому непосредственно преступлением причинен физический, моральный или материальный вред.

Соглашаясь с приведенным мнением, следует выделить другой родовой

признак жертвы - это физическое лицо, человек, с присущими ему личностными особенностями, который при определенных обстоятельствах становится объектом преступного посягательства. Способность человека стать жертвой преступления в виктимологии получила название «виктимность».

Можно предположить, что виктимность является ключевым признаком при приобретении человеком статуса жертвы. В науке этот термин толкуется неоднозначно. До сих пор не выработана общепризнанная и общепринятая его интерпретация. В то же время виктимологи единодушны в том, что жертва преступления становится таковой не только в силу противоправного посягательства со стороны преступника, но и в силу существования определенных качеств, связанных либо с личностью жертвы, ее поведением, либо с самой ситуацией совершения преступления [15, с. 49].

По мнению Л.В. Франка, который ввел этот термин в научный оборот, понятие «виктимность» имеет двойственное значение: это и определенное явление, и образ действия отдельного лица [16, с. 19]. Т.е. имеется в виду личностная предрасположенность, повышенная способность человека стать жертвой преступления в силу ряда субъективных и объективных обстоятельств, которые объективно можно было избежать [10, с. 108].

В.И. Полубинский определяет виктимность как «свойство данного человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), способствующее в определенной жизненной ситуации формированию условий, при которых возникает возможность причинения ему вреда противоправными действиями» [17, с. 32-33]. Составные элементы виктимности им определены как личные качества индивида, предрасположенного в определенных условиях нести ущерб от преступных посягательств. При этом сами качества управляемы, как управляют процесс формирования личности [18, с. 58].

Л.В. Франк и В.И. Полубинский, как и некоторые другие авторы, занимающиеся виктимологическими исследованиями [19], выделяют значимость только личностной виктимности как специфического свойства лица, объективно присущего человеку. Внешние факторы, по их мнению, лишь облегчают реализацию потенциальной предрасположенности лица стать жертвой преступления.

Действительно, личностный, субъективный компонент виктимности - способность человека стать жертвой в силу определенных индивидуальных качеств - повышает степень его уязвимости. Однако, как отмечает Д.В. Ривман, данные личностные качества жертвы весьма относительны [9, с. 41] и не предполагают фатальной неизбежности лица стать жертвой. Они существуют объективно только как элементы системы «человек-среда». В этом смысле он, критикуя позиции Л.В. Франка и В.И. Полубинского, складывает индивидуальную виктимность из личностного и ситуационного компонентов, причем качественная характеристика первого находится в системной зависимости от второго [9, с. 40]. Реализованная преступным актом или оставшаяся в потенции, виктимность определяется им как уязвимость лица, зависящая от субъективных и объективных предрасположений, выступающая

как неспособность противостоять преступнику [9, с. 42].

Повышенная степень уязвимости вытекает из наличия в личностном компоненте соответствующих виктимных предрасположений: социальных, физических, психологических. По мнению Л.М. Прокументова и А.В. Шеслера, виктимность необходимо рассматривать и как социальное явление, которое может быть обусловлено, во-первых, состоянием преступности на определенной территории и в обществе в целом, во-вторых, личностными особенностями индивида [20, с. 195-196].

Совокупность всех вышеуказанных обстоятельств позволяет говорить о виктимности в целом как о состоянии уязвимости отдельного лица, обусловленном наличием преступности, заключающемся в возможности реализации (или нереализации) качеств, ему присущих, в ходе совершения преступления [21].

Факторами, обуславливающими уязвимость лица, становятся, во-первых, обстоятельства, связанные с личностью жертвы (субъективно-виктимные), а во-вторых, условия внешней среды, способствующие как формированию жертвы, так и совершению преступления (объективно-виктимные).

Разделяя указанную позицию, определим виктимность как социально обусловленный комплекс социальных, нравственно-психологических и физиологических свойств личности, которые при взаимодействии с условиями внешней среды способствуют ее повышенной предрасположенности становиться жертвой преступления. Данный комплекс можно выделить как родовой признак жертвы, имеющий субъективно-объективную природу, поскольку индивидуальные свойства личности могут стать причиной виктимности лишь в конкретной жизненной ситуации, которая является ее условием. Указанный признак является относительным, поскольку всегда реализуется в ситуации, оказавшейся для этого достаточной, а степень виктимности лица зависит от совокупности как личных, так и ситуативных компонентов виктимности [22, с. 155].

Динамичное взаимодействие этих причин и условий приводит к виктимному поведению и становлению жертвой. Для криминологии стало аксиомой то, что причиной определенного поведения человека является сложное взаимодействие внешних, объективных условий и внутренних, субъективных причин, т.е. среды и личности [23, с. 8]. При этом и то и другое получает равнозначную криминологическую оценку, а поведение предстает как следствие этого взаимодействия.

Виктимологическое понятие «жертва преступления» является более широким и включает в себя еще один признак, непосредственно связанный с виктимностью - сам процесс и результат превращения лица в жертву преступного деяния, который в виктимологии получил название «виктимизация». Виктимизация, по мнению исследователей, представляется как совокупность процессов становления жертвами [24, с. 38] и как процесс реализации виктимных потенций в причинении вреда и его результат [22, с. 155].

По мнению Д.В. Ривмана и В.С. Устинова, виктимизация является собой

некую материализацию субъективных (личностных) и объективных (ситуативных) потенций в качество реального, состоявшегося потерпевшего [25, с. 53-56]. Основным ее критерием является непосредственность причинения вреда, который должен восприниматься субъектом с последующим влиянием на его поведение, осознание и отношение к результату виктимизации [26].

Таким образом, в широком смысле под *жертвой преступления* понимается конкретный человек, физическое лицо с определенными личностными свойствами, способствующими его виктимизации в определенных внешних условиях, при которых его права и законные интересы нарушены преступным поведением другого лица.

Понятия «жертва преступления» и «латентная жертва преступления» соотносятся как целое и часть. Латентная жертва является составной частью жертвы вообще, как ее вид, поэтому можно говорить, что ей присущи все вышеперечисленные родовые признаки в целом. Однако чтобы выделить ее из всего объема жертв, необходимо указать на признак, делающий ее отличной от всех остальных. Это видовой признак, определение которого необходимо начать с рассмотрения самого понятия «латентность».

В переводе с латинского языка, слово «латентный» (*latens*) означает скрытый, невидимый, внешне не проявляющийся [27, с. 279]. Данный термин широко используется в различных отраслях знаний для определения явлений и процессов, протекающих внешне незаметно. В криминологии латентность разрабатывается применительно к преступности. Но латентность свойственна не только преступности, но и виктимности, причем, соглашаясь с существующим в науке мнением, оба эти явления взаимосвязаны [28, с. 133]. Латентная жертва в уголовно-правовом плане существует в связи с фактом совершения преступления, которое в силу определенных причин осталось неизвестным. Следовательно, можно предположить, что проблема латентной жертвы преступления является частью проблемы латентных преступлений и латентной преступности в целом. Учитывая изложенное, возможно рассмотрение видового признака латентной жертвы преступления сквозь призму признаков латентного преступления.

Контент-анализ показал, что в криминологии при определении латентности отсутствует единое понимание этих признаков. Первоначально «узкое» понимание латентности деяния связывалось с признаком неизвестности его правоохранительным органам. Так, А.С. Шляпочников и Г.И. Забрянский, определяют латентность как скрытость деяния от одного из органов, которым по закону предоставлено право расследовать или рассматривать дела о совершенных преступлениях [29, с. 99]. А.А. Конев и В.Н. Кудрявцев к «скрытости» добавляют неучтенность преступного деяния уголовной статистикой [30, с. 82, 87]. Л.М. Прокументов и А.В. Шеслер, определяют латентные преступления как часть, оставшуюся за пределами уголовно-статистического учета [20, с. 83].

Представители «широкого» понимания латентности относительно преступлений исходят из необходимости обеспечения неотвратимости

уголовной ответственности лиц, их совершивших, и вводят в ее состав еще зарегистрированные, но не раскрытые преступления. В частности, Р.М. Акутаевполагает, что недостаточно рассматривать латентную преступность лишь как совокупность неизвестных и неучтенных преступлений, поскольку она имеет и субъективную сторону, выражающуюся в латентности лиц, совершивших преступление. Он отмечает, что преступление может выйти из ряда латентных лишь после привлечения виновного лица к установленной законом ответственности [30, с. 86]. В качестве признака латентности называется принцип неотвратимости ответственности лица за преступление [30, с. 81].

Б. Холыст, совмещая вышеназванные точки зрения, предложил определенную градацию латентности. Так, к первой группе латентных преступлений он относит те, «которые вообще не стали известными органам полиции. К другой группе относятся выявленные преступления с неустановленным преступником. Третью группу образуют раскрытые преступления, не повлекшие по процессуальным причинам обвинительного акта либо приговора. Четвертая группа - это преступления, по делам о которых имеется вступивший в законную силу приговор, но не все деяния осужденных были известны органам полиции и учтены в обвинительном акте» [31, с. 45-46].

Ряд исследователей критически относятся к такому «широкому» толкованию латентной преступности [32, с. 323], поскольку в таком случае размываются критерии латентности, что может привести к искажению сведений о реальной преступности. При этом указывается, что официальным источником криминологически значимой информации может быть лишь система статистического учета преступлений, а соответственно признаком латентности следует признать отсутствие сведений о преступлениях в системе государственного статистического учета преступлений [33, с. 19-20]. Такая позиция соответствует официальному ее определению и представляет «узкое» толкование содержательной стороны понятия.

Однако в приведенных позициях не наблюдается полной последовательности. Так, «широкое» толкование латентной преступности делает акцент лишь на уголовно-правовые последствия, не указывая признак, его вызвавший. В связи с этим в латентную преступность попадают учтенные, но не раскрытые деяния, когда факт зарегистрирован, жертва обозначена, но не известно и не привлечено к уголовной ответственности лицо, либо привлечено одно лицо, остальные не известны. «Узкое» понимание, напротив, указывая на основной признак, оставляет в стороне его последствия.

Принимая в качестве признака латентности отсутствие сведений в уголовно-статистическом учете, будем исходить из позиции ученых, определяющих преступность как совокупность преступных деяний и лиц, их совершающих, поскольку нельзя разрывать деяния и деятелей, субъектов деяний [34, с. 74], правовым последствием для которых является неприменение уголовных мер со стороны правоохранительных органов, а значит, их безнаказанность.

Более того, латентная преступность, рассматриваемая как совокупность

преступлений, которые в виктимологии принято обозначать в виде «эллипса, фокусами которого являются преступник и его жертва» [16, с. 18], диалектически объемлет не только латентность деяния, лица, его совершившего, но и латентность жертвы. В связи с этим латентную преступность можно определить как совокупность деяний, лиц, их совершивших, и их жертв, сведения о которых отсутствуют в уголовно-статистическом учете, причем правовые последствия этого для преступника и жертвы различны.

Следует заметить, что ранее уголовно-правовой статистический учет осуществлялся относительно преступлений и лиц, их совершивших, информация о потерпевших была включена в карточку об учете преступления. В настоящее время введены в действие единые статистические карточки на преступление, лицо, его совершившее, и впервые на потерпевшего, пополняя систему статистической отчетности новым видом статистики - виктимологической, изучающей количественные и качественные характеристики потерпевшего и его поведения, необходимые в целях профилактики.

Учитывая, что жертва является участником преступного деяния, элементом криминогенной ситуации, а само деяние осталось латентным, значит, и жертва тоже является латентной. Правовым последствием отсутствия сведений о преступлении и его жертве в официальном учете и приобретение ею статуса латентной жертвы является нереализованность ею прав на защиту своих законных интересов и, как следствие, невозможность предпринять предусмотренные уголовно-правовые меры на восстановление положения, поскольку во всех цивилизованных странах реализация права каждого человека на защиту происходит посредством государственного разбирательства, которое является закономерным результатом работы правоохранительных органов по выявлению и учету преступлений, преступников и их жертв.

Итак, основным видовым признаком латентной жертвы преступления является отсутствие сведений о совершенном в отношении нее деянии и о ней самой в уголовно-статистическом учете, и, как следствие этого, нереализованность ею своих прав на защиту. Поскольку отсутствие сведений о преступлении является частью признака латентной жертвы, соответственно основания латентности преступлений могут быть рассмотрены и как основания латентности самой жертвы.

Как указывалось выше, в науке нет единого мнения об основаниях латентности, по этой причине выделено множество классификаций латентных преступлений [35]. В данной работе отражена позиция автора, выделяющего в качестве оснований латентной преступности механизм ее образования: скрытые (естественно-латентные) и скрываемые (искусственно-латентные) [36].

В отношении латентной жертвы, исходя из указанных выше аргументов, логически верным будет рассмотрение в качестве основания этого явления механизма ее образования, с выделением двух элементов: скрытости и скрываемости, при указании степени их выраженности.

Скрытые латентные жертвы включают всех, кто, став жертвой пре-

ступления, не обратился в компетентные органы за защитой своих нарушенных прав и интересов в силу различных причин, само деяние осталось неизвестным правоохранительным органам, в связи с этим объективно не могло войти в статистический учет. В качестве причин можно признать неразвитость системы защиты прав жертвы, заключающейся в неверии в нее жертв, невысоком уровне их правосознания, лежащих в основе отрицания легальной защиты своих прав и интересов [33, с. 83], а также психологических особенностях жертв. Это приводит к полной латентности жертв и деяния без какого-либо условия.

Скрываемость является таким признаком латентных жертв, который не вошел в уголовно-статистический учет, несмотря на то, что жертвы обратились в правоохранительные органы и факт нарушения их прав в результате совершения преступления был известен, но остался без предусмотренных законом мер уголовно-правового воздействия, т.е. без официальной реакции положение жертв не восстановлено. В эту группу не могут быть внесены те жертвы, по заявлениям которых возбуждены уголовные дела, но впоследствии прекращенные производством по различным основаниям, поскольку они не охватываются признаком латентной жертвы преступления, аргументируемым ранее.

Причиной этого могут быть как правосознание, нравственные установки правоприменителя, который работает с жертвой, так и законодателя. В данном контексте можно говорить о частичной латентности жертвы, поскольку условием ее неучтенности, при наличии сведений о ней, является практика ее выявления и регистрации. С точки зрения жертвы, это условие является объективным, поскольку не зависит от нее, однако, с точки зрения правоприменителя, оно также является субъективным.

Таким образом, *латентная жертва преступления* - это физическое лицо, с определенными личностными свойствами, способствующими его виктимизации в определенных внешних условиях, вследствие которой его права и интересы нарушены преступным поведением других лиц, при этом сведения о лице отсутствуют в уголовно-статистическом учете, в результате реализация прав на защиту невозможна в силу безусловной (полной) скрытости или условной (частичной) скрываемости деяния.

Согласно классификации латентности по степени проявления [20, с. 84], можно говорить о высокой степени латентности преступлений, совершаемых в семье, а соответственно и виктимности некоторых ее членов. По оценкам специалистов, в этой области латентны 75-80 % случаев [28, с. 134].

Л.В. Франк обоснованно выделял в предмет самостоятельного виктимологического изучения жертв преступлений, совершаемых на почве конфликтов в семье [16, с. 50]. В связи с этим определение латентной жертвы преступления, совершаемого в сфере семейных отношений, целесообразно давать через рассмотрение особенностей семьи и отношений ее членов.

Семья - давний объект внимания многих специалистов. Ее роль в жизни общества достаточно многогранна. Немного есть общественных явлений, которые фокусировали бы в себе практически все основные аспекты человеческой жизнедеятельности. Семья - одно из них, и этим объясняется

неуклонный интерес к семье специалистов различных отраслей знаний - социологов, юристов, психологов, философов и политиков [37, с. 18.]. При этом многие специалисты сходятся во мнении, что семья, с точки зрения предъявляемых к ней обществом требований, должна максимально обеспечить приспособление ее членов к условиям общественной жизни, к выполнению социальных норм, т.е. перед ней стоит задача социализации индивидов [38, с. 85].

С позиции права, семья представляет собой объединение, как правило, совместно проживающих лиц, связанных взаимными юридическими правами и обязанностями, возникающими из брака, родства, усыновления [37, с. 20]. С психологической и социальной позиций, в семью объединены люди для удовлетворения своих эмоциональных и личностных потребностей, экономически они связаны зависимостью друг от друга при удовлетворении материальных нужд [39, с. 5-9]. Таким образом, для семейной сферы особое значение имеет тесное взаимодействие права и морали, формально-юридических и нравственно-психологических начал.

Наличие различных интересов семьи: личные чувства, доверительные отношения, межличностное общение, нравственные, духовные и юридические права и обязанности - позволяет представить семью как особый вид общественных отношений - семейных, возникающих на основе определенных юридических фактов: брак, сожитительство, родительство, кровное родство, свойство, усыновление, и других, формирующих различные уровни - супружеские, родительские, родственные отношения. Причем вызвавшие появление семьи юридические факты могут быть не актуализированы, не оформлены официально, либо могут утратить силу в результате принятия другого акта, отменяющего прежнее решение, но даже после этого семейные отношения продолжают существовать. Так, развод возможен только на супружеском уровне, но не на родительском; сожитительство влечет возникновение взаимных прав и обязанностей, несмотря на отсутствие формального оформления, на супружеском уровне. Более того, в современных условиях этот вид семейных отношений во многих странах [40, с. 4], в том числе и в Республике Казахстан, становится преобладающим, что вызывает необходимость юрисдикционного признания этого факта.

Кроме того, основу всех уровней семейных отношений составляют, по мнению специалистов в области семейного права, личные и связанные с ними имущественные отношения [41], что позволяет сделать вывод о главенстве интимных отношений в структуре внутрисемейных. Словарь русского языка объясняет понятие «интимный» как содержательно характеризующий отношения, которым свойственны глубоко личные, сокровенные, душевные переживания [42, с. 41], т.е. те, которым присущ эмоционально-психологический, нравственный характер, что особо значимо для личности и близко ей. Именно эта особенность проявляется в том, что в личных взаимоотношениях в семье человек становится более уязвимым к воздействию со стороны других членов семьи. Более того, преобладание таких отношений позволяет оставлять за человеком прободного волеизъявления, наделяя их

субъектов взаимными правами и обязанностями.

Таким образом, семейные отношения представляют собой вид особых взаимоотношений между субъектами - членами семьи, объединенными совместными правами и обязательствами, которые обусловлены юридическими фактами возникновения семьи: брак, сожительство, родство.

По справедливому замечанию Д.А. Шестакова, семейные отношения рассматриваются не как раз и навсегда данные, а с учетом их развития, изменения [43, с.87]. По мнению криминологов, их изменение связано с развитием общества [44]. Семья представляет собой живую, развивающуюся, постоянно меняющуюся, гибкую структуру, которая чутко реагирует посредством изменений на внешние и внутренние воздействия.

Эти воздействия не всегда бывают созидательными, а учитывая негативные изменения внешних условий жизни, могут быть разрушительными, приводящими к дисфункциональным изменениям. В этом аспекте можно говорить в целом о кризисе института семьи. Вследствие этого обостряются внутрисемейные конфликты, разрешаемые при помощи насилия.

Таким образом, кризис института семьи и, как следствие, деформация семейных отношений являются хорошей почвой для семейных конфликтов, совершаемых внутри семьи, с применением насильственных действий, которые признаны ООН эпидемией в большинстве стран мира. При этом, признавая такое насилие в качестве актуальной социальной проблемы для всех членов международного сообщества, его необходимо рассматривать как нарушение прав человека [45, с. 245-248], а не только как межличностный конфликт, являющийся внутренним делом членов семьи.

Отечественная криминология в вопросе семейных отношений рассматривает семейную конфликтность в двух аспектах: как один из факторов исходящего от семьи неблагоприятного влияния на личность (семейная десоциализация, отчуждение личности) [46] и как ситуацию совершения преступления внутри семьи [47, с. 7]. Последний аспект является для общества актуальной проблемой, поскольку основной массив этих преступлений составляют насильственные деяния.

Определяя насильственное уголовное правонарушение в сфере семейных отношений, следует отметить, что в криминологической литературе отсутствует единый подход к выделению критериев данной группы правонарушений. Не существует и единого определения данного понятия, согласованного со всеми специалистами и закрепленного в законодательных актах Республики Казахстан. Наблюдается существенная разница между пониманием криминогенных семейных ситуаций, связанных насилием, с точки зрения международных правовых норм, казахстанских правовых актов, и с точки зрения самих жертв, а также общественных организаций. При определении таких ситуаций используются разные понятия: «насилие в семье», «домашнее насилие», «семейное насилие», «жестокое поведение».

Если обратиться к международному опыту, то в ряде зарубежных стран юридически закреплен термин «домашнее насилие» (domestic violence). Так, семейное право Великобритании официально вводит этот термин в 1990 г.,

закрепляя его в «Ноте OfficeOrder» (1990 г.) и включает в него «все аспекты физического, сексуального и эмоционального оскорбления, состоящего из угрожающего поведения, незначительных нападений, в результате которых возможны ссадины и синяки, а также причинение серьезных увечий, а возможно и смерти» [48, с. 61-62]. Соответственно, жертвой домашнего насилия признается член семьи, который претерпевает на себе указанные действия, при этом сам термин «семья» трактуется расширенно.

Давая характеристику домашнего насилия, семейное право Великобритании исходит из цикличности этого процесса, тенденциозности вовлечения в него несовершеннолетних членов семьи, проживающих совместно. Учитывая, что в стране ежегодно регистрируется около 50 тыс. таких случаев, министерство внутренних дел Великобритании рекомендует трактовать домашнее насилие так же серьезно, как и любую другую форму преступного насилия, в связи с этим указывается на необходимость полицейского вмешательства в практическую деятельность [48, с. 62].

Термин «домашнее насилие» несколько расплывчат и не указывает участников такого насилия, ограничивая насильственные акты домашней территорией. Понятия «насилие в семье» и «семейное насилие», принимаемые как синонимы, являются расширенными, включающими все аспекты агрессивного принудительного воздействия, причиняющего различного рода ущерб члену семьи, и распространены в международных правовых актах [49]. Однако в отечественных нормативных правовых актах легального употребления и определения этих понятий нет. Вместе с тем, в статье 1 Закона Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» используются следующие основные понятия:

1) потерпевший - физическое лицо, в отношении которого есть основания полагать, что ему непосредственно бытовым насилием причинен моральный, физический и (или) имущественный вред;

1-1) организации по оказанию помощи – юридические лица, осуществляющие предоставление потерпевшим специальных социальных услуг и (или) помощи в соответствии с настоящим Законом;

2) семейно-бытовые отношения – отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, близкими родственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей);

3) бытовое насилие - умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания;

4) профилактика бытового насилия - комплекс правовых, экономических, социальных и организационных мер, осуществляемых субъектами профилактики бытового насилия, направленных на защиту конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в сфере семейно-бытовых отношений, предупреждение и пресечение бытового насилия, а также на выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению;

5) субъекты профилактики бытового насилия - государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждане Республики [50].

Особенность ситуации состоит в том, что тема насилия в семье, его профилактика, положение жертвы находятся в «тени» общественного обсуждения и исследовательской деятельности. По справедливому замечанию В.В. Лунеева, насильственные действия, которые в других условиях считались бы преступными, в сфере семейных отношений узакониваются, к ним проявляется терпимость, к тому же такое поведение толкуется как приемлемые культурные нормы и традиции [51, с. 192].

Сложность заключается в уголовно-правовой характеристике основных понятий. Большинство исследователей склоняются к тому, что насилие - это активная, сознательная деятельность, непосредственно направленная против свободного волеизъявления [52]. Исследуя насилие, Л.Д. Гаухман включает в него насилие физическое и угрозу применения такового [53, с. 3]. Теория уголовного права традиционно сводит сущность насилия к физическому или психическому воздействию на другого человека, в зависимости от сферы приложения насилия (биологической или психологической) и способа воздействия (энергетического - физическое воздействие, информационного - психическое воздействие) [54].

С криминологической точки зрения для оценки насилия существенно то, что оно представляет собой крайнее пренебрежение к важнейшим жизненным благам и интересам другого человека. Насильственное поведение становится преступным только тогда, когда эти действия указаны в законе. Как отмечают исследователи, в теоретическом плане криминологически значимым является любое насилие, криминализованное или некриминализованное, а в практическом - лишь то, которое по уголовному праву квалифицируется как уголовно наказуемое деяние [55], со всеми вытекающими уголовно-правовыми фактическими и юридическими признаками.

Понятие преступного насилия в уголовном праве выступает в различных значениях [56, с. 9], но когда оно входит в объективную сторону преступления, последнее становится насильственным. Определяя его, Л.Д. Гаухман считает, что это преступление, сопряженное с насилием или угрозой его применения, направленное на причинение вреда физическим благам личности [53, с. 3,16]. Данное определение, как и большинство других, встречаемых в научной литературе [57], указывает на основные отличительные признаки, характеризующие насильственные преступления: объект посягательства (общественные отношения, ядром которых является охрана физического статуса личности), форма вины (в виде умысла), способ действия (физическое насилие как энергетическое воздействие на органы и ткани человека, психическое насилие как информационное воздействие на организм посредством влияния на психику).

При этом большинство исследователей склоняются к тому, что физическое насилие способно посягать на целый ряд объектов, связанных с правами и свободами личности путем энергетического воздействия на тело человека, его внутренние органы против его воли в преступных целях. В

уголовном законодательстве Республики Казахстан определен ряд составов, предусматривающих ответственность за такого рода насилие (ст.ст. 99,106, 107УК РК). Определение психического насилия в науке уголовного права является неоднозначным. Однако данное понятие следует рассматривать как самостоятельный вид насилия, заключающийся в воздействии на человека посредством информации, которая несет отрицательный заряд, способный вызвать эмоциональное потрясение, стресс, болезненно отражающийся на организме [58, с. 44], и включающий в себя не только угрозу применения насилия, но и оскорбления, клевету (ст.131УК РК). Оба вида насилия взаимосвязаны между собой. Так, физическое насилие влечет за собой кроме физического вреда и психическую травму [59]. Сочетанием физического и психического насилия можно считать насилие сексуальное. При этом большинство исследователей склоняются к тому, что физическое насилие способно посягать на целый ряд объектов, связанных с правами и свободами личности путем энергетического воздействия на тело человека, его внутренние органы против его воли в преступных целях.

Очевидно, что насильственное преступление в сфере семейных отношений проявляется в перечисленных формах и обладает всеми указанными выше признаками, но имеет ряд особенностей, вытекающих из сферы его совершения, в которой все отношения, в том числе и конфликтные, и связанные с ними обстоятельства непосредственно создаются самими их участниками. Во-первых, это преступление должно рассматриваться как конфликт между членами одной семьи. Во-вторых, в результате возникшего конфликта при его разрешении один член семьи применяет насильственные способы воздействия на другого члена семьи. В-третьих, при разрешении конфликта возможно причинение различного рода вреда близкому человеку, члену семьи. В-четвертых, семейные конфликты имеют тенденцию к цикличности и нарастанию с активной интеракцией его участников и вовлечением других членов семьи. По оценке Д. А. Шестакова, преступление в семье - это своеобразное разрешение конфликта при достаточной его выраженности вследствие активного взаимодействия членов семьи [60, с. 24].

Итак, *насильственное преступление, совершаемое в сфере семейных отношений*, это межличностный внутрисемейный конфликт, разрешаемый с применением уголовно-противоправного энергетического или информационного воздействия на члена семьи, которое несет в себе угрозу причинения ему физического и (или) психического вреда. Видовым признаком, отличающим его от других насильственных преступлений, следует считать наличие между членами семьи конфликтных, трудноразрешимых противоречий, существующих объективно либо воображаемых, которые при их разрешении приводят к применению насильственных способов воздействия.

В данной работе используются термины «насильственное преступление в семье», «насилие в семье», «внутрисемейное насилие» как взаимозаменяемые, несмотря на их различия как в уголовно-правовом, так и криминологическом плане.

Определяя латентную жертву насильственных преступлений,

совершаемых в семье, и выделяя и суммируя все признаки входящих в нее понятий, выделим объективные, объективно-субъективные и субъективные признаки латентной жертвы.

К объективным признакам латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, можно отнести все родовые признаки жертвы преступления, учитывая специфичность сферы проявления и формирования. Таковой жертвой является человек, но в особом качестве - состоящий в семейных отношениях, т.е. член семьи. При этом с криминологической точки зрения не имеет значения, вытекают эти отношения из юридического либо фактического брака, родства любой степени, являются ли они актуальными сейчас либо были в прошлом. При этом жертва конкретизирована, и причиняемый вред для виновного очевиден.

Другой объективный признак - наличие конфликтных, трудноразрешимых противоречий между членами семьи, в устранении которых один член семьи применяет насильственные уголовно наказуемые способы воздействия, причиняя либо создавая угрозу причинения вреда. Специфика семейных отношений, обусловленная интенсивным общением, совместным проживанием, отсутствием жесткого социального контроля, наличием интимных отношений, предполагает неизбежность повторения и нарастания насильственных действий при разрешении конфликтов и тенденциозность вовлечения в конфликт других членов семьи.

Субъективно-объективным признаком исследуемого понятия является виктимность, т.е. повышенная уязвимость человека в сфере семейных отношений. Объективным условием виктимности члена семьи выступает созданная с его участием конфликтная ситуация. Исследователи указывают, что в семейных отношениях человек более зависим от ситуации межличностного конфликта, которая приобретает самостоятельную, самодовлеющую ценность [61, с. 9-10]. В семье личность открыта и незащищена от преступного посягательства, поскольку членам семьи известны сильные и слабые стороны друг друга, реакции на различные воздействия. Субъективно-личностным фактором виктимности человека являются его социальные, нравственно-психологические и биофизические качества, которые, преломляясь в конфликтных ситуациях в семье, могут привести к причинению либо угрозе причинения ему вреда. Процесс виктимизации носит затяжной, длительный характер, протекает внутри семьи и зачастую не известен окружающим.

Субъективным видовым признаком латентной жертвы насильственных преступлений, отличающим ее от других жертв насильственных преступлений в сфере семьи, является отсутствие сведений о жертве и о самом деянии в уголовно-статистическом учете и, как следствие, нереализованность ею своих прав на защиту, т.е. латентность, которая в исследуемой сфере приобретает особые черты.

Рассматривая особенности механизма образования латентности жертв в семье на основании скрытости (полная латентность), необходимо указать на субъективную оценку и восприятие жертвой деяния. Полная латентность образуется в результате:

1. Неосознания жертвой противоправности способов воздействия (от этого зависит оценка ситуации и выбор дальнейшего поведения).

2. Незаинтересованности жертвы в обращении по различным причинам (мотивы такого поведения могут быть различны).

3. Существования различного рода зависимости от виновного (вследствие этого жертва воспринимает происходящее как фатальную неизбежность).

Условием появления такого основания латентности, как скрываемость (частичная латентность), является субъективная оценка деяния сотрудниками правоохранительных органов, обязанных выявлять и регистрировать ее. Это проявляется в следующем:

1. Неприятие мер к реализации информации правоприменителем, который не квалифицирует содеянное в семье как преступление.

2. Отсутствие эффективных уголовно-правовых механизмов защиты жертв насилия в семье, в связи с этим она и деяние не учитываются статистикой.

3. Неполное расследование насильственных преступлений, совершаемых в семье, когда один эпизод, обычно последний, известен и учтен, а серия предшествующих ему преступных деяний правовой оценки не получает.

Таким образом, под латентной жертвой насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, понимается член семьи, состоящий либо ранее состоявший в фактическом или юридическом супружестве, родстве, имеющий определенные личностные свойства, способствующие его виктимизации в ситуации семейного конфликта, при разрешении которого возможно применение энергетического или информационного воздействия, несущего угрозу причинения физического (психического) вреда, при этом сведения о таком лице отсутствуют в уголовно-статистическом учете, в результате реализация прав на защиту не представляется возможной в силу безусловной (полной) его скрытости или условной (частичной) скрываемости.

Любая жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, обладает определенными качествами, делающими ее в большей или меньшей степени уязвимой. Очевидно, что определенные личностные свойства, специфическое восприятие, преломляясь в ситуациях семейного конфликта, вызывают определенное поведение, создавая предрасположенность к более вероятному причинению физического или психического вреда. [62, с. 7]

Определив основные термины искомого понятия, нами выделен круг лиц, являющийся объектом исследования, что необходимо для выяснения личностных особенностей человека, делающих его в большей степени субъективно-виктимным в ситуациях семейного конфликта, что позволит проникнуть в механизм виктимизации личности в семье.

1.2 Характеристика личности латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений

Неотъемлемым элементом анализа латентной жертвы насильственных

уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, является криминологическая характеристика личности жертвы, поскольку содержательная сторона поведения любого человека в наибольшей степени определяется его личностной структурой. Ее исследование позволит выявить те субъективно-виктимные свойства личности, которые и определяют поступки.

Если личность преступника достаточно разработана и изучена, то личность жертвы, особенно претерпевающей насилие в семье, исследована неудовлетворительно. В науке высказывается предположение о сходстве личностных характеристик преступников, совершающих насильственные преступления, и их жертв. При этом такая однотипность обосновывается их взаимоотношениями, базирующимися на общности интересов, наклонностей, стремлений, уровне образования, развития, увлечений [63, с. 77]. Очевидно, что исследование личности латентной жертвы будет полезно и с целью выявления преступников с опорой на данные о жертвах, поскольку познание их особенностей является необходимым условием при разработке рекомендаций по профилактике насилия в семье, а также с целью понимания механизма внутрисемейного преступления и виктимизации членов семьи.

«Личность» - одна из наиболее сложных категорий научного знания, рассматривающего ее через призму специфических аспектов в контексте решения различных проблемных вопросов. Так, в современной криминологии проблемы личности исследуют в основном применительно к личности преступника, понимая ее как единство всех свойств, совокупность типологических качеств индивида, обусловивших совершенное преступное деяние [64]; антропологическая философия во главу угла ставит проблемы человека, соотношение его природно-биологической и социальной сущности, смысл бытия [65, с. 163]; общая психология формулирует основные положения личностной теории, базирующейся на структурном подходе [66]. При этом в научных теориях личность представлена как система биологических, социальных и психологических качеств, результат развития, в основании которой лежат общественные отношения человека, реализуемые через деятельность.

С особенностями личности связана реализация индивидуальных и социально обусловленных форм поведения, носителем которых является человек, реально включенный в общественные отношения, формирующие и определяющие отдельные элементы структуры личности и связи между этими элементами [67, с. 100]. Изучение личности может приблизить исследователей к пониманию ее поведения в конкретных жизненных ситуациях, объективные свойства которых проявляются через опосредование их внутренним миром человека [68, с. 6].

В криминологии личность исследуется в аспекте различных уровней ее проявления: индивидуальном, групповом, общесоциальном. В соответствии с разноуровневым проявлением можно выделить общее понятие личности жертвы преступления, понятие личности отдельных видов жертвы и понятие личности конкретной жертвы.

Личность жертвы преступления необходимо рассматривать в единстве ее

свойств и качеств, которые при взаимодействии с ситуацией формируют ее виктимность. Ее также можно рассматривать как социально-правовое явление [67, с. 95], поскольку основой данной категории является совокупность не только общесоциальных и психофизиологических, но и уголовно-правовых характеристик. Личность жертвы преступления возникает в результате совершения преступления и связана с причинением ей различного вреда. С этой позиции личность жертвы преступления представляет собой целостное образование, обладающее определенной структурой, состоящей из взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, проявление которых, в криминогенных ситуациях, формируют жертвенность и обуславливают ее виктимное поведение.

В данной работе исследуется личность отдельного вида жертвы - личность латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, которая является частью общего понятия личности жертвы. По мнению различных ученых, состояние жертвы внутрисемейного насилия является скорее результатом действий и личностных особенностей членов семьи, прибегающих к агрессии при разрешении семейных конфликтов, чем результатом собственных личностных особенностей и поведения [69, с. 82]. Однако, учитывая сферу совершения преступления, которая является и сферой формирования как криминогенных, так и виктимных свойств, жертва в семейном варианте может повлиять не только на зарождение мотивов, но и на возникновение самой мысли о преступлении [70, с. 36-38]. Опираясь на познание теории личности в психологии, философии и криминологии, следует определять индивидуально-личностные характеристики латентной жертвы преступного насилия в семье, поскольку лишь знание этих особенностей, ее роли в зарождении и развитии семейного конфликта, характер взаимоотношений с обидчиком позволят выработать эффективные меры виктимологической и криминологической профилактики.

Можно предположить, что правовой признак в понятии личности латентной жертвы характеризует претерпевание членом семьи различного вреда и возникает с момента совершения преступления. Его окончание правомерно было бы связать с реализацией прав жертвы на защиту и восстановлением своего положения. Однако для латентной жертвы это не представляется возможным. В связи с этим правовой признак растянут во времени, а его крайней границей может являться проведение мер виктимологической профилактики.

Таким образом, личность латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, это совокупность социально-правовых и психофизиологических свойств человека, выражающихся в возможности и готовности претерпевать насилие, которые в условиях ситуаций криминогенного семейного конфликта формируют жертвенность и могут привести к виктимному поведению и причинению ей различного рода вреда при разрешении возникшего конфликта в семье насильственным способом.

Анализ работ, посвященных личности жертвы [71], позволяет определить

типовую структуру личности латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в сфере семьи, которая состоит из следующих основных блоков:

1. Социально-демографическая характеристика.
2. Нравственно-психологическая характеристика.
3. Физическая (биологическая) характеристика.
4. Уголовно-правовая характеристика.

Социально-демографическая характеристика латентных жертв внутрисемейных преступлений должна включать следующие признаки: пол, возраст, семейное положение, образование, социальный статус, социально-ролевые отношения [72]. Исследователи отмечают, что сами по себе данные свойства не являются виктимными, т.е. не способствуют формированию жертвы в семье, но в совокупности с другими признаками выявляют определенные зависимости, характеризующие личность жертвы [9, с. 60-61].

Проведенный социально-демографический анализ латентных жертв внутрисемейного насилия позволил выявить социальные группы лиц, являющихся наиболее уязвимыми в ситуациях семейного конфликта.

При изучении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и материалов проверки по фактам криминогенных семейных конфликтов, было выявлено, что среди всех латентных жертв в возрасте от 18 до 60 лет 94,5 % составляют женщины, лишь 5,5 % - мужчины. Процентное соотношение мужчин и женщин указанного возраста, по данным анонимного анкетирования, следующее: 58,7 % - женщины и 41,3 % - мужчины. При анализе и обобщении данных, полученных в социально-психологических кризисных центрах, выявлено, что среди обратившихся за консультациями очно и по «телефону доверия» по фактам насилия в семье 92,4 % составляют женщины, 7,6 % - мужчины. Также выявлено, что для мужчин более свойственно обращение по «телефону доверия», чем очные консультации.

При анонимном анкетировании количество мужчин, отмечающих насилие по отношению к себе в семье, почти в 6 раз превышает количество тех, кто обратился за помощью в органы внутренних дел либо психологические службы.

Преобладающий удельный вес женщин - латентных жертв внутрисемейного насилия позволяет сделать вывод о том, что пол жертвы в сфере семьи становится определяющим в процессе виктимизации. Это, очевидно, объясняется, во-первых, различиями анатомо-физиологического строения мужчины и женщины. Имея физическое превосходство над женщиной, мужчина насаждает в своей семье насильственные формы общения без боязни за личную безопасность, в эмоциональном же плане женщины более чувствительны к оскорблениям и восприимчивы к психологическому давлению.

Во-вторых, требованиями, предъявляемыми к реализации так называемых гендерных ролей. Понимая под «гендером» существующие социальные роли обоих полов [73], содержание которых определяется историко-культурным контекстом, можно выделить устойчивые шаблоны поведения, свойственные для роли мужчины и роли женщины, которые они занимают в семье. Гендерные

стереотипы ставят женщину в семье в зависимое положение от мужчины - главы семейства [74, с. 72].

В-третьих, социокультурными стереотипами, существующими по вопросам семьи и семейных отношений в обществе. Исторически сложившиеся взгляды базируются на невмешательстве в семейные конфликты, существующий обвинительный уклон ставит ее в положение покорной жертвы, которая терпит насилие под давлением общественного мнения. Те же стереотипы препятствуют выявлению и осознанию мужчинами себя в качестве жертв.

Итак, пол латентной жертвы, в конечном итоге выступая фактором риска, является доминантой выбора насильственных действий одного члена семьи по отношению к другому. У женщины, по сравнению с мужчинами, большая вероятность стать жертвой внутрисемейного насилия. Разность показателей виктимности мужчины и женщины выступает как наиболее существенный фактор при оценке насилия в отношении женщин в международных правовых документах, значительное место в которых отводится защите именно женщин от насилия в различных сферах, в том числе и в семье [45].

Следующей важной индивидуальной особенностью личности жертвы является ее возраст, т.е. период развития человека, характеризующийся определенными качественными изменениями в физических и психических процессах, подчиненный особым закономерностям их протекания [75, с. 74-75]. С виктимологической точки зрения это то время жизни человека, когда он становится более уязвимым для насильственных действий в семье.

В психологии традиционно разделяют жизненный цикл человека на четыре больших периода: детство, отрочество, взрослость и старость [76, с. 8].

В криминологии нет четких критериев возрастной периодизации не только жертв преступлений, но и лиц, их совершивших. По мнению исследователей, в основу возрастной периодизации могут быть положены психологические, физиологические, социальные критерии

С точки зрения правоотношений первые возрастные периоды развития личности (детство и отрочество) до 18 лет отнесены законом к несовершеннолетию человека. Следующий за несовершеннолетием период зрелости с 18 до 60 лет отнесен учеными к среднему возрасту [77, с. 84]. По мнению ряда авторов, лиц старше 60 лет следует выделить в отдельную классификационную группу людей пожилого и старческого возраста, связывая этот возраст с наступлением пенсионного периода. Решающую роль в его обособлении играет социальный критерий [78, с. 102].

Соглашаясь с данной периодизацией, рассмотрим взаимосвязь указанных периодов жизни человека с проявлением насилия по отношению к нему в семье. Первый из них - несовершеннолетие.

Трудно всецело оценить масштабы и уровень насилия по отношению к детям в нашей стране, поскольку о подавляющем большинстве таких случаев не сообщается вообще. Истинные цифры гораздо выше, чем те, что отражаются в официальной статистике, и это позволяет говорить о высокой латентности жертв насилия в семье - детей. Так называемое воспитательное насилие носит

особо массовый характер, его рамки огромны - от шлепков и оскорблений до убийств.

При проведении анкетирования взрослым респондентам было предложено вспомнить, какие воспитательные методы применялись к ним их родителями. При обработке результатов выявлено, что 76,8 % анкетированных указали на применение физических наказаний к ним со стороны родителей, 81,7 % - на психическое давление, 35,3 % - на другие различные ущемления. Среди интервьюированных несовершеннолетних, учащихся средних школ, около 68 % заявили о различных видах наказания, применяемых к ним родителями. В большинстве случаев собранный инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних материал по данным фактам не находит законного разрешения.

К сожалению, в рамках данной работы не представляется возможным оценить масштабы насилия в семье над детьми до 3-х лет, поскольку таких исследований у нас в стране не проводилось. Согласно данным В.В. Гольберт, максимум побоев в США приходится именно на этот возраст, поскольку дети еще не способны управлять своими эмоциями, а неопытные родители не знают иных способов реакции на «неправильное» поведение ребенка, кроме как насильственных [79, с. 129].

Повышенный уровень насилия в семье соответствует периоду с 7 до 11 лет. По мнению психологов, это возраст, когда мышление ребенка становится более объективным, что способствует углублению его знаний о мире и вещах, об их свойствах и применении. Его развитие сопровождается ростом независимости [76, с. 25]. Ребенок начинает понимать, что с ним происходит, оценивает поступки других людей, с 7 лет он осознает значимость унижения его чести и достоинства.

С 7-летнего возраста у детей расширяется круг общения, ребенок идет в школу, он может рассказывать о положении в семье учителю, который приобретает для него статус товарища, и на первый план выходит собственно интерактивный смысл общения [80, с. 15]. Вступая в общение со взрослыми, дети начинают жаловаться на действия своих близких, идентифицировать их как неправильные, покушающиеся на их независимость.

В следующий период, с 12 до 15 лет, можно говорить о некотором снижении уровня насилия в семье. Сосредоточенность на собственной персоне толкает человека на поиск еще большей независимости и оригинальности. Выражение протеста может происходить стихийно, аффективно, выражаться в уходе из дома, так называемом переносе насилия. В данном возрасте подросток может самостоятельно обратиться в компетентные органы за помощью.

Однако говорить о низком уровне насилия в семье у детей с 3 до 6 лет было бы неверно. Опираясь на знания возрастной психологии, можно выявить несколько особенностей этого периода. Во-первых, подражание и синкретизм, т.е. неспособность устанавливать причинно-следственные связи между явлениями. Во-вторых, обостренное чувство стыда и вины, в связи с этим ребенок не говорит, что с ним происходит. В-третьих, замкнутое рамками семьи общение [81, с. 165]. Дошкольный возраст позволяет выявлять у детей

лишь признаки явного физического насилия при обращении самих родителей или окружающих ребенка людей в соответствующие органы.

Очевидно, что несовершеннолетие вне зависимости от возраста является фактором, повышающим виктимность лица в силу возрастных и физических особенностей, недостаточности жизненного опыта, неспособности верно оценить характер и социальную значимость действий, осознать их противоправность, при этом малолетство повышает виктимность ребенка в семье. К 15-18 годам вероятность стать жертвой насилия в семье снижается в 10 раз.

Согласно проведенному исследованию, выявлено 8,7 % латентных жертв в возрасте 18-20 лет; 59,1 % - в возрасте 20-40 лет; 32,2 % - 41-59 лет. Таким образом, наиболее виктимным для жертв насилия в семье является возраст от 21 до 40 лет. Вероятно, повышенная уязвимость человека в этом возрасте является следствием нахождения лиц в супружеских отношениях. Так, большинство респондентов с 21 до 40 лет (76,2 %) состоит в зарегистрированном или незарегистрированном браке. Совместное проживание и ведение хозяйства неминуемо вызывают противоречия, которые, обозначившись, стремятся к своему разрешению в ходе конфликта с применением насилия.

В целом, по данным соцслужб, средний возраст жертвы бытового насилия в Казахстане составляет 33 года. Большинство из них составляют женщины, находящиеся в экономической зависимости [6].

Проблема насилия в отношении лиц старше 60 лет находится в нашей стране в тени обсуждения и зачастую просто замалчивается. Пожилые люди редко обращаются по поводу жестокого обращения в семье в правоохранительные органы (по данным исследования - 5,2 %) или социально-психологические структуры (по данным исследования - 7,5 %). Социально-демографические признаки пожилых граждан выявить достаточно сложно, поскольку жертвы уже являются неактивным населением. Имеющиеся, хотя и в ограниченном количестве, данные позволяют говорить о том, что пожилые люди составляют 7,8 % от общего количества изученных латентных жертв преступного насилия в семье, т.е. каждая двенадцатая взрослая жертва внутрисемейного насилия - член семьи в возрасте старше 60 лет. Относительно пола жертвы пожилого возраста сложно делать однозначные выводы, поскольку продолжительность жизни мужчин меньше, чем женщин. При сборе исследовательских данных, имеющихся в геронтологических центрах, установлено, что около 75 % пациентов, находящихся в них, женщины. Частично этим можно объяснить преобладание лиц женского пола среди тех, кто констатирует факт жестокого обращения в своей семье (около 80 % - женщины).

У лиц в возрасте старше 60 лет снижается вероятность стать жертвой супружеского насилия, однако повышается вероятность стать жертвой насилия со стороны своих детей. Так, по материалам органов внутренних дел, среди латентных жертв 72,6 % - это жертвы конфликта с детьми; 15,4 % - с внуками; 7,7 % - с супругом; 4,3 % - с другими родственниками. При этом 78,2 % всех

пожилых жертв проживали вместе с членами семьи, применяющими к указанным лицам насилие.

Причины плохого обращения с лицами пожилого возраста кроются не только в конфликте поколений, но и в разрыве духовных, нравственных связей между поколениями, а также в экономических и психологических отношениях и межличностных противоречиях и конфликтах [82, с. 18]. Основными факторами, повышающими вероятность для пожилого человека стать жертвой преступного насилия внутри семьи, становятся: во-первых, пожилой возраст и, соответственно, ослабление физического и психического состояния; во-вторых, социальная изоляция, возникающая в связи с уходом на пенсию; в-третьих, совместное проживание с членом семьи, обеспечивающим уход за пожилым человеком, и наблюдающаяся, как эмоциональная, так и материальная, зависимость от обидчика. Зачастую такие жертвы семейного насилия в итоге эскалации насилия могут оказаться лишенными дома, в результате этого помещаются в геронтологические центры, однако факт жестокого, насильственного обращения осознается единицами, остальные лица уверены, что они таким образом помогают своим детям, родственникам.

Не вызывает сомнений утверждение, что возраст накладывает отпечаток на поведение людей, их потребности и жизненные установки [76, с. 41-47]. Но все же возраст не может выступать самодовлеющей причиной, оказывающей влияние на уровень насилия в семье. Более значимой характеристикой, детерминирующей виктимность, является роль, которую человек выполняет в семье. Эта роль выводит его на новый социальный статус, формируя уровень межличностных отношений внутри семьи.

Исходя из социальной роли, наиболее виктимной группой являются супруги. Так, 64,6 % жертв, по изученным материалам, собранным органами внутренних дел по фактам внутрисемейного насилия, и 54,4 % - по результатам анкетирования, составляют супруги, сожители, в том числе и бывшие. Из них супруги - по материалам ОВД - 30,1 %, (по данным анкетирования - 25,4%); сожительницы - 46,1 %, (39,3 %); супруг (сожитель) - 2,1 % (18,6 %); бывшие супруги (сожительницы) - 21,7 % (16,7 %). Как следует из полученных результатов, более высокий уровень насилия наблюдается в парах, не состоящих в официально зарегистрированном браке, а сожительствам. Таким образом, сожительство становится фактором, усиливающим вероятность насилия внутри семьи в 1,5 раза. Развод не дает гарантии на окончание цикла насилия, поскольку не разрешает всех противоречий, имеющих место в семье.

Конфликт «отцов и детей» остается и в современном мире достаточно распространенным. Так, 18,3 % обратившихся с заявлениями в органы внутренних дел по факту насилия в семье и 27,7 % - по результатам анкетирования - дети и родители. Из них, по обобщенным данным: родители - 61,1 %, при этом 81,8 % - это пожилые женщины-матери, проживающие совместно со своими взрослыми детьми; дети - 38,9 %. Исходя из результатов, наибольшая виктимность наблюдается у женщин старше 60 лет, проживающих со своими взрослыми детьми.

Семейный ролевой конфликт возможен между всеми родственными

группами. По данным материалов проверки и отказных материалов, 17,1 % - жертвы, состоящие в том или ином родстве с обидчиком, в том числе: 33,3 % - сестры, 26,6 % - тещи, 40,1 % - другие родственники (11,7 % - бабушки и дедушки, 5,7 % - падчерицы, 5,1 % - тети, племянники, 17,6 % - другие родственники).

Несмотря на существующее в науке предположение, о том, что львиная доля насилия в семье приходится на материально неблагополучные семьи [69, с. 91], трудно говорить о влиянии уровня доходов на изменение вероятности семейного насилия. Однако можно сделать вывод о взаимосвязи образовательного и социального уровня с желанием скрыть имеющее место насилие. Так, среди обратившихся с заявлением в правоохранительные органы по факту насилия в своей семье 6 % лиц имеют достаточно высокий уровень доходов, обусловленный квалифицированной и высокооплачиваемой работой, 22 % работают, имея доход, равный среднему уровню жизни, 29 % имеют неквалифицированную работу с низкой заработной платой, 43 % - те, кто проживает только на социальные пособия, не работает, т.е. уровень жизни можно охарактеризовать как крайне низкий. Аналогичными являются показатели, полученные в результате анкетирования: 31 % лиц имеют достаточно высокий уровень дохода; 42 % - средний уровень дохода; для 19 % характерен низкий доход; 8 % проживают только на социальные пособия, не работают, т.е. крайне низкий.

Чем выше уровень жизни семьи, тем чаще все криминогенные деяния в ней, в том числе и насильственные, стараются нивелироваться жертвой. Высокий уровень образования членов семьи является тем фактором, который также обуславливает высокую латентность жертв насилия в семье. Так, по результатам анонимного анкетирования, 68,4 % получили высшее образование (по материалам ОВД - 13,5 %); 29,8 % - среднее и среднее специальное образование (71,8 %); 1,8 % - неполное среднее (14,7 %).

Таким образом, степень латентности жертв напрямую зависит от их социального положения и образования. Чем выше социальный статус, уровень образования и доходов, тем более латентна жертва. Жертва, имеющая низкий социальный статус, непрестижную работу или ее отсутствие, низкий и крайне низкий уровень доходов, скорее готова к обращению в органы внутренних дел по фактам насилия.

Итак, как показывает исследование социально-демографических свойств личности, преступное насилие может совершаться в отношении любого члена семьи, вне зависимости от пола, возраста, социального статуса и других признаков. Но все же более виктимны женщины в возрасте от 21 до 40 лет, сожительствующие в фактическом браке, проживающие совместно с обидчиком, имеющие среднее образование, средний уровень доходов; несовершеннолетние (малолетние) в возрасте 7-11 лет; пожилые женщины старше 60 лет, проживающие совместно со своими взрослыми детьми.

Нравственно-психологическая характеристика личности латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в семье, выражает отношение личности к обществу в целом, принятым в нем ценностям и

нормативно одобряемым социальным ролям [20, с. 105], и является, по сути, ее внутренним миром. Наиболее устойчивые отношения образуют систему ценностных ориентаций, интересов и мотивации поведения [83, с. 95].

Криминологи, определяя нравственно-психологические особенности личности, исходят из того, что последние имеют относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы реагирования и адаптивные механизмы поведения, систему представлений о себе, межличностные отношения и характер социального взаимодействия [23, с. 28].

Для выявления нравственно-психологических особенностей личности латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, опираясь на системный подход в исследовании, рассмотрим искомые особенности, исходя из определения основных компонентов, входящих в систему как части целого. С точки зрения криминологии и психологии в качестве системообразующих элементов личности, имеющих значение для нравственно-психологической характеристики исследуемого вида жертв, можно выделить основные личностные сферы: [84] мотивационную, эмоциональную и волевую.

Предпринятый анализ и классификация социально-демографических признаков латентных жертв позволяет объединить всех, претерпевших насилие в семье, вне зависимости от пола, возраста и других характеристик, в единые группы, дифференцируя по выделенным сферам.

Мотивационная сфера личности является стержнеобразующей основой, поскольку, интегрируя потребности человека, выступает как система индивидуальных потребностей, в свою очередь, порождая мотивы, как побуждения к деятельности [85]. Мотивы наиболее очевидно свидетельствуют о том, насколько глубоко личность восприняла нравственные, правовые и иные позитивные ценности общества [86, с. 32]. Совокупность мотивов, детерминирующих поведение, составляет мотивацию. Мотивация, по мнению криминологов, включает потребности личности, планы, интересы, которые, взаимодействуя с системой ценностных ориентаций, порождают определенное поведение.

В данной работе при исследовании потребностей в мотивационной сфере личности латентной жертвы насилия в семье применялась иерархическая модель, предложенная Абрахамом Маслоу, и включающая пять основных: 1) физиологические, 2) безопасность и уверенность в будущем, 3) социальные, 4) уважение и 5) самовыражение [87], при этом две первые являются первичными, а три последующие - вторичными. Для указанной иерархической системы существует правило, по которому каждая следующая ступень имеет значение лишь тогда, когда предыдущие ступени реализованы. В отношении жертв внутрисемейного насилия следует указать, что их потребности прерываются на второй ступени - потребности в безопасности и защищенности (физической и психологической). Именно эта базовая потребность, преломляясь в ситуациях семейного конфликта, не удовлетворяется человеком, определяя дальнейшее его поведение и препятствуя проявлению более высоких мотиваций. Жертва

как бы «застревает» на этапе первичных потребностей, деформируя тем самым всю систему человеческих ценностей.

Как показывает практика, вероятность удовлетворения жертвой этой потребности позитивным путем в силу такой деформации не воспринимается. Восстановление (в данном случае ложное) происходит в поиске собственной вины или в уходе от принятия ситуации насилия, приуменьшая или вообще отрицая ее. 67,8 % респондентов, выявленных в ходе эмпирического исследования, отрицают противоправность совершенного с ними в семье насилия. По оценкам психологов-консультантов, приуменьшение или отрицание факта насилия помогает жертве его пережить, способствует хоть и искаженному, но восстановлению чувства защищенности. Другой вариант построения потребности в безопасности - самообвинение. Жертвы склонны обвинить себя в случившемся - и тем самым защитить. Четвертая часть (25 %) респондентов, по данным анкетирования, восстанавливают потребность в безопасности именно этим способом.

При длительной травмирующей ситуации семейного конфликта она может восстанавливаться путем насильственных действий жертвы по отношению к обидчику. Невозможность позитивным путем удовлетворить свои потребности в безопасности заставляет жертву реализовать эти потребности через совершение противоправных действий в отношении члена семьи. Можно констатировать, что, по исследованным материалам, около 58,7 % жертв реализовали потребность в безопасности таким путем.

Мотив, опредмечивающий потребности личности [88], стимулирует ее виктимное поведение. Формируясь под влиянием внешних условий в ситуации семейного конфликта, он образует особое личностное свойство, в котором фокусируются ее жизненные тенденции [23, с. 147]. Можно сказать, что мотив является внутренней непосредственной причиной виктимности, и в конечном итоге определяет, какими будут дальнейшие действия жертвы. Исследуя мотивы латентных жертв насилия в семье, можно выявить причины не только их виктимности, но и латентности с целью выработки мер предупредительного воздействия.

Для полноты исследования необходимо установить эмоциональную сферу личности жертвы, поскольку именно эмоции в ситуациях неопределенных, конфликтных, травмирующих обеспечивают человеку возможность приспособиться к существованию, при этом зачастую эмоции выступают в качестве одного из наиболее распространенных мотивов [86, с. 41]. Проявление чувств происходит в форме переживаний. Эмоциональные переживания человека отражают личную значимость и оценку внутренних и внешних ситуаций.

В ходе анонимного анкетного опроса были установлены эмоциональные переживания, которые человек испытывает в момент конфликтного столкновения. Результаты исследования позволяют говорить о широком диапазоне субъективно окрашенных реакций: от злости до бессилия. При этом женщинам в собственной семье более свойственно испытывать чувство обиды - 67,6 %, а в родительской семье - чувство беспокойства и тревоги - 59,1 %. Для

мужчин преобладающим является - как в собственной, так и в родительской семье - беспокойство (58,3 % и 78,5% соответственно). В родительской семье для женщин более характерно чувство обиды (40,9 %), для мужчин - чувство злости (35,7 %). В собственной семье для мужчин характерны в одинаковой мере и чувство обиды, и чувство злости (33,3 %).

Интересно отметить, что бессилие испытывают, согласно опросу, в собственной семье лишь женщины по отношению к насилию от мужа (сожителя) - 17,6 %, в других криминогенных ситуациях это чувство не фиксируется [89, с. 31].

Беспокойство, обида и злость являются доминирующими чувствами, определяющими реакции жертв в ситуациях насилия и приводящими к тем или иным волевым актам. Соответственно, по преобладанию этих чувств можно классифицировать латентные жертвы насилия в семье на три группы:

1. Латентные жертвы, испытывающие состояние эмоционального напряжения (характеризуется чувствами беспокойства, страха, тревоги; более свойственно для мужчин в собственной семье, и как для женщин, так и мужчин в родительской семье).

2. Латентные жертвы, испытывающие состояние ступора (характеризуется чувством обиды; преобладает у женщин в собственной семье).

3. Латентные жертвы, испытывающие состояние фрустрации (характеризуется чувством злости; причем фрустрация, по мнению психологов и психиатров, является предпосылкой агрессии [90, с.127]. Чувство злости более свойственно мужчинам при конфликтах в родительской семье и женщинам при конфликте в собственной семье).

Жертвам свойственно испытывать такие нравственные чувства, как стыд, чувство вины и унижения, вызываемые действиями обидчика. Характер таких переживаний не только связан с объектом, их вызвавшим, но и определяется индивидуальными особенностями личности [77, с.41], а также господствующими в обществе стереотипами и ценностями. Для многих латентных жертв именно нравственные чувства являются фактором, препятствующим их выявлению.

По результатам исследования, наиболее переживаемым для всех жертв в ситуациях насилия, как в собственной, так и в родительской семье, является чувство вины. 36,3 % женщин испытывают это чувство в родительской семье, 19,1 % - в собственной, мужчин соответственно - 42,8 % и 25%. Чувство стыда в данном случае наиболее свойственно женщинам (17,6 %) и является определяющим в сокрытии фактов агрессивных действий [89, с. 32].

Нанесенный внутрисемейным насилием вред еще не сформированной и не окрепшей в морально-нравственном плане личности ребенка деформирует его нравственные установки. Психологи и криминологи единодушно сходятся во мнении, что именно то, что было заложено человеку в детстве, предопределяет все его поступки в будущем [91, с. 290.]. Вытесняя в сферу бессознательного воспоминания о детстве, полученные психические травмы, недостатки воспитания, человек переносит это в свою жизнь, формируя свое отношение к обществу и к будущей семейной жизни.

Каждый вид латентных жертв насилия в семье предполагает определенные волевые действия, направленные на преодоление препятствий, возникающих на пути достижения цели [92, с. 134, 139], либо покорность им, и соответствующие им качества. К ним можно причислить те, что предопределяют латентность жертв насилия в семье:

во-первых, нерешительность, т.е. неспособность человека принимать своевременные и твердые решения. Жертвы не уверены в своих силах, недооценивают свои возможности, как правило, сомневаются в успешном освобождении от обидчика и прекращении насилия;

во-вторых, неинициативность, т.е. подавление свободы воли и волеизъявления одного члена семьи другим. Действия и поступки жертв находятся под контролем их обидчиков, которые стараются их изолировать от других контактов, тем самым устанавливая психологическую и эмоциональную зависимость над жертвой;

в-третьих, отсутствие самообладания, т.е. способности людей управлять своими мыслями и чувствами, действиями и поступками, что толкает их на совершение необдуманных, импульсивных поступков, не прекращающих виктимизацию, а способствующих процессу ревиктимизации.

Изменения, происходящие в основных личностных сферах в результате актов насилия в семье, приводят к деформации системы человеческих ценностей, формируя определенное восприятие и оценку создавшейся ситуации, мотивы поведения в этой ситуации, которые лежат в выработке цели и плана [86, с. 43-45], создавая готовность действовать определенным образом.

Основные мотивы, формирующие виктимное поведение личности латентной жертвы преступного насилия в семье и ведущие к ее латентности, а деяние - к безнаказанности, исходя из исследования, следующие: 27,5 % анкетированных не верят в возможность правоохранительных органов реально помочь в нормализации семейной ситуации; 25 % считают виновными в действиях обидчиков себя и стоят на позиции самообвинения; 16,3 % опрошенных отметили, что после раскаяния они прощают обидчика; 11,2 % респондентов указали на стыд в качестве основной причины необращения в правоохранительные органы; 10,2 % опрошенных терпят насилие из-за страха перед обидчиком, 5,8 % - из-за тревоги за будущее детей; 8,6 % респондентов указали на нежелание остаться без денег и поддержки; 5,5 % боятся общественного мнения (социальный статус семейного человека выше статуса одинокого) [89, с. 32-33].

Выявленные мотивы, при этом поведение жертв может направляться рядом мотивов одновременно, принимающие устойчивый характер, создают особую мотивацию, которую можно определить как «приобретенная или обученная беспомощность» [93], и жертвам необходимо внешнее вмешательство и помощь, чтобы ее преодолеть. Знание особенностей их мотивации необходимо при выработке мер выявления и виктимологической профилактики.

Постановка вопроса о *физических свойствах* личности, об их влиянии на поведение людей, дилемма соотношения социального и биологического для

науки в целом являются закономерными и до конца не определенными. Возникновение и становление новеллы в криминологии в значительной мере сопряжены с изучением биологических свойств преступника [94]. В науке недостаточно исследованы вопросы, освещающие биологические особенности жертв как факторы, повышающие вероятную виктимность индивида, а также влияние преступных деяний в семье в этиологии личностных расстройств жертвы.

В данной работе рассматривается физическая характеристика латентных жертв насилия в двух взаимодополняющих аспектах:

- изучение психопатологических особенностей личности жертв, приводящих к личностным изменениям и, как следствие, способствующих повышенной виктимности человека. Данные особенности условно объединяются под названием «психические аномалии»;

- анализ приобретенных вследствие психической травмы семейной этиологии личностных расстройств.

Психические аномалии в определенных условиях снижают сопротивляемость к воздействию ситуаций, в том числе и конфликтных; создают препятствия для развития полезных черт личности, необходимых для ее адаптации к внешним условиям; ослабляют механизмы внутреннего контроля, сужают возможности выбора решений и вариантов поведения, облегчают реализацию импульсивных, случайных, непродуманных поступков [95, с. 243-244]. Очевидно, что эти физические характеристики жертвы могут проявиться в создании обстановки, способствующей совершению преступления в семье. Наиболее значимы из них в ситуациях семейного конфликта алкоголизм, психопатии и примыкающие к ним акцентуации характера.

Алкоголизм, по мнению большинства исследователей, является самой распространенной психической аномалией [96, с. 17], хорошо изученной относительно личности преступника. Общепризнанной является связь алкоголизма и преступности. По данным нашего исследования, около 58 % семейных конфликтов возникает в связи со злоупотреблением членом семьи - обидчиком - спиртными напитками.

Однако очевидно, что привычка члена семьи к спиртному - черта личностного облика явно виктимного плана [9, с. 51]. Так, изучая материалы, находящиеся в архивах судов и органов внутренних дел, следует констатировать, что около 12,6 % жертв, обратившихся с заявлением в органы внутренних дел, в ходе возникшего криминогенного семейного конфликта употребляли спиртное совместно с обидчиком. Из них около 56,5% в ходе ссоры демонстрировали провоцирующее поведение в виде неконтролируемых высказываний, раздражительности, ревности, явившихся катализаторами конфликтной ситуации; 25,6 % человек под влиянием алкоголя становились уступчивыми, реагировали на создавшуюся ситуацию не критично, не могли ее реально оценить, тем самым подвергались нападкам более агрессивного члена семьи; 17,9 % человек конфликт, возникший при совместном употреблении алкоголя, воспринимали как свою вину; таким людям свойственна уязвимость в межличностных отношениях, но выражаются эти качества не в сопереживании,

а обращены они на себя. Необходимо подчеркнуть, что алкоголизм является не причиной виктимности человека, а условием, детерминирующим вероятность причинения ему вреда.

Отсутствие достоверных данных о распространенности психопатических отклонений и акцентуаций среди жертв преступлений не позволяет сделать категоричный вывод о виктимности того или иного типа.

Виктимное проявление этих отклонений может заключаться как в агрессивном, так и в пассивном поведении жертв насилия.

Так, при изучении уголовных дел о внутрисемейных уголовных правонарушениях было установлено, что 58,7 % виновных в их совершении в течение длительного времени терпели противоправные насильственные действия различного характера от члена семьи, который в уголовном деле значится потерпевшим, некоторые обращались в полицию, но помощи не получали, т.е. остались латентными жертвами. По заключениям судебно-психиатрических экспертиз, имеющих в уголовных делах, большинству из них свойственны психопатии или акцентуации характера агрессивного типа реагирования: 43,3 % - эпилептоидного, 29,4 % - лабильного, 27,3 % - возбудимого типов.

Такие акцентуированные черты характера, как раздражительность, накопление обид, злобы (эпилептоидный тип), перепады настроения, склонность к невротическим срывам (лабильный тип), аффективная взрывчатость, импульсивность, склонность к гневу (возбудимый тип) [97], в ситуациях семейного конфликта могут спровоцировать насильственные действия, а также «перевернуть» роли жертвы и обидчика. Пассивное поведение жертвы может быть инициировано следующими типами акцентуаций: сенситивный, психастенический, тревожно-мнительный, для которых свойственны чувства тревоги, боязливости, робости, неуверенности, занижение самооценки, - все это заставляет жертв молчать о насилии в семье и терпеть.

По данным исследований, процесс старения часто сопровождается сосудистыми заболеваниями с психическими изменениями [96, с. 17]. Можно сделать предположение о большей виктимности человека после 60 лет, поскольку психические аномалии у престарелых лиц при развитии семейного конфликта снижают сопротивляемость последних к воздействию ситуации, создают препятствия для осознания ситуации, а также адаптации к ней.

При анализе наличия личностных расстройств латентных жертв насилия в семье, приобретенных в результате семейного конфликта, исследовались два полюса реакций, переживаемых жертвой после семейного насилия - депрессия и чувство мести. При этом депрессия в постконфликтных переживаниях является распространенным состоянием для большинства взрослых респондентов: мужчин (60,4 % - в собственной семье и 38,5 % - в родительской) и женщин (58,5 % - в собственной семье, 37,3 % - в родительской). В то же время, чувство мести и желание возмездия по отношению к обидчику свойственны в основном женщинам, это более характерно для собственной семьи - 26,2 %, чем для родительской - 19,1 %.

Полученные результаты не претендуют на достоверность, поскольку выборка была случайной, и не ставилась цель эмпирически подтвердить наличие или отсутствие искомых состояний, вызванных криминальным насилием в семье. Однако имеющиеся сведения позволяют говорить о том, что бессилие, переходящее в депрессию, влечет терпение, пассивность, а злость, трансформируемая в желание возмездия, приводит к агрессии и активным действиям. По данным исследователей, аффект мести чаще всего проявляется у женщин и толкает их на ответное насилие по отношению к своему обидчику. 75 % женщин, отбывающих срок за убийство, причинение вреда здоровью своим обидчикам в семье, совершили этот поступок в отместку, из отчаяния, не видя другого способа остановить эскалацию насилия в семье [98, с. 168.].

Поскольку жертва преступления существует в связи с фактом совершения уголовного правонарушения, в ее криминологическую характеристику необходимо включить и уголовно-правовой компонент, заключающийся в характере совершения преступного деяния и степени насилия. Уголовно-правовая характеристика латентных жертв насильственных преступлений, совершаемых в сфере семьи, может состоять в выделении жертв по видам уголовно наказуемого насилия (физического, психического, сексуального).

В процессе изучения данных по фактам обращения жертв в органы внутренних дел установлено, что женщины в основном обращаются в случаях одновременного причинения физического (побои, легкий вред здоровью, истязания) и психического вреда (оскорбление), 2,3 % указывают на сексуальное насилие (изнасилование). 77,5 % мужчин обращаются в органы внутренних дел по факту физического насилия и лишь 22,5% - психического. Большая часть латентных жертв-детей и пожилых людей страдает от психического насилия (94,6 % и 63,6 % соответственно).

При анализе результатов анонимного анкетирования выявлено, что и женщины, и мужчины отмечают наиболее часто психическое насилие - 80,9 % и 82,7 % соответственно. Психическое насилие является преобладающим и у жертв-детей до 18 лет (78 %) и пожилых людей старше 60 лет (70,6 %).

Согласно данным социально-психологических центров, для женщин характерны обращения по фактам физического насилия в семье (51,7 %), 25,6 % - психоэмоционального насилия и 22,7 % - сексуального насилия со стороны близкого человека. Для 80 % мужчин характерны обращения по факту психоэмоционального насилия и 20 % - по факту физического насилия. Факт физического насилия преобладает и при обращении несовершеннолетних в центры помощи (42,2 %). Причиной обращения в органы внутренних дел пожилых людей в 74,7 % случаев является психическое насилие [89, с.35-36].

Уголовно-правовая характеристика латентных жертв будет неполной, если не указать на противоправность и общественную опасность таких посягательств. Выделенные виды насилия, которое претерпевают жертвы в семье, - это, несомненно, уголовно-противоправные деяния, поскольку они указаны в законе. Однако их общественная опасность - признак формальный, являющийся внутренней характеристикой преступления. И, как указывается в уголовном праве, это вопрос оценки факта причинения вреда, который

находится в компетенции суда, прокурора, следователя и органа дознания. Учитывая, что большинство выявленных нами составов уголовных правонарушений являются делами частного обвинения, то можно добавить - и в компетенции самой жертвы, в ее отношении к содеянному.

Так, в процессе анонимного анкетирования, выделяя те или иные виды насильственных действий, 67,8 % респондентов указали, что преступными их для себя не считают, что позволяет говорить об их уголовной противоправности и нивелировании общественной опасности.

Исследуя уголовно-правовую характеристику латентной жертвы можно сделать вывод о том, что при физическом насилии (энергетическом воздействии) в семье жертве свойственны обращения в компетентные органы. Жертвы психического насилия (информационного воздействия) в большей степени латентны и не склонны обращаться в различные структуры. Более половины латентных жертв исключают для себя опасность вреда, причиненного обидчиком, что, как уже отмечалось выше, объясняется их оценкой и восприятием самой ситуации причинения вреда.

Итак, криминологическая характеристика личности латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в семье, рассматриваемая через призму социально-демографических, нравственно-психологических, физических и уголовно-правовых характеристик, определяется комплексом относительно стабильных типичных свойств, которые при взаимодействии с внешними факторами деформируют систему ценностей, формирующих восприятие и оценку ситуации, образуя особую мотивацию приобретенной (обученной) беспомощности, обуславливающей повышенную латентную виктимность, что создает неблагоприятные предпосылки для профилактики в отношении латентных жертв по сравнению с известными жертвами [99, с. 121].

1.3 Виды латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений

Выделение видов латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в семье, имеет прикладное значение, так как позволяет определить направления профилактического воздействия, его место и интенсивность применения. Такая систематизация разрешит осуществлять обобщение полученных данных и делать выводы о том, что является типичным для ситуаций, в которых происходит причинение вреда, а также непосредственно для личности жертвы [9, с. 44]. Виды латентных жертв могут быть выделены исходя из классификации и типологии. Данные понятия близки по смыслу, но вместе с тем имеют отличия.

Виктимологическая классификация жертв тесно увязана с классификацией криминологических ситуаций, хотя в ее основу так или иначе положена значимость объективных и субъективных характеристик жертв преступлений, анализируемая через призму характера конкретных преступлений. Более того, для практических целей предупреждения

преступности такая классификация наиболее значима, тем более, что виктимологический характер насильственных преступлений является наиболее очевидным, ибо здесь роль взаимоотношений жертвы и преступника значительно выше, чем во многих других преступлениях [100, с.41].

Классификация, являясь более низким уровнем обобщения [67, с. 107], дает возможность сведения воедино бесконечного разнообразия особенностей жертв к обобщенным видам, при этом принимая за критерий обобщения то или иное свойство, признак. Беря за основу предложенные в отечественной виктимологии классификации [101], можно выделить в качестве признаков систематизации латентных жертв насильственных преступлений, совершаемых в сфере семьи, социально-демографические, нравственно-психологические и правовые признаки. При этом следует отметить, что классификация активно применяется при криминологической характеристике, и была дана в параграфе втором настоящей главы, в котором говорилось о личности латентной жертвы.

Для успешной реализации задач предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, на виктимологической основе, необходимо выделить типологию, в основе которой всегда лежат наиболее существенные признаки, закономерно связанные с поведением [67, с. 108], при этом криминологически значимыми является не одно, а несколько свойств. По мнению криминологов, самым важным ее отличием от классификации является то, что классификация дает описание изучаемого объекта, а типология - его объяснение [102, с. 88].

Типология латентных жертв преступного насилия в семье может быть рассмотрена как взаимосвязь свойств жертвы с механизмом преступного поведения, при этом такая типология должна объяснять причину, закономерности возникновения и развития виктимного поведения члена семьи в ситуациях криминогенных конфликтов. В связи с этим ее задача сводится к тому, чтобы на основе данных, полученных при изучении таких жертв, обобщить их наиболее типичные свойства, включающие субъективные оценки, мотивы, потребности восприятие, способствующие повышению индивидуальной виктимности, и провести их типологию на основе механизма появления латентности.

В соответствии с указанным выше, типология латентных жертв насилия в семье должна быть основана на следующих типобразующих параметрах: во-первых, характер и содержание *мотивации*, поскольку виктимное поведение может быть раскрыто через детализацию мотивов, которыми руководствуются жертвы насилия в семье; во-вторых, *роль в механизме преступления*, поскольку проявление типичных личностных свойств, включающих мотивы, интересы, желания, побуждения, которые определяют ее поведение, возможно лишь в ситуации семейного конфликта, В этой ситуации каждый его участник «играет» свою роль; в третьих, *механизм появления латентности*, поскольку объектом настоящего исследования является именно латентная жертва.

Наиболее значимой криминологической характеристикой личности, объясняющей субъективные причины ее виктимного поведения, является мотивация. Следовательно, общая типология латентных жертв насилия в семье

может быть проведена по *характеру и содержанию мотивации*, которая определена нами ранее как приобретенная или обученная беспомощность. На основании этого параметра можно выделить следующие типы латентных жертв:

1. *Добровольный тип* - жертва, не осознающая противоправности деяний в силу дефектов правосознания. Исследование проблемы показало, что люди не в одинаковой мере знакомы с нормами уголовного права, которые предусматривают ответственность за насильственное разрешение конфликтов в семье. По данным Н.И. Бельцова, проводившего криминологический анализ преступлений, совершаемых в сфере семьи и быта, в 80 % случаев опрошенные им родители рассматривают побои как наказание своих детей за провинность, а истязания в 45 % случаев - как форму принуждения для послушания. Побои и истязания, не связанные с детьми и родителями, в 60 % случаев считают «вынужденным применением силы» при выяснении отношений. Клевета и оскорбления, по мнению 90 % опрошенных, - просто «перебранка», часто заканчивающаяся миром [103, с. 20].

В рамках данного исследования проводился опрос граждан по вопросу о том, считают ли они семейные ссоры, сопровождающиеся упреками, ударами, оскорблениями и тому подобными действиями, преступлением. Около 52 % опрошенных ответили на вопрос отрицательно, 26 % согласились с тем, что такие ссоры являются преступлением, остальные ответить затруднились. При опросе пожилых людей в геронтологических центрах больше половины из тех, кто выделил какие-либо насильственные действия, не считают их таковыми и оправдывают обидчиков, не осознавая противоправности их действий.

Приведенные эмпирические данные свидетельствуют о правовой безграмотности населения, что также способствует росту процесса виктимизации членов семьи, их латентности и безнаказанности обидчиков.

2. *Покорный тип*. Как уже было указано, с позиций существующей общественной морали насильственное воздействие в семье, трактуемое как «воспитание», открыто не поощряется, но при определенных условиях признается социально допустимым, заставляя воспринимать факты насилия как норму жизни. Так, 58,8 % анкетированных женщин и 76,9 % мужчин, выделив различные виды насилия, в том числе физическое (пощечины, толчки, удары) и психическое (оскорбления, угрозы), применяемые к ним членом семьи в собственной или родительской семье, указали, что считают это обычным укладом жизни. Так, при беседах с детьми, претерпевшими на себе семейное насилие, около 87 % из них не обозначили указанные действия как насильственные и преступные, что частично можно объяснить малолетним возрастом опрошенных и, соответственно, психологической незрелостью мышления и сознания. Однако обращает на себя внимание тот факт, что более половины указали на то, что «все так живут». В данном случае большое значение приобретает воспитание, морально-нравственные установки личности.

3. *Вынужденный тип*. Жертва находится в какой-либо зависимости от обидчика. Данный вид жертвы воспринимает насилие и осознает себя пострадавшей стороной, идентифицируя это состояние, однако не может

изменить положение в семье в силу' определенной «сделки»: жертва будет терпеть насильственные действия обидчика в обмен на исполнение своих притязаний. При этом сама сделка может быть фиктивной, более того, односторонней, неизвестной другой стороне. Зависимость может быть материальной, психоэмоциональной, физической.

Жертва становится зависимой личностью, которой не достаёт ощущения свободы и собственного достоинства и которая не видит ни эмоционального, ни психологического, ни материального выхода из создавшегося положения. При этом согласно исследованию, наибольший процент получает критерий психологической зависимости, затем материальный критерий. Психологическая зависимость создает почву для восприятия жертвой насилия со стороны обидчика как своей вины и оправдания его. Состояние жертвы выражается в бессилии, в правоохранительные органы такие лица обычно не обращаются. Эта пассивность поведения жертвы создает объективные условия для продолжения насильственных действий. Так, 25 % респондентов считают виновными в действиях обидчика себя и ищут их оправдания.

Материальная зависимость проявляется в том, что жертвы ориентированы на получение какой-либо помощи, поддержки от обидчика и не хотят ее лишаться. Так, 8,6 % респондентов указали на нежелание остаться без материальной поддержки члена семьи [89, с. 38-40].

Проведенный анализ отказных материалов и материалов проверки, в которых жертвами выступали члены семьи, показал, что в 14,1 % случаев жертва и правонарушитель состояли в разводе, при этом проживали на одной жилплощади. Из объяснений жертв, следует, что более половины из них ссорились с бывшими супругами часто, но вынуждены были проживать совместно, поскольку невозможно было решить жилищную проблему. Нередки случаи совместного проживания престарелых родителей и взрослых детей, последние при возникновении конфликтов используют насилие в отношении своих родителей. Имеют место и иные ситуации. Так, беременная жительница города Алматы пожаловалась в полицию на избиения и угрозы со стороны супруга. Свою историю алматинка рассказала на странице в Facebook. Позжепосто женщине появился и в одном изTelegram-каналов. В нем говорилось о жалобах алматинки на «неоднократные избиения и угрозы со стороны мужа-наркомана, несмотря на её беременность. Он вымогал и снял почти 4,5 млн тенге со счета горожанки». В Департаменте полиции Алматы сообщили, что по заявлению Ж. в управлении полиции Бостандыкского района сразу же было зарегистрировано уголовное дело по статье «Истязание» [104].

Эмоциональная зависимость проявляется в виде различных чувств, основным из которых является страх, при этом 10,2 % анкетированных объясняют свою терпимость насилия страхом перед обидчиком и 5,8 % - тревогой за детей.

Данные случаи характеризуют вынужденную виктимность жертв, которая является способом адаптации к новым социальным условиям жизни.

4. *Самоутверждающийся тип.* Мотивация данной латентной жертвы насилия в семье ориентируется на общественное мнение, согласно которому

статус одинокого человека ниже, чем статус семейного. Самоутверждение этого типа происходит путем претерпевания насилия в семье. 5,5 % жертв ориентированы на общественное мнение и его оценку.

5. *Разочарованный тип.* Эти жертвы не верят в возможность правоохранительных органов им помочь и нормализовать конфликтную ситуацию в семье, не видят смысла в обращении в органы внутренних дел. Так, 27,5 % анкетированных указали на неверие в возможность реальной помощи и защиты жертвы.

6. *Агрессивный тип.* Виктимность жертвы формируется под влиянием таких чувств, как вздорность, конфликтность, вспыльчивость, агрессия. Неумение себя сдерживать проявляется в ситуациях конфликта как возможность и готовность стать жертвой и претерпеть вред от члена семьи. Так, при анкетировании 27,9 % респондентов признали, что поводом к семейным ссорам явились собственные упреки и недовольство.

7. *Стыдливый тип.* Основным мотивом жертвы, заставляющим ее демонстрировать виктимное поведение, является нравственное чувство стыда, которое не дает обратиться в органы внутренних дел и рассказать о случившемся. На эту причину в ходе анонимного анкетирования ссылаются 11,2 % опрошенных.

8. *Прощающий тип* [89, с. 40-41]. Как уже было замечено, специфика семейных отношений заключается в том, что обидчик и жертва находятся в межличностных отношениях, их связывают тесные эмоциональные, личностные связи, поэтому даже после криминального конфликта процесс примирения наступает практически сразу после агрессии. При обращении в правоохранительные органы такие жертвы отказываются поддерживать обвинение [105, с. 41]. Так, согласно официальной статистике, в текущем году в полицию поступило 100 тыс. сигналов о бытовом насилии. Большинство из них приходится на Шымкент, Астану, Алматы, а также Карагандинскую, Павлодарскую и Костанайскую области. В то же время по 60% из них полиция не смогла принять меры, так как по приезде на место потерпевшие отказывались от подачи заявлений. А без этого, согласно действующему законодательству, стражи порядка не могут привлечь правонарушителей к ответственности [106]. Сюда же можно отнести и психологию всепрощения, поскольку раскаяние члена семьи и его прощение остановило от обращения в правоохранительные органы 16,3 % опрошенных.

Определяя виды латентных жертв внутрисемейных насильственных уголовных правонарушений, необходимо в качестве стрессового момента выделить взаимодействие личностных свойств жертвы с ситуацией криминогенного конфликта в семье, точнее, виктимологическую сторону криминального семейного конфликта. Г.А. Панфилов отмечает, что в лично-бытовых преступлениях роль потерпевших значительно заметнее их роли в небытовых преступлениях, так как и потерпевший, и преступник «связаны» кругом общения, систематическим контактом. В основе их конфликта (даже при наличии материального интереса) присутствуют четко выраженные межличностные отношения с субъективными оценками,

несовместимыми с взаимными или односторонними притязаниями [107]. Кроме того, анализ практики показывает, что при семейных насильственных уголовных правонарушениях нередко сама жертва «формирует» и «воспитывает» преступника, часто не без ее помощи завершается становление преступника. По данным криминологических исследований, 80 % из числа потерпевших от семейных преступлений становятся жертвами в результате своего устойчивого виктимного поведения [108, с. 85]. Таким образом, в сфере семьи субъект преступления и жертва максимально приближены друг к другу, что облегчает совершение уголовного правонарушения и делает возможным смещение ролей преступника и жертвы.

Роль жертвы в ситуации семейного криминогенного конфликта может проявиться в механизме преступления через оценку ситуации, преломленную в субъективном восприятии жертвы. Сама жертва является необходимым элементом ситуации, одной из составляющих механизма преступления [9, с. 85], наряду с личностью преступника. Исходя из *роли жертвы* в механизме насильственного уголовного правонарушения, совершенного в сфере семейных отношений, виды исследуемых латентных жертв могут быть следующими:

1. *Персонифицированная жертва* - жертва, чьи законные интересы нарушаются открыто. Данный факт может осознаваться либо не осознаваться, вызывая какую-либо реакцию в виде осуждения, обращения в правоохранительные органы или психологические кризисные центры. Однако в эмоциональном плане реакция выражается в бессилии, терпении и в возможном наступлении в последующем депрессии. При этом жертва понимает, что является в данной ситуации потерпевшей стороной и хочет получить помощь, которая по разным причинам может быть либо не оказана, либо оказана в недостаточном объеме.

2. *Перверсивная жертва* - жертва, возникающая тогда, когда происходит смена ролей, выполняемых субъектами деяния. Зачастую такая смена - перверсия (лат. «perversus» - переворачивание, перестановка) приводит к тому, что сама жертва становится обидчиком, прибегая к ответному насилию при разрешении конфликта [89, с. 42].

Так, среди привлеченных к уголовной ответственности за совершение тяжких внутрисемейных преступлений против личности (убийство, тяжкий вред здоровью) значительное место занимают те, кого на совершение преступления толкнуло жестокое обращение с ними членов семьи [109, с. 82]. Влияние криминогенной ситуации семейного конфликта проявляется в нарастании таких негативных эмоций, как злость, гнев, желание возмездия, под влиянием которых человеку трудно принимать конструктивные решения, все его мысли и действия направлены на преодоление своего состояния. С этой целью жертвы используют любые средства, кроме обращения в правоохранительные органы, так как не верят в реальную помощь им со стороны государства, либо имеют негативный опыт обращения в органы внутренних дел.

Анализируя уголовные дела по убийствам, умышленному причинению тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью, совершенные одним

членом семьи в отношении другого, можно сделать вывод о том, что 58,7 % преступников пошли на совершение преступления в отношении члена семьи вследствие аморального или противоправного поведения потерпевших. По изученным уголовным делам около 31,6% осужденных - дети, в том числе и совершеннолетние, совершившие преступления против своих родителей, отчимов, сожителей своих родителей; 20,3 % - родители, которые пошли на насилие над своими детьми вследствие аморального поведения последних, 40,9 % - супруги, в том числе и сожители, 7,2 % - другие родственники. При этом согласно заключениям психиатрических экспертиз, имеющимся в уголовных делах, большинству указанных лиц были свойственны аффективная взрывчатость, эмоциональная неуравновешенность, так называемое накопление обид. Наличие этих виктимных свойств в ситуациях конфликта привело к смещению ролей.

Женщины в ситуациях семейного конфликта чаще совершают не самостоятельно иницируемые, а возмездные акты агрессии. Американский криминолог Джек Катц указал, что систематическое унижение, постоянная угроза подвергнуться насилию со стороны мужа (сожителя) могут привести к тому, что длительные пассивность, покорность и терпение женщины, в конце концов, трансформируются в непреодолимый гнев и завершаются праведным справедливым убийством [110, с. 218]. В качестве примера можно привести ситуацию семейного конфликта супругов Н.Гражданка Н. неоднократно обращалась в полицию с просьбой привлечь к ответственности ее мужа, который злоупотреблял спиртными напитками, требовал у нее деньги на алкоголь, когда она отказывалась их дать, избивал ее. Сотрудники полиции принимали решения об отказе в возбуждении уголовного дела, предоставив супругам право решать конфликт самим. В ходе очередной ссоры, когда муж, потребовав деньги на спиртное, ударил жену, сбил ее с ног и забрал деньги, она, взяв кухонный нож, нанесла им удар в сердце мужа, причинив тяжкий вред здоровью [38, с. 127, 130].

Позиция невмешательства для сферы семейных отношений, как показывает практика, достаточно часто оборачивается тяжелыми последствиями не только для самой семьи и ее членов, но и общества в целом. Многие исследователи утверждают, что у большинства преступников было тяжелое детство, они подвергались жестокому обращению, избиению со стороны родителей или лиц, их заменявших. По собственному признанию, 95 % людей, содержащихся в колонии за совершение тех или иных умышленных преступлений, в детстве испытывали насилие над собой в семье либо были его свидетелями [111, с. 14]. Став в детстве жертвой родственной агрессии, у человека формируется склонность разрешать конфликты также с помощью силы, т.е. перверсия произошла уже в рамках общества.

Особенности семейных взаимоотношений позволяют сделать вывод о том, что при разрешении семейного конфликта возможна смена ролей, при этом его первоначальная жертва может фигурировать в уголовной статистике в качестве преступника, на самом деле она является латентной «перверсивной» жертвой. Необходимо отметить, что большая часть таких деяний не была бы

совершена, если бы лица, их совершившие, и пострадавшие от их совершения попали в поле профилактического воздействия правоохранительных органов ранее и были бы привлечены к ответственности за противоправные деяния.

Определяя типы жертв, в качестве стержневого момента следует выделить те мотивы, интересы, желания, побуждения, которые, детерминируя поведение жертвы при разрешении криминогенного конфликта, приводят к ее латентности. Однако если говорить о латентной жертве, то в данном случае приобретает определенное значение механизм ее появления, а также причины этого. Отсутствие сведений о латентной жертве в официальном учете, а, следовательно, отсутствие официальной реакции свидетельствует не только о латентности жертвы, но и тенденциозности этого явления, заключающегося в неоднократности причинения вреда жертвам внутрисемейных уголовных правонарушений. Очевидно, основным критерием выделения жертв должны стать обстоятельства, условия, в связи с которыми сведения о ней и деянии отсутствуют в уголовно-статистическом учете. Как указывалось ранее, они могут скрываться и самой жертвой, и сотрудниками правоохранительных структур, ответственными за их выявление и регистрацию. Типообразующим параметром можно считать субъективную оценку и восприятие объективного деяния жертвой и правоприменителем.

Данный параметр позволяет разделить весь массив латентных жертв внутрисемейного насилия на две большие группы в зависимости от наличия условий для сокрытия жертвы при ее известности сотрудникам правоохранительных органов в виде их субъективной оценки объективной ситуации, либо отсутствия такого условия, так как жертва осталась им не известна в силу ее субъективной оценки ситуации семейного конфликта:

1. *Безусловные жертвы* насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений. В данную группу следует отнести всех лиц, чьи законные права и интересы в сфере семьи нарушены, однако эти факты не стали достоянием органов и учреждений, регистрирующих их и осуществляющих преследование виновных, соответственно неучтенные уголовной статистикой и не получившие официальной реакции. На основании оценочного критерия в эту группу могут быть объединены несколько подтипов:

1.1 *Безупречная жертва*- жертва, не осознающая противоправности направленных в отношении нее действий и не считающая их насильственными. Особенность данного подтипа состоит в дефектах правого и нравственного сознания. От этого в конечном итоге зависит выбор дальнейшего поведения и, следовательно, невозможность дать его правовую и нравственную оценку в связи с неосознанием агрессивного поведения обидчика и отнесением насилия к «внутрисемейному делу». В эту группу входят все латентные жертвы выделенных нами ранее мотиваций добровольного и покорного типов. По утверждению психологов, пока человек не осознал и не выработал свое отношение к сложившейся ситуации, реакции с его стороны не будет. Можно предположить, что это самая терпеливая и покорная жертва.

1.2 *Незаинтересованная жертва*- жертва, не сообщающая о противоправных действиях в отношении себя в семье правоохранительным

органам в силу незаинтересованности их выявления. Мотивы такого поведения жертвы могут быть различными, но базируются они на потребности сохранить существующую ситуацию, которая им знакома. К этой группе можно отнести выделенные нами ранее по характеру и содержанию мотивации самоутверждающийся, агрессивный и разочарованный типы латентных жертв.

1.3 *Беспомощная жертва*- жертва, не заявляющая о преступных действиях в компетентные органы по причине особого психоэмоционального состояния личности. Если незаинтересованные жертвы не хотят выявления фактов насилия над собой, руководствуясь соответствующим мотивом, то беспомощные жертвы не имеют возможности обратиться в официальные структуры по причине особого внутреннего состояния, как-то: чувства собственной вины, бессилия и различного рода зависимости от того, кто совершает насилие, когда вырабатывается навык беспомощности. В эту группу можно включить вынужденный тип мотивации, а также стыдливый и прощающий типы.

2. *Условные жертвы* насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений. В данную группу входят члены семьи, потерпевшие от противоправных действий членов семьи, при этом факт деяния стал известен правоохранным органам, но не взят ими на уголовно-статистический учет. Латентные жертвы данной группы на основании оценочного критерия могут быть подразделены на следующие подтипы:

2.1 *Скрываемая жертва* - жертва, обратившаяся в правоохранные органы по факту нарушения ее прав и законных интересов. Однако уголовные дела не возбуждаются, и никаких необходимых мер к реализации этой информации не предпринимается. Как было указано выше, большинство деяний внутрисемейного насилия не криминализовано, соответственно уголовно-правового воздействия они не влекут. Более того, сотрудники правоохранных органов склонны относить семейные ссоры с оскорблением, унижением, побоями и тому подобными действиями к категории «малого насилия», называя его семейным делом, обычным укладом жизни, но никак не преступлением против личности. Так, при беседе с психологами-консультантами социально-психологических центров выяснилось, что более половины их клиентов обращались в органы внутренних дел или суд по факту насилия, но их сообщения не были приняты.

Проводимые исследователями экспертизы показывают, что из числа всех преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, регистрируется правоохранными органами в среднем не более 25 %, причем в основном это тяжкие насильственные деяния [103, с. 10].

Нами проводился опрос сотрудников полиции - участковых уполномоченных полиции и дознавателей подразделений дознания по поводу их отношения к заявлениям о так называемом «семейном насилии». Внимание акцентировалось на изучении отношения сотрудников полиции к обращениям жертв по факту семейного конфликта, которые условно можно отнести к категории «малого насилия».

Большинство экспертов (в среднем по всем городам 44 %) не считает

такие семейные конфликты преступными, а соответственно - необходимой реакцией правоохранительных сил на факт обращения жертвы. Можно сделать вывод о незащищенности жертв данных видов деяний, незаинтересованности официальных структур в их выявлении. Причем интересно отметить, что сотрудники полиции - женщины и сотрудники полиции - мужчины по-разному относятся к проблеме внутрисемейного насилия. Так, 68 % из числа опрошенных женщин ответили, что считают вышеуказанные действия преступлением, и лишь 27 % мужчин на тот же вопрос ответили положительно. Можно констатировать тот факт, что в полиции, где в службе участковых уполномоченных служат в основном мужчины, господствует распространенное в обществе отношение к семейному насилию и его жертвам.

Сталкиваясь в практической деятельности с внутрисемейным конфликтом, который принял характер криминогенного, лицо, уполномоченное его разрешить, в большинстве случаев воспринимает его в пределах нормы (в особенности, если насилие не связано с причинением значительного вреда здоровью). Объяснение подобной негативной тенденции может быть дано с позиции сформировавшихся в обществе представлений о легитимности определенных видов насилия в семейной сфере как частного дела членов семьи, а не преступления против личности и общества. Анализ результатов опроса позволяет сделать выводы об имеющей место в сознании сотрудников ОВД деформации правовых и нравственных установок, которые являются решающими при принятии правового решения по факту обращения жертвы конфликта в семье.

2.2 Бесправная жертва - та часть условных жертв, которые обратились в правоохранительные органы, их заявления были приняты и зарегистрированы, однако достаточных мер к возбуждению уголовных дел не предпринято, в связи с этим сведения о деянии и жертве в статистический учет не попадают, свои права на защиту им реализовать не удастся.

Как показывает практика, поступившие из органов внутренних дел в судебный участок заявления не соответствуют предъявляемым к ним законотребованиям. В связи с этим заявители вновь вызываются в суд для приведения заявления в соответствие с требованиями закона. В случае неявки и неисполнения указанных требований судьей выносится постановление об отказе в принятии заявления к производству, при этом возбуждается лишь малая доля заявлений, остальные в виде материалов проверки остаются в архиве без принятия юридического решения.

Таким образом, органы полиции уполномочены лишь принимать заявления от жертв и далее в качестве курьера переправлять их в суд.

2.3 Долготерпеливая жертва - жертва серии насильственных действий, при которых одно известно правоохранительным органам, а все остальные остаются латентными. Отсутствие необходимой официальной реакции на преступное деяние ведет к беззащитности жертв насилия и к психологии «вседозволенности». К этому типу можно отнести перверсивных жертв, которые попадают в поле зрения правоохранительных органов уже в качестве подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в отношении своих

обидчиков. Однако даже при выявлении факта причинения вреда, отсутствует официальная реакция[89, с. 44-47].

Предложенные типологии латентных жертв насильственных преступлений в семье позволяют объединить в общие типы большое количество жертв, не отражая все психологические оттенки, которыми богата конкретная личность. Однако сами по себе личностные особенности, даже обобщенные, не до конца раскрывают причины виктимного поведения личности, поскольку зависят от целого ряда факторов, при взаимодействии которых происходит реализация потенциальной виктимности. В связи с этим остро и актуально встает вопрос о механизме виктимизации латентной жертвы насилия в семье, выявление которого на базе типологических характеристик жертв необходимо в целях прерывания процесса виктимизации.

2 Понятие и детерминанты механизма виктимизации латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений

2.1 Понятие механизма виктимизации латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений

Указанные ранее свойства личности латентной жертвы насилия в семье сами по себе или проявившиеся в поведении лишь увеличивают риск совершения преступного деяния в отношении нее, однако факт его совершения зависит от целого ряда других взаимодействующих виктимогенных и криминогенных факторов. Кроме того, сами по себе виктимогенные свойства личности представляют собой результат, как правило, длительного процесса ее жизни в определенной среде. Причем этот процесс развивается через систему не только прямых, но и обратных связей [112, с. 114].

Следует отметить и тот факт, что структура причинной связи личностных свойств жертвы и ее поведения не двухзвенная, между этими составляющими находится окружающая среда, конкретная жизненная ситуация [113, с. 56]. В связи с этим, наряду с личностными особенностями исследуемых жертв, необходимо рассмотреть ситуации формирования и реализации их уязвимости, т.е. ситуации, в которых происходит процесс и результат превращения лица в жертву преступления, что получило в виктимологии название виктимизации [9, с. 80].

В качестве причин выбора и реализации определенного варианта поведения выступает сложное взаимодействие объективных и субъективных факторов и отдельных частей взаимодействующих явлений - «личности и среды» [86, с. 19]. Связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности, определяемых в науке как условия, и внутренних психических процессов и состояний, определяемых как причина, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение, получили название механизма конкретного преступления [114]. Взаимосвязь процессов криминализации и виктимизации, особо проявляющаяся в сфере семейных отношений, вследствие указанных ранее особенностей, основным из которых является интеракция - взаимодействие и обмен элементами причинности, позволяет предполагать, что наряду с механизмом насильственного преступления в семье необходимо выделить и механизм виктимизации жертвы, без которого невозможно понять это преступление и выработать меры профилактики.

Очевидно, что механизм виктимизации как процесс и результат виктимного поведения человека в сфере семьи является равнозначным механизму насильственного преступления в семье как выбору и реализации преступного варианта поведения. Причем криминологический механизм обоих вариантов поведения в сфере семьи является взаимодополняющим, а при некоторых условиях и взаимообратимым. Роли обоих участников этого

преступления переплетаются, в связи с этим, как указывают исследователи, когда дело касается острых семейных конфликтов, в 60 % случаев еще за 10-15 минут до преступления не ясно кто будет преступником, а кто - жертвой [108, с. 85], что позволяет говорить о «взаимодополняющем партнерстве». Учитывая этот факт, выделим виды жертв, исходя из их роли в механизме преступления, указав на персонифицированную и перверсивную жертвы.

Механизм виктимизации определяет вероятностный характер совершения преступного деяния в каждом случае в отношении лица и может быть представлен теми же элементами, что и механизм преступления [86, с. 31-40], которые детерминируют поведение человека:

- свойства личности жертвы, заключающиеся в особенностях ее потребностей, интересов, ценностных ориентаций, порождающих мотивы;
- внешняя среда, ситуации, в которых находится личность в процессе формирования и непосредственно в процессе совершения преступления и причинения ей вреда, т.е. виктимологическая ситуация.

В сфере семьи личностный и ситуативный компоненты механизма преломляются через конфликтные внутрисемейные ситуации, и соответственно виктимность, как и криминогенность, формируется в семье, предыстория преступления в основе имеет внутрисемейные конфликты и противоречия [70, с. 37]. Более того, при наличии устойчивых стабильных связей и взаимоотношений, которые имеют место в сфере семейных отношений, все ситуации создаются самими участниками. При этом обидчик может оказать воздействие на формирование жертвы, что позволяет говорить о криминологическом аспекте в виктимологической ситуации и наоборот. Различие заключается лишь в том, с каких позиций они воспринимаются обидчиком и жертвой, в чем объективно выражается давление ситуации на каждого из них [9, с. 89]. Таким образом, криминологическая и виктимологическая ситуации в механизме внутрисемейного преступления взаимозависимы. Обе названные ситуации являются разновидностью конкретной жизненной ситуации, в случае совершения преступления в семье - ее полюсами.

Без определения виктимологической ситуации невозможно понять механизм виктимизации латентной жертвы насилия в семье, а также определить ее место в нем. В криминологической литературе ситуации определяются не однозначно. Так, по мнению Ю.М. Антоняна, ситуация представляет собой сочетание обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на его поведение в данный момент времени [115, с. 6]. В.Н. Кудрявцев определяет ситуацию как определенное сочетание объективных обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на поведение человека в определенный момент [116, с. 29]. Таким образом, выделяя объективные обстоятельства, влияющие на поведение человека, сам процесс формирования личности не включается в понятие ситуации, а соответственно и в криминологический механизм преступления.

Однако конфликты в семье часто порождаются субъективными особенностями ее членов [47, с.8]. Следовательно, конкретная жизненная

ситуация определяется семейными отношениями, а ее содержание должно включать и личностно-формирующие ситуации. Д.В. Ривман включает в ситуацию и этап формирования личности, справедливо характеризуя ее как совокупность объективных и субъективных обстоятельств, факторов и зависимостей, составляющих предысторию преступления и само преступление [9, с. 86-87], рассматривая ее через составляющие элементы. В содержание ситуации, по его мнению, входят обстоятельства формирования личности, конкретная предкриминальная ситуация, непосредственно предшествующая преступлению, само преступление, а также посткриминальная ситуация.

Соглашаясь с уровневым подходом, следует исходить из посылки, что выделение и изучение системы данных обстоятельств позволит установить закономерности виктимизации и определить ситуации в семье, в которых личность более уязвима, что, в свою очередь, позволит их выявлять и планировать профилактические мероприятия.

Личность - понятие социальное, формирующееся в обществе, при этом, усваивая внешние нормы и ценности, присущие группе и обществу, человеком осуществляется их интериоризация. Культурные нормы, существующие в обществе, особенности прошлой социализации, социальное положение человека образуют своеобразный базис, на котором формируются структурные элементы личности. Эти факторы являются относительно устойчивыми и внешними по отношению к субъекту. Выделение в них определенных условий, способствующих формированию ряда виктимных свойств, позволяет понять причины виктимного поведения жертвы. Взаимоотношения, возникшие в семье, также оказывают влияние на формирование личности и выступают в качестве внутренних факторов. Взаимодействие внешних и внутренних факторов способно сформировать внутри семьи конфликтную ситуацию, в которой обозначаются существенные противоречия и противоположные личностные позиции членов семьи [43, с. 95].

Предкриминальная виктимная ситуация в семье возникает при обострении внутрисемейных противоречий, предшествует открытому взаимодействию и сопровождается ссорами, конфликтными действиями.

Криминально-виктимная семейная ситуация - это конфликт, характеризующийся наивысшим обострением противоречий, которые один из членов семьи разрешает преступным путем, при наличии у него уже сформированных негативных качеств [43, с. 86], другой член семьи демонстрирует виктимное поведение, сформированное ранее, и претерпевает вред.

Посткриминальную виктимную ситуацию вынесем за рамки виктимологической ситуации, поскольку такая ситуация является следствием уже реализованной виктимности члена семьи и представляет интерес для проведения реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление положения жертвы. Однако посткриминальная ситуация приобретает самостоятельное значение в случае формирования у жертвы позиции латентности. В этом ракурсе она может быть рассмотрена как начальный этап ревиктимизации в ситуациях семейного конфликта. Например, прощение

жертвы, незаинтересованность в обращении, зависимость от обидчика и другие мотивы, рассмотренные ранее, останавливают жертву от легального «завершения» насильственного конфликта, формируя у обидчиков уверенность в безнаказанности и продолжении действий. Так, 83,6 % обследованных преступников считали ситуацию внутрисемейного конфликта благоприятной для совершения преступления, связывая это с нереальностью вмешательства милиции и общественности [117, с. 118]. Следовательно, в случае семейного конфликта, посткриминальная ситуация может совпадать с личностно-формирующей ситуацией.

Таким образом, в состав виктимологической ситуации входят:

1. Конфликтная ситуация, которая является личностно-формирующей ситуацией, преломляющей нормы и ценности общества и группы, привносимые в виде внешнего и внутреннего стресса, усвоенные членами семьи и оказавшие решающее влияние на формирование у жертвы повышенной уязвимости.

2. Предкриминальная виктимная ситуация, т.е. возникновение ситуации, непосредственно предшествующей преступлению, в которой, при взаимодействии с личностными качествами жертвы, проявляется виктимное поведение.

3. Криминально-виктимная ситуация, т.е. ситуация совершения насильственного преступления, реализация виктимности и причинение вреда жертве. Однако с точки зрения обеспечения латентности данный вред скрывается жертвой либо компетентным лицом в силу субъективных оценок.

Таким образом, виктимологическую ситуацию в механизме виктимизации латентной жертвы насилия в семье можно определить как совокупность внешних и внутрисемейных обстоятельств и факторов, способствующих формированию члена семьи с повышенной уязвимостью, реализующейся в предкриминальной и криминальной ситуациях, влекущих или способных повлечь причинение вреда члену семьи, при этом сама жертва остается латентной.

Механизм виктимизации латентной жертвы преступного насилия в семье представляется как взаимосвязь и взаимодействие объективных внешних и внутрисемейных обстоятельств, обусловленных окружающей действительностью, и субъективных свойств личности, детерминирующих выбор и реализацию варианта виктимного поведения из возможных вариантов поведения при разрешении семейного конфликта насильственным путем. Результатом такого взаимодействия личностных свойств и объективных обстоятельств является поведение жертвы, которое напрямую зависит от того, насколько данная ситуация «давит» на жертву, т.е. от ее субъективного восприятия, что в итоге определяется личностной структурой индивида и является основой латентности жертвы.

Как отмечает В.Н. Кудрявцев, каждая жизненная ситуация имеет объективное содержание и субъективное значение, которые могут сильно расходиться, при этом человек поступает в соответствии со своим представлением о ситуации [118, с. 39]. Но, поскольку конкретная ситуация, сложившаяся в семье и оказывающая влияние на преступника, зависит от

поведения жертвы, то представляет интерес и поведение жертвы. Для сферы семейных отношений особо важным является принципиальное положение виктимологии о зависимости поведения преступника от поведения жертвы [9, с. 95]. Суть поведения жертвы заключается не столько в его объективной значимости, сколько в том, как данное поведение воспринимается обидчиком и какая реакция следует.

С виктимологических позиций поведение жертвы может носить провоцирующий, неосторожный, положительный или нейтральный характер [20, с. 197]. В отношении латентной жертвы насилия в семье можно выделить общие для этого вида преступлений типы жертвы, поведение которых создает виктимоопасные ситуации, в той или иной мере способствующие совершению преступления. Таким образом, на этом основании выделены следующие типы:

1. *Провокационное поведение.* Формы негативного поведения потерпевших и их влияние на степень общественной опасности преступления глубоко исследованы В.С. Минской и Г.И. Чечель. По их мнению, попытка перечислить все формы отрицательного поведения жертвы бесполезно, поскольку существует их бесконечное разнообразие [75, с. 46]. По делам о внутрисемейных уголовных правонарушениях особенно остро стоит вопрос о противоправном, отрицательном поведении потерпевшего, которое спровоцировало совершение агрессивных действий преступника. При этом судебно-следственная практика сталкивается с различными формами такого поведения, выражающегося в побоях, оскорблениях, издевательствах. В настоящее время в науке активно исследуется так называемая «вина потерпевшего» [119, с. 16].

В сфере семьи провоцирующее поведение жертвы имеет несколько объяснений: во-первых, эмоциональная обусловленность конфликта. Используя одну из функций семьи - психоэмоциональную разгрузку, люди стремятся «разрядить свой накал» на близких людях, тем самым иницируя их на агрессию по отношению к себе. Негативное толчковое поведение жертвы в форме упреков, недовольства, подстрекательства будущего обидчика провоцирует применение к ней насильственных действий.

Во-вторых, материальная обусловленность разрешения конфликта при помощи насилия. По этой причине в группу жертв-провокаторов можно отнести тех, кто пытается, используя насилие над собой, решить свои материальные и бытовые проблемы. Так, гр-ка Л. обратилась в полицию с заявлением, указав в нем просьбу о привлечении к уголовной ответственности ее мужа гр. Л. за нанесение ей побоев и истязание. В ходе дознания было установлено, что супруги Л. после вступления в брак заключили брачный договор, одним из пунктов которого был пункт о предоставлении мужем квартиры в случае развода жене. После заключения договора в семье начались конфликты, инициатором которых была гр-ка Л. В результате очередной ссоры она попыталась вытолкнуть мужа из кухни, захлопнула дверь, ударив его по ноге, после чего гр-н Л., не сдержавшись, ударил жену. В ходе дознания гр-ка Л. требовала от мужа оформить на нее квартиру, взамен на заявление о примирении. В данном случае налицо создание и использование

виктимологической ситуации жертвой.

Кроме того, наличие у жертвы акцентуированной психики активного типа проявляется в различных формах провоцирующего поведения. Это поведение более свойственно личности с акцентуацией возбудимого типа с типичной демонстративностью действий.

2. *Пассивное поведение.* Жертва в силу своих личностных качеств становится объектом для психоэмоциональной разрядки членов семьи. Не оказывает сопротивления, руководствуясь мотивом «это моя вина», формируется механизм самоидентификации с насильником, перенос вины на себя, своего рода привыкание к претерпеванию насилия, что практически исключает выявление и профилактическое вмешательство.

Состояние жертвы выражается в бессилии. В правоохранительные органы такие лица не обращаются, покоряются свое судьбе, не желая и боясь что-либо изменить. Эта пассивность поведения жертвы создает объективные условия для продолжения насильственных действий и чаще всего влечет за собой истязания, систематические оскорбления и побои и т.д. Данный вид поведения свойственен акцентуированной психике жертвы по типу психастеника или сенситивного типа, с характерной высокой тревожностью, боязливостью, мнительностью, склонностью к самоанализу, самообвинению. Так, по данным МВД, с начала года в полицию поступило 100 тысяч сигналов о бытовом насилии. В большинстве из этих случаев полиция не смогла принять меры, так как потерпевшие отказывались от подачи заявлений. А без этого согласно действующему законодательству страж порядка не может привлечь нарушителей к ответственности [120].

В данном случае наблюдается психологическая зависимость людей от созданной ими ситуации.

3. *Нейтральное поведение.* Безупречное во всех отношениях поведение все же ведет к тому, что лицо становится жертвой на фоне алкоголизма или невротичности обидчика. На выделение этого вида жертвы влияет поведение обидчика, которому свойственны те или иные личностные особенности, акцентуации характера, формирование и функционирование эмоционально-волевой сферы и их проявление в формах, зависящих от этих особенностей.

Психиатры утверждают, что ребенок, познавший насилие над собой, впоследствии сам прибегнет к нему. Люди, которые в детстве были вынуждены защищаться от насилия, становясь взрослыми, переносят его на других. На самом деле такое поведение является способом обороны. Главное их побуждение - напасть первыми [121, с. 27]. Поведение жертвы никак не влияет на поведение обидчика и причинение вреда. Жертвой такого насилия может стать любой член семьи вне зависимости от своего поведения, в силу устойчивых особенностей личности, сформировавшихся с детства и привитых родителями определенных стереотипов, от которых человек при всем желании не сможет избавиться сам. Так, женщина, воспитанная в условиях жесткой дискриминации в родительской семье, став взрослой, в своей семье получив власть над своим ребенком, подвергнет его унижению с самого раннего детства. Взрослый мужчина, воспитанный матерью-деспотом, начинает

презирать других женщин, и в частности свою жену, поскольку, таким образом мстит своей матери за унижения, перенесенные в детстве и оставшиеся в памяти. Деструктивные свойства характера особенно остро проявляются на фоне употребления членом семьи алкоголя.

Опираясь рассмотренными выше понятиями, входящими в механизм виктимизации, определением основных ее составляющих и типичных форм поведения, можно установить классификацию конкретных жизненных ситуаций семейного конфликта. В юридической литературе предлагается достаточно подробная классификация ситуаций, как криминологических [122], так и виктимологических [123]. Однако исходя из особенностей исследуемой сферы, в зависимости от криминологического значения поведения жертвы, следует классифицировать ситуации индивидуальной виктимизации, которые повлекли или могут повлечь причинение ей вреда, взяв за основу такой классификации степень конфликтности ситуации, определяемой типичной для жертвы «остротой» поведения.

Указанный критерий, по мнению исследователей, остается ведущим в системе оценок криминологических семейных ситуаций и их классификационных параметров [70, с. 41], от которого в конечном итоге зависит степень виктимности лица, поскольку окончательную криминологическую характеристику его поведения можно дать лишь в контексте конкретной ситуации [9, с. 253].

При всем своем разнообразии эти ситуации в семье характеризуются определенными типичными чертами, в значительной степени связанными как с личностью и поведением жертвы, так и с личностью и поведением обидчика. В основе классификации ситуаций совершения насильственного преступления в семье лежат интегрированные в них формы поведения и свойства как жертвы, так и обидчика. В зависимости от степени конфликтности ситуации в семье для жертвы она может быть классифицирована как:

1. Средней степени конфликтности. Эти ситуации имеют повышенную виктимологическую характеристику, которая заключается в первичной агрессии, преимущественно психической. В этих ситуациях возможно пассивное поведение потерпевшего, отсутствие сопутствующих обстоятельств, как-то: злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами, наличие оружия в доме, а также психических отклонений у обидчика.

2. Высокой степени конфликтности, т.е. конфликтная ситуация носит затяжной характер. Для нее свойственно наличие физического насилия либо угрозы его применения, их неоднократность, на фоне злоупотребления участниками конфликта алкоголем, проявление ими каких-либо психопатических расстройств, наличие провокационного поведения жертвы, присутствие в доме оружия.

3. Крайней степени конфликтности. Для этой ситуации характерны неоднократные насильственные конфликты с жестким агрессивным разрешением, включающим физическое и (или) психическое воздействие (нанесение ударов, издевательства, оскорбления), в присутствии посторонних

лиц, на фоне злоупотребления спиртными и наркотическими веществами, демонстрация неадекватных признаков поведения, усугубляющегося наличием оружия, угрозами расправы, а также жестоким обращением с близкими людьми, прошлой судимостью. Поведение жертвы нейтрально и никак не влияет на поведение обидчика.

Выделение данных типов ситуации имеет прикладное значение для выявления латентных жертв преступного насилия в семье, поскольку такие ситуации являются ситуациями-схемами, а, по мнению специалистов, на практике нужна определенная схема [9, с. 253], пользуясь которой было бы возможно выявлять тех, на кого следует обращать особое внимание в связи с их повышенной виктимностью в сфере семейных отношений. К тому же анализ конкретного преступления в рамках виктимологическо- криминологической ситуации позволит не только вникнуть в обстоятельства появления преступника и потерпевшего [9, с. 88], но и выявлять их на максимально ранних этапах конфликтной ситуации в семье, поскольку жертва, как и ее обидчик, оценивает конкретную ситуацию семейного конфликта в силу личностных особенностей и поступает в зависимости от результатов оценки.

Таким образом, механизмом виктимизации латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, является взаимосвязь и взаимодействие объективных обстоятельств окружающей действительности и субъективных свойств личности, детерминирующих выбор и реализацию варианта виктимного поведения из возможных вариантов поведения, при разрешении семейного конфликта насильственным путем, способным повлечь причинение ей вреда. Результатом такого взаимодействия является поведение жертвы, которое напрямую зависит от того, в какой степени созданная при ее участии ситуация воздействует на нее, т.е. от ее субъективного восприятия и оценки, что в итоге определяется личностной структурой индивида и служит основой латентности жертвы.

Исследование объективных и субъективных обстоятельств, формирующих виктимное поведение жертвы в ситуациях семейного конфликта, позволит выявить детерминанты механизма виктимизации латентных жертв, на нейтрализации и устранении которых должна быть построена виктимологическая профилактика насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений.

2.2 Детерминанты механизма виктимизации латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений

Виктимизация для виктимности выступает такой же мерой обобщения, как преступность для преступления, и может быть выражена в сходных показателях [124, с. 52], что вполне можно отнести к системе уровневых детерминант виктимного поведения по аналогии с преступным.

Несмотря на дискуссионный характер проблемы причинности преступности, в криминологии сложился общетеоретический подход, согласно

которому к детерминантам преступности принято относить ее причины, условия действия этих причин и факторы, обуславливающие преступность. При этом под причинами понимаются негативные явления и процессы, порождающие преступность как свое закономерное следствие, под условиями - негативные процессы и явления, формирующие либо создающие благоприятные возможности для реализации причин, под факторами - явления и процессы, которые определенным образом влияют на состояние преступности [125, с. 24]. Необходимо отметить, что такое выделение несколько условно, поскольку существуют эти процессы и явления во взаимосвязи, воплощаясь в единой криминогенной ситуации.

В рассматриваемой проблеме интерес представляют детерминанты виктимного поведения, являющегося результатом механизма виктимизации жертвы. Поскольку, как уже обосновывалось, преступление диалектически охватывает не только преступника, но и жертву, постольку можно говорить о детерминантах механизма виктимизации, под которым условно будем понимать систему разноплановых явлений и процессов, обуславливающих повышенную уязвимость человека в ситуациях семейного конфликта. В эту систему входят причины, условия и факторы, которые, взаимодействуя друг с другом, проявляются в виктимологической ситуации.

Под причинами виктимизации можно понимать социально-психологические явления и процессы, которые непосредственно порождают виктимность как свое следствие. Традиционно криминология рассматривает причины на трех уровнях: общесоциальном - связывая причины поведения людей с процессами, происходящими в обществе в целом, отражающимися на образе жизни, оказывающими воздействие на личность и являющимися источником конфликтов; социально-психологическом - отражающем влияние на личность среды, малой социальной группы, в которой формировалась эта личность, а также выявление в ней источника конфликтов; личностном - обращающем внимание на весь спектр нравственно-психологических качеств личности, прежде всего на мотивацию, которая при взаимодействии с проблемной ситуацией обуславливает ее поведение [20, с. 147-148], в том числе и виктимное.

К условиям виктимизации можно отнести те явления и процессы, которые сами по себе не могут породить виктимное поведение, но способствуют и облегчают формирование и действие причины. Условия имеют социально-экономическое, правовое, организационное и тому подобное содержание.

Факторы виктимизации отражают определенную зависимость между виктимным поведением и целым рядом социально значимых явлений (например, пол жертвы, ее возраст, состояние психики и другие).

Между всеми названными элементами существует тесное взаимодействие, наличие которого позволяет использовать обобщенное понятие «детерминанты» [126], вкладывая в него все элементы системы.

Динамичное взаимодействие причин, условий и факторов виктимного поведения создает механизм виктимизации. Следовательно, необходимо

рассматривать детерминанты этого механизма применительно к латентной жертве насильственных преступлений, совершаемых в сфере семьи. Данные детерминанты многообразны и имеют разные подходы, вследствие этого в науке применяются их различные классификации [127]. В данной работе наиболее приемлемой будет классификация детерминант по уровням [20, с. 169-186], которая раскрывает эти детерминанты применительно к каждому: общесоциальному, социально-психологическому и психологическому (личностному). Выделенные уровни позволят связать общественный (макросреды), групповой (микросреды) и личностный срез детерминант виктимизации на основе диалектического видения противоречий общества, социальной группы и индивидуальной психологии [128, с. 192].

Таким образом, детерминанты виктимизации латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в семье, позволяют выстроить иерархию явлений и процессов, обуславливающих повышенную уязвимость человека в сфере семейных отношений, связать их между собой как следствие их взаимодействия, особо подчеркнуть те, которые формируют виктимность и определяют ее латентность.

Поскольку семья есть ячейка общества, противоречия и конфликты, существующие в нем, она непременно впитывает и воспроизводит на социальном уровне. Поэтому анализ детерминант виктимизации латентной жертвы насилия в семье следует начать с *общесоциального* уровня, с рассмотрения проблем общества в целом, а также с рассмотрения социально-экономических условий, ценностных ориентаций, которые влияют на каждого человека. Семейные отношения, складываясь в форму внешних стресс-факторов, могут выступать причинами и условиями, способствующими как готовности совершить насильственное преступление внутри семьи, так и формированию виктимного поведения, невозможности противостоять преступному воздействию члена семьи.

Анализ результатов исследования мнения граждан позволил выявить те общесоциальнозначимые явления, которые приводят к возрастанию конфликтного противодействия членов семьи. Так, 68 % опрошенных считают, что этому способствует тяжелая социально-экономическая ситуация в стране, в том числе низкий уровень доходов большей части населения и безработица, 57 % объясняют это злоупотреблением членов семьи алкоголем и наркотиками, 49 % опрошенных относят это к недостаткам воспитания, к отсутствию духовности и неумению строить межличностное общение.

В итоге, по мнению респондентов, повышенной уязвимости членов семьи способствуют негативные социально-экономические условия жизни. Особенность современной ситуации в стране заключается в том, что еще очень явно проявляются последствия распада и значительного ослабления некоторых социальных институтов, способствующих стабильности в обществе. Экономический кризис, сопутствующие ему инфляция, безработица привели к падению уровня жизни отдельных семей и обострили социальную напряженность и конфликтность членов семьи, и, как следствие, наблюдается алкоголизм и наркомания в качестве способов снятия напряжения и

тревожности, уход от решения проблем, что в значительной степени обуславливает воспроизводство агрессии и насилия. Многие исследователи констатируют прямую зависимость роста масштабов алкоголизации населения и динамики насильственной преступности в сфере семьи [129].

Опасность социально-экономического кризиса состоит в том, что внешние негативные условия могут быть привнесены в семью в виде нарастания чувства психологического дискомфорта, желания снять стресс путем насильственных действий.

Одна из глобальных трудно решаемых социально-экономических проблем общества и, в частности, семьи, являющаяся источником конфликтов в семье и повышающая уязвимость ее членов, - жилищная. Вынужденное проживание жертвы совместно с обидчиком вследствие невозможности решения квартирного вопроса является наиболее типичной ситуацией виктимогенной обстановки, при которой повышается возможность разрешения конфликта противоправным насильственным способом. Необходимость проживания на одной жилплощади ставит жертву в опасное положение, при котором лучший выход - приспособиться и терпеть. Как показали исследования, разрыв отношений, если это происходит в результате супружеского насилия, не является панацеей. Но если взрослые члены семьи могут освободиться от насилия путем обмена квартиры, разъезда, развода, то правовое положение детей такой возможности не дает. Несовершеннолетние вынуждены терпеть насилие в подавляющем большинстве случаев от собственных родителей. Следовательно, помощь и защита государства становится необходимой и единственно возможной.

Однако пока приходится констатировать, что в стране отсутствует действенная социально ориентированная политика, направленная на поддержку семьи, охрану материнства и детства. Так, органы опеки и попечительства обязаны принимать необходимые меры по выявлению и оказанию помощи ребенку в случаях, когда существует непосредственная угроза его жизни или здоровью, в том числе и в семье. Им же принадлежит право в таких случаях немедленно отбирать ребенка у родителей. При этом орган опеки и попечительства обязан уведомить прокурора, обеспечить временное устройство ребенка и в течение семи дней после вынесения органом местного самоуправления акта об отобрании ребенка обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских обязанностей. Однако процедура эта очень «забюрократизирована» и продолжительна по времени, поэтому органы опеки начинают работать только в тех случаях, когда конфликтные ситуации принимают крайние, необратимые формы, и никак не влияют на возможность их выявления и предупреждения [130, с. 8].

Несмотря на создание почти в каждом городе социальных центров в целях оказания помощи семье и детям, их работа осуществляется бессистемно и является нормативно не обеспеченной. Отсутствуют единые методики выявления жертв такого насилия, полученная такими центрами информация правомочными государственными структурами не востребована. Проблема

осложняется отсутствием законодательной базы, определяющей форму, роль и задачи различных учреждений, занимающихся разрешением социальных проблем в семье, в том числе и случаями насилия, совершенного в семье, а также межведомственной разобщенностью. Это нередко приводит к тому, что жертвы преступлений оказываются лишенными какой-либо помощи вообще, что способствует дальнейшей виктимизации человека в семье. Так, сегодня помощь в социальной реабилитации жертв оказывают 57 кризисных центров. Однако их количества недостаточно. К примеру, в Шымкенте в полицию поступило более 11 тыс. сообщений о фактах бытового насилия. Однако там действует всего один кризисный центр. А в области Абай и Кызылординской области они вообще отсутствуют. В этой связи местным исполнительным органам необходимо рассмотреть вопрос организации работы таких центров в регионах, а также увеличить госсоцзаказ на эти цели [131].

Однако, на практике, такая деятельность в основном направлена на работу с пострадавшими от насилия женщинами и детьми. Остальные жертвы внутрисемейных преступлений (люди пожилого и старческого возраста, составляющие 1/3 часть населения страны, а также мужчины) остаются вне сферы интересов работников центров.

Очевидно, что свою негативную роль в системе детерминант механизма виктимизации латентной жертвы насилия в семье играет и существующая правоприменительная практика. Законодатель совершенно справедливо отнес самые распространенные действия, связанные с насилием, имеющим место в семье, к делам частного обвинения, подчеркивая приоритет личных отношений. Признавая за государством право неограниченно вмешиваться в личные сферы человеческого существования, человек будет рассматриваться только как носитель субъективных обязанностей. Но не следует забывать, что в семье существует многообразие естественно-биологических, духовно-психологических, религиозных связей, многие из которых вообще не допускают правовой регламентации [132, с. 11] и подвластны лишь нравственному регулированию со стороны общества.

Оставляя за семьей право самостоятельно решать те вопросы семейных отношений, которые не нуждаются в правовом регулировании, государству необходимо гарантировать их правомерную реализацию. Однако, как показывает практика, именно статьи частного обвинения становятся средством для декриминализации деяний, а сложная процедура подачи заявления в суд заставляет жертву уклоняться от официальной процедуры расследования. Кроме того, необходимо отметить практику регистрации и официальной государственной отчетности МВД Республики Казахстан, как самих преступных деяний, так и их жертв. Ведомственные инструкции по осуществлению делопроизводства в правоохранительной системе требуют сбора полной информации на лицо, совершившее уголовное правонарушение, а полные данные о личности жертвы не отражаются в статистических документах. Тот факт, что проблема домашнего насилия статистически находится вне поля уголовных правонарушений, не облегчает положение жертв такого насилия. Однако пока даже прямое указание президента разобраться в

ситуации и необходимости криминализации подобных правонарушений пока ничего не изменило [133].

Все же в карточке отсутствует строка, в которой определялся бы характер отношений потерпевшего и преступника, а также мотивация виктимного поведения, что необходимо для проведения виктимологической профилактики.

Приходится констатировать и тот факт, что карточка составляется не на всех жертв, а лишь на официально признанных таковыми правоохранительными органами и судом. Министерство внутренних дел не может дать точные сведения, касающиеся случаев обращения жертв семейного насилия, поскольку по большинству заявлений принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, либо решение о передаче материалов по статьям частного обвинения в суд, - ни те, ни другие в статистике не фиксируются. Изменения в статистическом учете их вновь не коснулись.

В органах внутренних дел достаточно часты случаи невозбуждения уголовных дел по ст.110 УК РК (Истязание) даже после подачи жертвой третьего заявления по факту насилия, так как отсутствует эффективная система информационного обеспечения. Данные статистические показатели свидетельствуют о продолжении процесса виктимизации человека в семье и его латентности, поскольку не вызывают официальной реакции, а зачастую и профилактического воздействия, что позволило выделить этот тип жертв в отдельный блок - условные жертвы.

Еще одним фактором, способствующим процессу виктимизации человека в семье, является система средств исправления, применяемых судом к осужденным членам семьи. Приходится констатировать, что уголовное наказание члена семьи может наносить вред потерпевшему. Так, в 89 % случаев разрешения дел частного обвинения, в которых сторонами выступают члены (или бывшие члены) семьи, судом назначается наказание, связанное с денежными выплатами (штраф, исправительные работы), без учета личности потерпевшего, межличностных отношений, материального положения, что в конечном итоге сказывается на имущественных интересах членов семьи, ведущих с осужденным совместное хозяйство, и негативно отражается на внутрисемейном общении жертвы и ее обидчика. Средства исправления, применяемые судом к осужденным членам семьи, не способствуют восстановлению разрушенных отношений с жертвой, а иногда являются катализатором в развитии конфликтного противостояния.

Перенос значимости общественных ценностей из сферы нравственной в сферу материальную обусловлен пропагандой материальных ценностей, которая подавляет необходимость восприятия нравственной составляющей первых. Отсутствие должной правовой культуры сказывается и на восприятии гражданами тех действий, которые имели и имеют место в их семьях. Исследование проблемы показало, что люди не в одинаковой мере знакомы с нормами уголовного права, предусматривающими ответственность за насильственное разрешение конфликтов в семье. Приведенные в работе данные свидетельствуют о правовой безграмотности населения, что также способствует росту виктимизации членов семьи, их латентности и беззащитности. Как

указывается исследователями, недостаток информированности ведет к ослаблению защищенности [134, с. 78], а соответственно и приводит к виктимному поведению. Отсутствие должной правовой культуры, дефекты правосознания, отсутствие необходимой информации, а главное - юридической, являются основой генезиса и развития насильственных преступлений в семье, виктимности ее членов.

В обыденном сознании прочно укоренилось мнение о допустимости и даже необходимости так называемого «воспитательного насилия» в отношении детей, которые «не слушаются». Подчас насилие над ребенком сопровождается словами: «Меня били, поэтому из меня что-то получилось, и я буду бить своего ребенка». Менталитет и образ жизни граждан свидетельствуют о том, что воспитание и насилие не разграничивается. Неуважительное, а зачастую и жестокое отношение взрослых детей к своим престарелым родителям, которые воспринимаются как «обуза», является чуть ли не нормой. Мужчину же в роли жертвы семейных конфликтов общество клеймит как «слабака», не способного самому решить свои проблемы. Социокультурные стереотипы, существующие в обществе, являются еще одним фактором, обуславливающим виктимизацию членов семьи.

Терпимое, а иногда и одобрительное отношение к фактам семейного насилия способствует формированию у жертв различных психологических проблем и комплексов. Кроме того, попустительское отношение к защите прав жертвы и помощи ей со стороны компетентных государственных и негосударственных структур, а нередко и обвинительный уклон в адрес жертвы («сами виноваты», «плохо воспитали», «не хорошо себя вели» и т.д.) приводит к глубокому разочарованию во всей существующей системе общества, его идеологии и, как следствие, усугубляет виктимизацию.

Нельзя отрицать существование в обществе гендерных стереотипов, распространяющихся на взаимоотношения полов, распределение ролей в семье. По мнению исследователей, гендерные стереотипы служат источником психологического напряжения [74, с. 59]. Это свидетельствует о недостаточности и пробелах идеологической политики государства. Особенностью действительности и в наши дни является отсутствие культуры равноправия полов. Так, 20-летняя Коркем замужем была трижды. Первый раз её, пятнадцатилетнюю, против воли выдали за мужчину старше на семь лет. По словам девушки, супруг был ревнивым и бил её. Коркем от него сбежала. Но родная бабушка выдала девушку замуж второй и третий раз: хотела получить калым. Ни один брак не сложился. Осталась маленькая дочь.

«Родственникам я не нужна. Когда я жаловалась им на то, что меня избивают, они винили меня, говорили: «Живи с ним», - рассказывает Коркем.

По словам специалистов, женщины остаются с тиранами, потому что не видят поддержки родственников, хотят, чтобы дети росли с отцом или опасаются преследования [135].

Более того, законодательство в ряде норм, включенных в различные законы, также отражает реалии превосходства мужчин над женщинами, трудоспособной части населения над пожилой, пенсионной.

Широкое распространение насилия в семье обуславливается еще и существованием духовного вакуума, образовавшегося вследствие длительного подавления и уничтожения некоторых социальных институтов, основной из которых - религия. Именно религия дает базис многих нравственных ценностей, на которых зиждется общество. Это не только вера, но и образ жизни, и взаимоотношения людей. Религиозная психология и этика глубоко проникали во все сферы бытия и отношения людей, в том числе и семейные, исполняя роль регулятора социальных и межличностных отношений, существенно снимающего напряженность и тревожность людей [136, с. 290-291]. Семья с точки зрения религии - домашняя церковь, где должны царить уважение, умиротворение, нравственность. Разрушение этой аксиомы приводит к утрате семейных ценностей, порождению у людей чувства незащитности и хрупкости существования.

Больше всего специалистов печалит то, что 70% жертв бытового насилия возвращаются к мужьям-дебоширам. Только треть хотят вести самостоятельную жизнь дальше. Одна из главных причин, почему женщины вновь возвращаются к мужьям-тиранам, это уят (стыд). «У нас есть такие случаи, что женщина к нам пришла, месяц прожила и потом начала снова поддерживать с мужем связь. Говорила, что он попросил прощения, и она к нему вернулась. А через два дня мы узнаём, что он её зверски избил, и она обратно к нам попадает уже в тяжёлом состоянии. Некоторые говорят, что любят, некоторые ссылаются на детей», - сообщила соцработник [137].

Положение усугубляется еще и тем, что средства массовой информации активно пропагандируют жестокость и насилие, создавая своеобразную «рекламу» насилия как оптимального средства решения большинства проблем. Создается идеологическая атмосфера вседозволенности, в связи с этим применение насилия в своей семье уже не кажется чем-то противоправным. Более того, показывая те или иные сюжеты о внутрисемейном насилии, их подтекст зачастую говорит о бессмысленности обращения жертв за помощью, поскольку никто не поможет, создавая у жертв устойчивое мнение о бесполезности сопротивления либо о готовности самим разрешить ситуацию также с применением насилия. Все это неизбежно ведет к формированию в общественном сознании устойчивого мнения о возможности и допустимости применения насилия в семье при разрешении конфликтов.

На *социально-психологическом* уровне непосредственного окружения жертв необходимо раскрыть детерминанты виктимизации, действующие в малых социальных группах, в частности в семье, в которых происходит формирование личности латентной жертвы внутрисемейного насилия, и возникает сама ситуация конфликта, которая завершается преступлением.

Современная семья существенно отличается от семьи прошлых лет коренными изменениями не только многих функций, которые она выполняет в обществе, но и субъектным составом, внутрисемейными взаимоотношениями. Фамилистика уже давно указывает на негативный характер изменений традиционных количественных (субъектный состав семьи) и качественных (выполняемые функции) характеристик [43, 95-102]. Так, новые экономические

условия перестраивают систему внутрисемейных отношений не по половому, а по экономическому признаку (кто больше зарабатывает, тот глава семьи), изменяются и ролевые взаимоотношения между членами семьи (женщина больше не хранительница очага, а мужчина не добытчик, что вызывает гендерный конфликт [138, с. 216]), современный ритм жизни затрудняет полноценное доверительное общение и установление положительных эмоциональных связей [20, с. 171-172] (невротизм в виде внешнего стресса переносится на общение с детьми, престарелыми родителями, супругами [60, с. 15-19]). Не всегда эти изменения являются положительными, а соответственно, и позитивной смена существующих в семье семейных отношений.

Как показало данное исследование, наибольший уровень насилия имеется в семейных парах, сожительствующих без официального оформления отношений (46,1 %). Объясняется этот факт неопределенностью и неустойчивостью отношений, что создает хорошую почву для конфликтности.

Ломка традиционной системы семейных отношений сказывается на прочности самого института семьи, снижается ее значение как социальной общности, обеспечивающей репродуктивную и воспитательную функции, безопасное существование и развитие человека в семье. Отголоском такой ситуации можно считать уменьшение взаимопонимания, душевности, любви и согласия, что предопределяет конфликты и, как следствие, виктимизацию более слабого, как физически, так и психологически, члена семьи.

Существуя в рамках создавшего ее общества и объединяя различных субъектов, семья в процессе своей жизнедеятельности сталкивается с воздействием на нее сложных жизненных ситуаций, вызванных как социальными процессами вне семьи, так и противоречиями и кризисами в самой семье, что может привести к нарушению ее жизнедеятельности и дисфункциональным изменениям. Данные ситуации, объективно существующие либо субъективно воспринимаемые человеком как сложные и поэтому не могущие быть преодоленными самостоятельно, меняют систему внутрисемейных отношений, влияют на благополучие всех членов семьи и служат источником конфликтов, лежащих в основе многих преступлений в семейной сфере [43, с. 95-102].

Таким образом, к социально-психологическим детерминантам виктимизации можно отнести, во-первых, нарушение представлений членов семьи о личности друг друга, во-вторых, нарушение межличностных коммуникаций, в-третьих, нарушение структурно-ролевого аспекта семейных взаимоотношений, в-четвертых, преобладание механизмов распада семьи над механизмами интеграции. Данные детерминанты приводят к семейной конфликтности.

Психологические детерминанты механизма виктимизации латентной жертвы преступного насилия в семье раскрывают детерминанты виктимизации на уровне отдельной личности - члена семьи. В данном случае акцент необходимо сделать на индивидуально-психологических свойствах человека, которые при взаимодействии с ситуацией семейного конфликта, разрешаемого насильственным путем, обуславливают виктимное поведение. Исследование

личности жертвы, ее свойств, проблем, с которыми ей приходится сталкиваться и, которые могут спровоцировать семейный конфликт, является основополагающим на данном уровне.

Психологические детерминанты виктимизации латентной жертвы внутрисемейного преступного насилия могут быть обусловлены, во-первых, особенностями мотивации латентных жертв насилия в семье; во-вторых, особенностями ситуации совершения преступления в семье, связанной с активным участием жертвы в формировании этой ситуации и последующем давлении этой ситуации на нее, в-третьих, субъективным восприятием жертвой ситуации семейного конфликта, ее специфической реакцией.

Исследование в качестве детерминант особенностей мотивации латентных жертв насильственных преступлений в семье требует обращения к самой личности. Ее специфика, по мнению исследователей, заключается в том, что, являясь носителем внутренних психологических причин виктимного поведения [9, с. 62], она реализует их в ситуации семейного конфликта на основе имеющихся у нее мотивов, которые выражают ее чувства, потребности, стремления.

Мотивация поступков латентных жертв насилия в семье формируется, вернее, деформируется под воздействием обидчика, ей свойственны система ложных воззрений («бьет, значит, любит», «все так живут», «ничего нельзя изменить»), самообвинение, всепрощение, что в конечном итоге формирует жертвенность, - все это выявляет особый вид мотивации латентной жертвы - приобретенную, обученную беспомощность.

Специфика положения жертвы внутрисемейного насилия состоит в их особой уязвимости и отсутствии возможностей для предотвращения и прекращения насилия. Зачастую жертвы зависят от своих обидчиков в семье и не заинтересованы в принятии каких-либо мер и изменении ситуации.

Формирование и проявление «приобретенной беспомощности» определяется наличием в семье конфликтной жизненной ситуации. Как указывалось ранее, возникшие в семье конфликтные ситуации создаются при активном участии всех конфликтующих сторон. Основными их особенностями, детерминирующими виктимность, являются их анонимность, закрытость для постороннего контроля, а также доступность цели. Конфликт перерастает в криминогенную ситуацию при достаточной его выраженности вследствие активного взаимодействия членов семьи. Это взаимодействие сопровождается ссорами, агрессивным поведением, скандалами.

Зависимость мотивации от ситуации семейного конфликта заставляет личность подбирать (осознанно или неосознанно) определенную, характерную для нее реакцию. Отношения человека к создавшейся ситуации не только понимаются им и проявляются в действиях, но и переживаются в виде эмоций, отражающихся в форме непосредственных переживаний.

Связи, которые существуют между членами семьи, т.е. психологическое пространство, характеризуются эмпатийностью и взаимозависимостью, в соответствии с этим жертва может быть лояльна к обидчику. Члены семьи, по мнению криминологов, связаны невидимой психологической нитью, разрыв

которой для каждой стороны глубоко травматичен, и поэтому нежелателен [139, с. 9]. Следовательно, сложившаяся семейная ситуация воспринимается жертвой крайне эмоционально, определяя ее реакцию, обуславливающую латентную виктимность.

Результаты исследования показывают, что практически любое насилие в семье актуализирует широкий спектр субъективно окрашенных реакций: от злости, агрессии и желания возмездия до бессилия, депрессии и полной потери цели своих поступков. Эти противоположные эмоциональные реакции на ситуации конфликта заставляют жертву действовать определенным образом. Специалисты склонны говорить о двух способах разрешения конфликтных ситуаций в семье: либо в сторону приспособления, либо в сторону разрушения семьи, негативной формой которых является преступление против члена семьи [60, с.19-20]. Если первый способ характерен для реакций жертвы в форме бессилия, депрессии, то второй вызывает злость, агрессию, желание действовать, мстить. Полярность переживаний человека позволяет предположить, что при воздействии травмирующей ситуации на жертву оба полюса реакций взаимнообратимы.

Таким образом, характеристика особенностей детерминант виктимизации латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, включает в себя: на общесоциальном уровне - раскрытие объективных (социально-экономический кризис, жилищная проблема, существующая правоприменительная практика и статистика) и субъективных (отсутствие должной правовой культуры и воспитания, бездуховность и гендерные стереотипы) условий в обществе, которые способствуют уязвимости человека в сфере семьи; на социально-психологическом - коренные изменения функций семьи, ее субъектного состава и семейных отношений, что приводит к семейной конфликтности; на психологическом - указание на особенности мотивации жертвы, состоящей в формировании мотива обученной беспомощности, специфику ситуаций совершения преступления в семье, создаваемых при активном участии жертвы, особенную эмоциональную реакцию на переживаемую конфликтную ситуацию в семье в форме либо бессилия, депрессии, либо злости, желания возмездия.

Рассмотренные детерминанты механизма виктимизации латентной жертвы преступного насилия в семье должны быть учтены при разработке мер по виктимологической профилактике рассматриваемого вида уголовных правонарушений.

3 Виктимологическая профилактика насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений

3.1 Понятие виктимологической профилактики

Исследование личности и поведения латентной жертвы насильственных преступлений в ситуациях криминогенных семейных конфликтов может быть положено в основу деятельности по предотвращению этого крайне негативного для общества и личности вида деяний. В криминологической литературе и нормативных правовых актах при обозначении деятельности, направленной на ликвидацию или нейтрализацию криминогенных факторов и условий, а также преступлений в целом, используются термины «профилактика», «предупреждение». При этом ряд авторов пытаются разграничить эти понятия, связывая их с различными видами, уровнями и направлениями этой деятельности[140,с.333-342]. С точки зрения семантики указанных понятий термин «профилактика», интерпретируется как совокупность предупредительных мероприятий[141, с.510], а «предупреждение» - как принятие предварительных мер, устранение, избавление от чего-либо[142, с.317]. Употребляя их как взаимозаменяемые, важно определить эту деятельность на виктимологической основе по направлениям, видам и уровням.

В теории криминологии профилактику принято рассматривать как предупредительную деятельность, имеющую цель не допустить совершение преступлений как путем устранения их причин, так и путем прерывания предварительной преступной деятельности[143]. Эта деятельность является многоаспектной, включающей в себя собственно криминологическое и виктимологическое, представляющее собой вид предупреждения, конечной целью которого также является недопущение преступлений[144, с.205].

Появление виктимологической профилактики связано с необходимостью повышения эффективности предупредительной работы, препятствием для которой может быть односторонний подход к определению организационных и тактических приоритетов предупредительной деятельности, сосредоточением внимания только на лицах, склонных к совершению преступлений[9, с.243]. Однако такой подход для предупредительной деятельности в определенных сферах человеческой жизнедеятельности, в частности сфере семейных отношений, является крайне нежелательным и недопустимым.

Связанность семейных конфликтов, приводящих к преступлениям, с личностью жертвы позволяет говорить о необходимости не только криминологической профилактики насильственных преступлений в семье, но и виктимологической, направленной на предупреждение детерминант виктимизации личности в семье. По убеждению В.И. Полубинского и Г.Д. Долженковой, выявление жертв, осуществление мер по их защите, повышение способности жертв к сопротивлению преступнику и самозащите, а также устранение ситуаций, в которых повышается возможность причинения им вреда, имеет большое профилактическое значение[145, с.66]. Действительно,

что касается сферы семьи, то успешно предупреждать насильственные преступления, совершаемые одним членом семьи в отношении другого, можно не только воздействуя на обидчика, что, как показывает практика, по большей части безрезультатно, но и путем применения профилактических мер к жертвам.

Соглашаясь с мнением исследователей, следует заключить, что виктимологическая профилактика вместе с традиционной делают предупредительную деятельность логически завершенной. Применительно к указанной сфере она представляет собой целенаправленное комплексное воздействие на лиц, состоящих или ранее состоявших в определенных (фактических или юридических) семейных отношениях, осуществляемое с целью устранения детерминант виктимного поведения, оказания защиты и помощи жертве, обеспечения ее безопасности, а также включает меры, направленные на оздоровление внутрисемейных отношений, урегулирование конфликтов. Но, как справедливо отметил Д.А. Шестаков, «в дела семьи, ее внутренние конфликты, чаще всего затрагивающие глубинные личные отношения, вмешиваться следует умело и осторожно»[146].

Следовательно, необходимо четко определить основания и границы такого вмешательства, а также достаточность гарантированной государством охраны и защиты жертв. Работу следует проводить деликатно и комплексно, включая всех участников конфликта, и прежде всего его жертв. Профилактическое воздействие надлежит строить на соблюдении баланса между правом на свободу личной жизни человека и правом на его безопасное существование, случаи вмешательства должны быть ограничены законом при обязательном приоритете заинтересованности и волеизъявлении граждан[147, с. 59].

Виктимологическая профилактика насильственных внутрисемейных преступлений будет нами рассмотрена в контексте криминологической профилактики, как ее неотъемлемый компонент. Соглашаясь с заключением Д.В. Ривмана, о том, что виктимологическая профилактика органически входит в систему предупредительного воздействия на преступников в той мере, в какой поведение потерпевшего включается в механизм факторов, обуславливающих и способствующих совершению преступлений[9, с.241], следует, соответственно, рассмотреть виктимологическую профилактику, опираясь на исследования в части криминологической профилактики преступлений. Речь идет о смещении акцента профилактической деятельности как работы преимущественно с преступником на работу и с жертвой, в том числе латентной.

Как и традиционная криминологическая профилактика преступлений, виктимологическая профилактика имеет сложную структуру, осуществляется различными субъектами на разных уровнях, в различных видах и формах, в отношении разных объектов, на ранней и непосредственной стадиях проявления виктимного поведения и свойств личности[148, с.378]. Рассматривая деятельность по виктимологическому предупреждению как систему, можно заключить, что она включает такие же элементы, как и

криминологическое предупреждение, т.е. объект воздействия, субъекты предупреждения и меры предупреждения. При этом меры характеризуют механизм правового воздействия, объекты включают социальные явления и процессы, а также лиц и социальные группы, которые в своей деятельности эти явления и процессы реализуют и воспроизводят, круг субъектов представлен носителями этой деятельности[20, с.199]. Определение особенностей данных элементов системы позволяет увидеть в ней особое направление предупредительной деятельности по предотвращению виктимизации личности в семье.

Целью виктимологической профилактики насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, должно стать создание комплексной системы разноуровневых государственных и негосударственных мероприятий, направленных на более уязвимых членов семьи для реализации их физических и психологических возможностей в целях устранения виктимных свойств, прекращения процесса виктимизации (ревиктимизации), а также недопущение процесса перверсии.

Основным элементом, определяющим специфику предупреждения, является ее объект. Криминологи, исследующие проблемы предупреждения преступности, описывают широкий круг явлений, относимых ими к объекту предупреждения, подчеркивая главное свойство этих явлений, а именно их криминогенность[20, с.203-204]. Рассматривая объект воздействия, виктимологического предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в семье, можно выделить большой круг людей и явлений, подчеркнув их главное свойство - способность привести к виктимному поведению лица в семье и причинению вреда, находящегося в причинноследственной связи с самим преступлением и поведением жертвы.

В широком смысле *объектом* воздействия виктимологической профилактики выступает все население, поскольку нет ни одного человека, не охваченного какими-либо семейными отношениями, в более узком смысле - совокупность лиц, которым причинен преступным деянием вред в семье, т.е. жертвы внутрисемейных преступлений (реальные, потенциальные, латентные), сами виктимоопасные ситуации, которые могут привести и при определенных обстоятельствах приводят к причинению вреда жертве, а также социальные процессы и явления, их создающие.

В реализации виктимологического предупреждения в качестве *субъектов*, как и в криминологическом предупреждении, может участвовать широкий круг государственных и негосударственных органов, должностных лиц и отдельных граждан[149, с.7]. Особенностью деятельности указанных субъектов является их способность воздействовать на то, что составляет объект предупреждения[20, с.204].

Субъектами виктимологической профилактики в указанной сфере, выступают государственные органы, общественные и частные организации, должностные лица и граждане, которые по роду своей деятельности связаны с решением семейных проблем. К их числу можно отнести специализированные органы, подразделения, группы, общественные и частные организации, которые

создаются намеренно и на профессиональной либо общественной основе обеспечивают работу с жертвами уголовных правонарушений, как по их защите, так и по оказанию помощи. Субъектами будут выступать учреждения социальной и психологической помощи населению, кризисные центры и общественные организации, сами граждане посредством организации самоуправления.

Особенности *мер*, составляющих механизм виктимологического предупреждения, криминологи видят, во-первых, в устранении или нейтрализации ситуаций, чреватых возможностью причинения вреда жертве, во-вторых, в восстановлении и активизации в ней внутренних защитных возможностей[150].

По масштабу меры предупреждения принято выделять в зависимости от уровня, для которого они предназначены. Так, криминологическая профилактика на основе вертикальной структуры выделяет такие уровни, как: высший, средний и нижний[151,с.122-123]; общесоциальный, социально-психологический и личностный[20,с.147-149]. Относительно виктимологической профилактики высший - макроуровень - представляет все общество в целом, на среднем - микроуровне, представленном социальными группами, упор должен делаться на семье и ее ближайшем окружении, нижний - уровень психологический - заключается в персональном воздействии на конкретных лиц - жертв.

Как указывалось ранее, детерминанты виктимизации члена семьи могут быть привнесены в семью извне, т.е. возникнуть в обществе, сформироваться внутри семьи исходя из взаимоотношений и личностных особенностей ее членов. В связи с этим меры виктимологической профилактики преследуют цели выявления, устранения или нейтрализации причин и условий, способствующих виктимизации члена семьи и совершению насильственного преступления, а также устранения или смягчения факторов, обуславливающих виктимность человека в семье, на трех уровнях:

1. Общесоциальном - общество, особенности его социально-экономической, правовой, политической структуры и ценностных систем.
2. Социально-психологическом - семья, особенности семейных отношений членов семьи, система внутрисемейной организации.
3. Психологическом - личность, ее социально-психологические и биофизические характеристики.

Однако с точки зрения объектов такого воздействия деятельность субъектов предполагает использование более широкого арсенала средств, которые не связаны с принуждением. К ним относятся, во-первых, убеждение, как воспитательного, так и защитного характера (устранение виктимных и воспитание положительных свойств, защита прав и законных интересов личности латентной жертвы); во-вторых, оказание ей комплексной помощи, включающей юридическую, социальную, медицинскую, психологическую; в-третьих, меры, направленные на оздоровление внутрисемейных отношений, урегулирование конфликтов, обучение способам поведения в конфликтных ситуациях. Они могут адресоваться как целым виктимным группам с учетом

типологических особенностей жертв, так и отдельным персоналиям.

Упорядочить сложную систему виктимологической профилактики. Четко определить роль и компетенцию субъектов, виды объектов предупредительного воздействия позволит криминологическая классификация предупредительных мер. В криминологии предлагаются различные классификации мер профилактики: по уровням предупредительной деятельности выделяют группы мер общесоциального и специального характера, по содержанию предупредительных мер, по объему и направленности их применения - общие, особенные и индивидуальные[85, с.159-166].

Учитывая специфику направления виктимологической профилактики, проводимой в отношении латентных жертв насильственных преступлений, совершаемых в семье, оптимальной для организации предупредительной деятельности выступает классификация в зависимости от ее целевого назначения. Следует различать общие и специальные меры предупреждения.

Общие предупредительные меры направлены на реализацию задач общесоциального характера, и являются выражением повседневной деятельности многих социальных институтов, главной задачей которых является решение политических, управленческих и других задач, не связанных с обеспечением и поддержанием правопорядка[20, с.200]. Предупредительное воздействие этих мер виктимологической профилактики в указанной сфере может состоять в повышении уровня жизни населения и семьи, сокращении безработицы, снятии социального напряжения, локализации фоновых явлений и основного для сферы семьи - алкоголизма. Данные меры воздействуют на потенциальных жертв насилия в семье, в том числе и некриминального, опосредованно и пролонгированы во времени.

Специальные меры предупредительной деятельности дополняют общие и включают в себя как собственно специальные меры, реализация которых основана на нормах уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права, так и специально-криминологические меры, которые отличаются более широким кругом объектов воздействия, субъектов применения, и связаны с реализацией не только и не столько принуждения, но и с оказанием помощи, и воспитательным воздействием[20,с.200-201]. Правовая природа специальных мер виктимологической профилактики предполагает непосредственное воздействие на уже существующих латентных жертв преступного насилия в семье, также на условия, причины и факторы, способствующие виктимизации члена семьи, которое осуществляется правоохранительными органами с применением не столько мер принуждения, сколько убеждения, воспитания, защиты и обеспечения безопасности жертв.

Анализ системы виктимологической профилактики предполагает выделение двух ее видов, основанных на существующей в криминологии классификации мер предупреждения[152]: общевиктимологической и специально-виктимологической профилактики. Каждый из видов предупредительной деятельности имеет свою систему и существенные различия элементов, в нее входящих.

С точки зрения объекта воздействия целевое назначения

общевиктимологического предупреждения состоит в воздействии на потенциальные жертвы любого насилия (криминального и некриминального) в семье, их выявлении, а также нейтрализации либо устранении детерминант механизма ее виктимизации в сфере семейных отношений.

Целевое назначение специально-виктимологической профилактики состоит в нейтрализации и устранении виктимности уже существующей латентной жертвы внутрисемейного преступного насилия с целью прекращения процесса виктимизации.

Различие выделенных видов виктимологической профилактики во многом определяется и спецификой субъектов профилактического воздействия, отличие которых друг от друга происходит по характеру выполняемых функций[20,с.204]. Очевидно, что ведущей функцией субъектов общевиктимологического предупреждения будет являться деятельность, направленная на осуществление социально-экономической, организационно-правовой, культурно-воспитательной и других направлений политики государства, которая прямо или опосредованно воздействует на нормализацию семейных отношений, обеспечивает поддержку семье и ее членам. К числу субъектов, выполняющих эту деятельность, относятся государственные и негосударственные органы, решающие задачи, не связанные с поддержанием правопорядка.

Ведущей функцией субъектов специально-виктимологического предупреждения является обеспечение правопорядка, профилактическая деятельность для них составляет обязательную органическую часть выполнения правоохранительных функций[144, с.112]. К таким субъектам можно отнести суды, прокуратуру, органы юстиции, органы внутренних дел, в частности службы линии общественной безопасности, которые обязаны заниматься выявлением, принятием решений и профилактикой правонарушений в семье, а также работой с жертвой таких правонарушений.

Разделение видов виктимологической профилактики проходит и по определению механизма предупредительного воздействия. Так, общевиктимологическая профилактика использует меры, не связанные с принуждением, к которым могут быть отнесены как убеждение в плане воспитательного и защитного воздействия, так и оказание помощи жертвам, и меры, направленные на оздоровление семейных отношений, урегулирование конфликтов, устранение мотивации приобретенной беспомощности.

Меры специально-виктимологической профилактики могут включать указанные выше меры, но, кроме этого, используют и те, которые имеют принудительный характер, преимущественно воздействующий на обидчика, являясь опосредованной защитой жертв насилия в семье.

Уровни виктимологического предупреждения обоих видов включают: во-первых, высший - *общесоциальный*, т.е. общество в целом, население страны, социальные процессы, происходящие в обществе и повышающие виктимность человека в семье; во-вторых, средний - *социально-психологический* - уровень отдельных социальных групп, представленный семьей, ближайшим окружением жертвы, лиц, включенных в семейные отношения, в которых

сформировалась виктимность члена семьи; в-третьих, низший - *психологический (личностный)*- уровень работы с конкретной жертвой, включающий такие этапы, как ее выявление, учет и профилактическое воздействие.

Таким образом, виктимологическую профилактику можно определить как деятельность государственных, специализированных общественных организаций и граждан, которые на профессиональной или общественной основе, по собственной инициативе обеспечивают работу с жертвами внутрисемейного насилия с целью устранения или нейтрализации детерминант механизма виктимизации личности в семье, а также оказания им помощи и защиты от преступных посягательств, связанных с воздействием на членов семьи.

Виды данной деятельности в зависимости от целеполагания представляют общую и специальную виктимологическую профилактику - как различные направления деятельности, отличающиеся объектами воздействия, кругом субъектов - ее носителей, механизмом профилактического воздействия. Каждый вид профилактики осуществляется на различных уровнях вертикальной структуры предупреждения и имеет свои особенности воздействия на ранее указанные детерминанты виктимизации личности в семье[153, с.77].

3.2 Общевиктимологическая профилактика

Как вид профилактики, общевиктимологическое предупреждение насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, представляет собой деятельность государственных и негосударственных структур, направленную на ликвидацию и нейтрализацию детерминант механизма виктимизации личности в семье. Целью этого вида предупреждения должно стать устранение причин, условий и факторов, способствующих повышенной предрасположенности человека стать жертвой любого внутрисемейного насилия, в том числе и преступного, и, как следствие, повлечь причинение вреда, а также воспитание и активизация внутренних защитных возможностей человека.

Объектом этого вида профилактики выступают все лица, включенные в сферу семейных отношений, жертвы любого вида насилия в семье, виктимогенные ситуации, которые при определенных обстоятельствах могут привести к разрешению конфликта в семье насильственным путем.

Субъектами общевиктимологического предупреждения является широкий круг государственных и негосударственных, общественных и специализированных органов, которые обеспечивают работу с семьей. Особенностью деятельности этих субъектов является их способность воздействовать на объект предупреждения как в плане защиты членов семьи от преступных посягательств, так и в плане воспитания полезных качеств личности, нейтрализации виктимных свойств, нормализации внутрисемейных отношений.

К числу субъектов - государственных структур, осуществляющих как

криминологическую, так и виктимологическую профилактику, можно отнести органы социально-экономического, культурно-воспитательного управления, учебные, медицинские и социальные учреждения. Из общих субъектов для указанной сферы можно выделить государственные специализированные органы, а именно органы социальной защиты населения и созданные при них кризисные центры, психологические службы, которые обеспечивают работу по защите и оказанию помощи жертвам правонарушений в сфере семьи.

Органы социальной защиты населения образуют структуру, которая в своей работе охватывает широкий круг людей - от детей до пожилых граждан. В настоящее время можно констатировать рост специализированных кризисных центров, предназначенных для работы с жертвами семейного насилия. Здесь оказывается психологическая, правовая и медицинская помощь пострадавшим от насилия, а также проводятся соответствующие экспертизы. Работа этих центров эффективна. Поэтому необходимо создавать их по всей стране с максимальным охватом нуждающихся в помощи. В МВД восстановлен штат спецподразделений по защите женщин и детей от насилия[154].

В кризисном центре с женщинами работают высокопрофессиональные специалисты. Психологи купируют кризис, приводят женщин в состояние необходимого комфорта. После этого юрист составляет план работы, в том числе при необходимости восстанавливает документы. К работе с жертвой подключаются социальные работники. Специальные стандарты социальных услуг четко регламентируют нахождение женщин в кризисных центрах. В среднем жертвам бытового насилия оказывается помощь на протяжении шести месяцев. Но при этом каждый случай рассматривается индивидуально.

Чем специалисты таких общественных объединений могут помочь женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации?

В 1995 году государство обратило внимание на необходимость создания организации, которая будет заниматься делами женщин и семьи. Был создан Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике при президенте РК, который позднее, в 1998 году, был преобразован в Национальную комиссию при президенте РК. С тех пор проблемы семьи и бытового насилия находятся под контролем общественности. В стране действует Закон РК «О профилактике бытового насилия», разработаны стандарты специальных социальных услуг для жертв, развита сеть кризисных центров, оказывающих помощь пострадавшим, вынужденным покинуть родной дом и временно проживать в приютах.

Сегодня в Казахстане работает 41 кризисный центр, 14 из них - государственные. Их цель - обратить внимание общества на проблемы людей в трудной жизненной ситуации, помочь им справиться, а миссия - предоставление услуг по реабилитации и ресоциализации жертв.

По словам руководителя общественного объединения "Женский луч" из Степногорска Оксаны Волковой-Михальской, деятельность их организации направлена на комплексную работу в решении вопросов по семейно-бытовому насилию и укреплению семейных ценностей. Это и работа с жертвами бытового насилия, их консультационное сопровождение, профилактика бытового

насилия среди школьников, студентов, работающей молодёжи, на предприятиях и тому подобное, работа с агрессорами, работа с семьями в процессе регистрации брака и парами в бракоразводном процессе через РАГС.

«В рамках трёхстороннего сотрудничества государственных структур, бизнеса и неправительственного сектора при поддержке акимата Степногорска в 2018 году открыт Центр социальной поддержки "Өмір". Сейчас здесь проживают шесть женщин и десять детей. Мы старались сделать всё возможное, чтобы здесь было по-домашнему уютно: оборудовано несколько комнат, в которых светло и тепло, куплены детские игрушки, есть стиральная и швейная машины, газовая плита, посуда. Квалифицированную помощь готовы оказать медицинские работники, психолог, юрист. Всюду установлено видеонаблюдение, есть "тревожная кнопка", охрана. За пять лет здесь прошли полную ресоциализацию 328 человек, воссоединилась 31 семья, с которыми поддерживается связь и ведётся профилактическая работа. Кстати, подопечных также трудоустраиваем через Центр занятости», - рассказывает Оксана Волкова-Михальская.

Или другой пример. В прошлом 2022 году в кризисный центр Абайского района Карагандинской области обратились 20 избиваемых, унижаемых, страдающих жён и их дети, на глазах которых всё происходит. Этот центр работает с 2021 года согласно стандарту оказания специальных услуг. Женщин принимают вместе с их несовершеннолетними детьми. Они находятся здесь от одного до шести месяцев, за это время сотрудники стараются решить все их проблемы.

В Абайском районе уже больше 10 лет работает другое частное учреждение "Позитивное развитие", реализующее проекты по государственному социальному заказу в рамках реализации гендерной политики РК, в том числе - оказание помощи через Кризисный центр для жертв бытового насилия, Центр поддержки семьи и временного пребывания и проживания людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Как рассказала его руководитель Оксана Панасиди, «женщины обращаются по разным вопросам. Первым делом они получают психологическую и юридическую поддержку и помощь. Последствия длительного бытового насилия бывают очень тяжёлыми. Боль, страх, безысходность убивают в них желание заниматься собой. Тема здоровья для этого контингента просто неактуальна. Как и многое другое, чем живут остальные люди».

В кризисные центры чаще всего приходят женщины, находящиеся в крайней степени отчаяния. Первые дни они почти всё время молчат, вздрагивают при малейшем шуме, смотрят затравленным взглядом. Чтобы хоть как-то прийти в себя и открыться психологам, им порой требуются долгие недели. И они рассказывают шокирующие вещи.

К сожалению, бытовое насилие затрагивает каждую шестую семью. В кризисный центр бегут мамы с детьми как в последнюю инстанцию, боясь за свою жизнь, устав от издевательств супруга. С подопечными работают психологи, которые выявляют их проблемы и потребности. Если есть необходимость, подключаются другие специалисты: кризисные центры тесно

работают с правоохранительными органами и органами ювенальной юстиции. Женщины могут получить услуги и консультации по вопросам алиментов, развода, регистрации по месту жительства (если нет регистрации, обеспечивается временная тут же в центре), прикрепления к поликлинике. Также специалисты занимаются разделом имущества, поиском жилья и другими вопросами[155].

Руководство Союза кризисных центров Казахстана убеждено: для решения проблем работать необходимо не только с жертвами бытового насилия, но и с агрессорами. И такая работа уже ведется.

Более того, по словам экспертов в области права и юриспруденции, именно разумная работа с мужчинами-агрессорами может уменьшить количество драматических историй, финалом которых становится женская колония. Поэтому на сегодняшний день необходимо развитие психокоррекционной программы с домашними тиранами[156].

Большинство кризисных центров имеют статус негосударственных, а общественных организаций, часть из них включены в структуру социальной помощи и находятся при учреждениях социального обслуживания населения. Их сотрудники работают с жертвами семейного насилия, под которым в данном случае понимается система поведения одного человека для установления и сохранения власти и контроля над другим человеком в семье[157,с. 9], и выделяются такие его виды, как физическое, сексуальное, эмоциональное, экономическое, духовное, большинство из которых не охватывается нормами Уголовного кодекса РК, но остается значимым практически для социальной сферы. Изучение опыта работы данных центров в нашей стране может предоставить полезную информацию по профилактике и организации работы по оказанию помощи жертвам насилия в семье. К сожалению, в настоящее время собранная информация о жертвах и мерах профилактического воздействия никем не анализируется и не является востребованной.

Важную роль в общевиктимологическом предупреждении играют общественные организации. На практике самую большую сложность представляет разрозненность всех существующих государственных и общественных структур, которые, так или иначе, занимаются лицами, пострадавшими от насилия внутри семьи. Каждый из субъектов профилактики применяет свои методы выявления и оказания помощи таким жертвам. На государственном уровне отсутствуют механизмы, обеспечивающие им эффективность работы по устранению и нейтрализации виктимогенных детерминант насилия в семье.

Одним из важнейших международных документов является Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 г., согласно которой никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию(статья 5) [158, с.39]. В Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. подтверждается недопустимость применения к человеку насилия.

Основополагающим документом всей правовой системы Казахстана является Конституция РК. Республика Казахстан,

ратифицировав международные правозащитные соглашения, взяла на себя обязательства по защите женщин от насилия, совершаемого как государственными, так и частными лицами.

В соответствии со статьей 15 Конституции Республики Казахстан каждый гражданин имеет право на жизнь. Никто не вправе произвольно лишать человека жизни. Статья 17 Конституции РК утверждает, что достоинство человека неприкосновенно. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Государство полностью берет на себя обязательство по охране материнства, отцовства, детства. Более того, в статье 27 Конституции РК закреплено, что брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Забота о детях и их воспитание являются естественным правом и обязанностью родителей. Совершеннолетние трудоспособные дети обязаны заботиться о нетрудоспособных родителях. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а также право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 13)[159].

Положения, закрепленные в Конституции Республики Казахстан и международных правовых документах, конкретизируются в ряде нормативных актов: Гражданский кодекс РК, Уголовный кодекс РК, Трудовой кодекс РК, Кодекс РК «Об административных правонарушениях» и др. Так, глава 17 «Особенности регулирования труда женщин и иных лиц с семейными обязанностями» Трудового кодекса РК от 23 ноября 2015 года учитывает все сложности положения этой категории наших граждан и направлена на защиту прав женщин и детей, также в них учтены их психофизиологические возможности[160].

В настоящее время в 89 государствах действуют законодательные положения, в которых конкретно говорится о бытовом насилии. Шестьдесят из этих государств приняли специальные законы о бытовом насилии; семь государств имеют законы о насилии в отношении женщин; одно государство имеет гендерно нейтральный закон о насилии; в четырнадцати государствах действуют конкретные положения о бытовом насилии, содержащиеся в их уголовных кодексах; пять государств разработали гражданские процедуры, согласно которым виновных удаляют из дома; в конкретном законодательстве о бытовом насилии двенадцати государств содержатся ссылки на насилие в семье.

В 102 государствах не приняты конкретные положения о домашнем насилии. В двадцати странах проекты законов о бытовом насилии находятся на стадии разработки, еще четыре государства выразили намерение разработать конкретное законодательство или законодательные положения о бытовом насилии (Углубленное исследование Генерального секретаря ООН, посвященное насилию в отношении женщин).

Деятельность в этом направлении ведется и на постсоветском пространстве. Так, например, 1 марта 2007 года Парламент Республики Молдова принял во втором (окончательном) чтении Проект закона о предупреждении и пресечении насилия в семье. Это стало возможным

благодаря усилиям неправительственных организаций и ряда государственных структур, при поддержке международных организаций: Миссии ОБСЕ в Молдове. В Украине закон о предупреждении насилия в семье принят Парламентом в 2001 г. Но юристы считали, что закон недоработан и применить его на практике практически невозможно. Главное, что ожидалось от закона, - это пункт о юридической ответственности. Ему в законе отведено всего две строки, где не сказано ничего конкретного. Сейчас обсуждается ряд возможных поправок к закону. Среди предложенных изменений - введение корректирующих программ для лиц, которые совершили насилие в семье, принудительное лечение от алкоголизма для лиц, которые совершили насилие в семье в состоянии алкогольного опьянения[161].

Киргизское законодательство в области борьбы с насилием в семье является одним из самых передовых в регионе. В Кыргызстане закон «О социально-правовой защите от насилия в семье» был принят в 2003 г. Однако, по мнению экспертов в области семейного насилия в Кыргызстане, вышеназванный закон и применимые положения УК не работают и, соответственно, не выполняют задачи по обеспечению ответственности.

Семейное законодательство Азербайджана содержит ряд статей о недопустимости бытового насилия. Парламент этой страны подготовил проект закона «Оборьбе с бытовым насилием».

В 2006 г. Национальная комиссия по делам семьи и гендерной политики при президенте Республики Казахстан предложила принять закон о бытовом насилии. Законопроект о бытовом насилии ранее неоднократно вносился на рассмотрение, но отправлялся на доработку. В результате был принят Закон РК «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 года. Насилие в семье - это серьезный ущерб как физическому, так и психологическому здоровью человека, который ему подвергается. В качестве мер, способных предотвратить случаи бытового насилия, используются, в том числе и меры юридического регулирования. Законодательными актами многих стран предусмотрен ряд наказаний за совершение любых форм домашнего насилия[162].

Общая виктимологическая профилактика должна ставить своими задачами как нейтрализацию противоречий в обществе в целом, содействующих семейному насилию, так и нейтрализацию противоречий в межличностном общении членов семьи, выявление и работу с потенциальной жертвой, прерывание процесса виктимизации, воспрепятствование перверсии, с последующей защитой и реабилитацией жертвы. Решение этих задач осуществляется через широкий комплекс мер различного характера, обеспечивающих устранение выявленных ранее детерминант механизма виктимизации личности в семье. Она может быть представлена по основным уровням.

На общесоциальном уровне - это деятельность широкого круга субъектов, включающих государственные и общественные структуры, должностных лиц и граждан по реализации мер социально-экономического, идеологического, правового и организационного характера, направленных на предотвращение процесса виктимизации членов семьи путем нейтрализации противоречий,

существующих в обществе и ведущих к напряженности в семейных отношениях, укрепления в целом института семьи.

Вследствие того, что социально-экономические условия были определены большинством респондентов в качестве основных детерминант виктимизации и роста насилия в семье, приоритетное значение должны иметь меры социально-экономического характера. Анализ общегосударственной социальной и экономической политики в аспекте защиты семьи и ее членов, проведенный ранее, позволяет сделать вывод о недостаточности предпринимаемых для этой цели мер и ее несоответствии реальным потребностям всего населения, поскольку многие меры поддержки семьи, защиты материнства и детства не реализуются на практике.

Указом Президента Республики Казахстан «О дальнейших мерах Республики Казахстан в области прав человека» от 9 июня 2021 года был утвержден План первоочередных мер в области прав человека, предусматривающий ликвидацию дискриминации в отношении женщин, продвижение равных прав и возможностей мужчин и женщин [163].

Меры социально-экономического характера должны быть направлены как на сокращение безработицы, повышение уровня жизни населения, развитие производства и достойной оплаты труда, составляющей основу жизнедеятельности подавляющего большинства населения, так и на оказание действенной и конкретной помощи при решении проблем семьи. В этих целях на республиканском и региональном уровнях необходимо разработать концепции экономического роста производства в целях обеспечения занятости населения и подъема уровня жизни как важнейших начал создания и укрепления позитивной основы жизни семьи и ее членов.

Разработка и принятие мер по государственному регулированию рынка рабочей силы, организации помощи при трудоустройстве центрами занятости населения могут стать мерами, снимающими внешние факторы напряженности, которые влияют на психологический климат в семье.

Для решения проблемы преодоления вынужденной виктимности и защиты латентных жертв необходимо на государственном уровне разработать меры по реализации программы, обеспечивающей ускоренный и льготный обмен жилплощадью, принадлежащей членам семьи, в случае невозможности, а также опасности проживания для члена семьи в условиях одной квартиры (дома).

До реализации решения о размене жилплощадью жертву насилия необходимо извлечь из криминогенной семейной ситуации и предоставить ей место в убежище, которое должно быть при каждом кризисном центре помощи жертвам внутрисемейного насилия, без ограничения срока пребывания.

К сожалению, сейчас приюты и убежища, создающиеся при кризисных центрах или отделениях для претерпевших насилие лиц, еще достаточно редкое явление. Хотя известно, что именно жилищная проблема и невозможность ее скорейшего разрешения повышает виктимность членов семьи. Основная цель данных заведений - временная изоляция от обидчика, нормализация психического состояния, в некоторых случаях помощь в урегулировании

внутрисемейных отношений. Однако сроки пребывания в них ограничены[157, с.44], поэтому даже при нерешенной проблеме насилия, жертва вынуждена возвращаться в семью. Так, Майрасчитает себя жертвой бытового насилия. У неё семеро детей. Неделю назад Майра сбежала от супруга. 13 лет ей приходилось терпеть постоянные побои. Её били, пинали и много раз разбивали голову. Говорит, что в такие моменты ей хотелось умереть, но дети придавали сил жить дальше. На вопрос, почему она не написала заявление в полицию, Майра ответила, что жалела мужа. А уйти раньше не решалась, потому что идти некуда[137].

Общественным и социальным службам, занимающимся вопросами оказания помощи семье и детям, необходимо перестроить свою работу на профилактику социальных проблем и в качестве первоочередной задачи выделить поддержку членов семьи, помощь в урегулировании межличностных отношений и обеспечении полноценного детства ребенку, укрепление института семьи. Так, в соответствии со статьей 15 Закона Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» организации по оказанию помощи: осуществляют прием потерпевших; организуют предоставление необходимой психологической, педагогической, медицинской, юридической помощи потерпевшим, при необходимости направляют их в организации здравоохранения для оказания медицинской помощи и дальнейшей реабилитации; в соответствии с возможностями предоставляют временное проживание потерпевшим; оказывают потерпевшим специальные социальные услуги, а также обращаются в их интересах в местные исполнительные органы районов, городов областного значения с заявлением о предоставлении гарантированного и (или) дополнительного объема специальных социальных услуг, предоставляемых сверх гарантированного объема; проводят психокоррекционные программы с лицами, совершившими бытовое насилие; информируют органы внутренних дел о фактах бытового насилия или об угрозе их совершения[164].

Неотъемлемым элементом общевиктимологического предупреждения, учитывая количество правонарушений в семье, совершаемых на почве злоупотребления алкоголем, должно стать и формирование целенаправленной антиалкогольной политики. Основные ее направления - пропаганда здорового образа жизни, включающая антиалкогольное воспитание и просвещение детей; оказание медицинской помощи населению, медико-социальной реабилитации лицам, страдающим алкоголизмом. С этой целью необходимо создание наркологических центров для помещения в них, в том числе и принудительно, лиц, склонных к совершению насильственных действий по отношению к членам семьи, для прохождения лечения от пьянства и алкоголизма.

Преодолению деформации правосознания граждан и сформировавшихся искаженных психологических установок, в соответствии с которыми насильственное воздействие является явным, но с целью воспитания открыто не поощряется, однако при определенных условиях признается социально допустимым, должны способствовать правовые меры общевиктимологической профилактики. Одним из таких направлений является изготовление и

распространение специальных памяток, в доступной форме освещающих насилие как уголовное правонарушение против личности.

Опыт изготовления таких памяток есть в социальных и общественных центрах защиты и помощи семье. В них в доступной форме излагаются вопросы противоправного семейного насилия, квалификации действий обидчика, адреса служб, в которые можно обратиться по факту насилия в семье, разработан алгоритм поведения лица, испытывающего насилие. Необходимо подключить к распространению памяток институты здравоохранения, в которые нередко в первую очередь обращается жертва, памятки могут быть и у сотрудников государственных и негосударственных структур, в любых часто посещаемых местах и могут раздаваться волонтерами прямо на улицах всем желающим.

Было бы уместным создавать и размещать информационные стенды в школах, медицинских учреждениях, аптеках, кризисных центрах с целью информирования граждан о проблеме насилия в семье и возможности предоставления помощи в данных ситуациях со стороны компетентных структур.

Еще одним направлением общевиктимологической профилактики является разъяснительная работа, проводимая в рамках лекториев и семинаров, на которые следует приглашать широкий круг специалистов. Восстановление и развитие системы правового и нравственного воспитания населения должны разрабатываться и осуществляться на республиканском уровне Государственно-правовым управлением при Президенте РК, на местном уровне - управлениями (департаментами) по юридическим вопросам и социальной защите населения при акиматах городов и районов. К организации правового воспитания и пропаганде юридических знаний о насилии в семье, а также о правах жертвы необходимо привлекать сотрудников психологических служб и средства массовой информации.

С этой целью следует обратить особое внимание на подготовку специалистов для работы с жертвами внутрисемейного насилия - должностных лиц, служащих и граждан, в чьи обязанности входит такая деятельность. Данные лица должны проходить специальное обучение, включающее основы конфликтологии, психологические семинары и тренинги, способствующие отказу от попустительства и обвинительного уклона.

Кризис нравственных идеалов, падение общепризнанных норм поведения и моральных ценностей в обществе, неприкрытая пропаганда насилия, влияющие на повышение конфликтности в семье, свидетельствуют о необходимости принятия *идеологических мер*, направленных на укрепление нравственности, религии и культуры.

Грамотная идеологическая политика должна ставить своей целью возрождение нравственных идеалов, из которых, основные, базируются на религиозных ценностях. В данном вопросе особое внимание отводится культовым учреждениям, заповедям религиозной морали относительно семьи и отношений внутри нее.

В этом направлении могут помочь просветительские и научно-

познавательные программы, подготовленные на телевидении, публицистические выступления в печатных каналах, использование кино. Однако мы значительно отстаем в разработке и внедрении мер по предупреждению любого проявления насилия в семье. Например, в США и Западной Европе к этой деятельности подключены все СМИ, снимаются не только документальные, но и художественные фильмы по этой проблеме. Необходимо помнить, что СМИ - это не просто источник информации, а важный инструмент формирования общественного сознания, предвестник и регулятор социальных изменений.

Однако определенные изменения в этом направлении уже имеются. В последнее время, в газетах и журналах, начали появляться статьи, раскрывающие факты внутрисемейного насилия, журналисты поднимают наиболее острые вопросы о положении и защите жертв[165]. Тележурналисты снимают актуальные сюжеты о проблемах насилия в семье и его жертв, которые по различным причинам не обращались в правоохранительные органы, либо обращались, но столкнулись с безразличным, формальным подходом.

Очевидно, что идеологическая работа должна начинаться со школы. Педагоги и школьные психологи должны проводить обучение в рамках такого учебного предмета, как «Психология и этика семейной жизни», одна из тем, которого, была бы посвящена основам бесконфликтных семейных взаимоотношений.

Еще одним субъектом при работе с населением может стать Управление РАГС района, города. В штат данного ведомства необходимо ввести должность психолога, который давал бы консультацию гражданам, начиная с этапа подачи заявления. Цель такой консультативной деятельности - разъяснение лицам, вступающим в брак, основ семейной жизни, объективизация вероятных трудностей и способов их преодоления, а также проведение тренингов для обучения семейному общению, конструктивному решению возможных семейных конфликтов. Сотрудники данного ведомства после регистрации брака могут осуществлять психологическое сопровождение семьи, консультирование.

Таким образом, рассмотрев предупредительную деятельность на общесоциальном уровне, следует согласиться с исследователями, которые отмечают, что дефекты правового и нравственного сознания явились не чем иным, как последствиями социально-психологических издержек перехода общества к рынку[20, с.162]. Соответственно, их устранение будет способствовать восстановлению системы ценностей и, как следствие, сокращению насилия в семье.

Меры на втором - *социально-психологическом* - уровне должны быть направлены на детерминанты механизма виктимизации, действующие на этом уровне, т.е. непосредственно на семью, ее членов с целью нормализации внутрисемейных отношений, привития способов снятия напряжения и оказания помощи в урегулировании конфликтов. Не следует забывать, что внутрисемейный конфликт - конфликт взаимоотношений между людьми, являющимися членами семьи, поэтому важен сам процесс его урегулирования, налаживание отношений внутри семьи и ее оздоровление.

Специфика разрешения семейного конфликта, в котором сторонами должны выступать не государство и правонарушитель, а именно жертва и правонарушитель, обязана учитываться при разработке мер исследуемого уровня. В данной модели субъектам может отводиться лишь роль посредника.

Как показывает практика и результаты исследований, в ситуациях криминогенного семейного конфликта надежды участников на самостоятельное его урегулирование бывают напрасными, и тогда многое зависит от быстрого и продуманного вмешательства. Исходя из этого, выделены направления такой деятельности.

Семейный конфликт отличается быстротечностью, поэтому было бы разумным создать при социальных службах в масштабах города или района группу быстрого реагирования, наподобие созданных в стране и успешно действующих служб немедленной помощи (служба спасения на базе МЧС, телефон доверия и другие). В данную группу могут входить специалисты: психолог, педагог, врач, юрист, которые выезжают на конфликт и разбираются в ситуации на месте. Их задача - оказание необходимой помощи в решении семейного конфликта, нейтрализация ситуации, возможно временное изъятие из семьи виктимного лица, фиксация события, с передачей информации по назначению.

Вопрос об использовании специализированной психологической помощи для работы с семьей при урегулировании криминальных конфликтов уже давно обсуждается в мировой криминофамилистике и отечественной семейной криминологии[166]. Данная помощь достаточно эффективна против возобновления насилия в семье.

В настоящее время в разных регионах страны действует ряд общественных организаций, осуществляющих в рамках пилотных проектов восстановительные психологические программы работы с семьей, суть которых заключается в примирительных процедурах между конфликтующими членами семьи[167, с.11].

Сами участники процесса и его наблюдатели достаточно высоко оценивают результаты примирительных процессов правонарушителей и их жертв - членов одной семьи.

Суть примирительной процедуры в ситуациях внутрисемейного насилия заключается в восстановлении отношений между членами семьи. Несомненно, эти ситуации требуют осторожности при работе с ними, а главное - индивидуального подхода, необходима работа над пониманием происходящего в семье и совместное размышление со специалистом - посредником о том, как можно изменить то, что разрушает семью.

Однако сложность работы определяется отсутствием ее законодательной регламентации, подготовленных специалистов и непринятием самой программы и ее результатов государственными структурами.

В рамках третьего уровня - *психологического* - виктимологическая предупредительная деятельность насильственных преступлений в сфере семьи направлена на устранение детерминант механизма виктимизации, действующих на этом уровне и связанных с личностью жертвы.

Этапами работы на данном уровне могут стать этапы, имеющиеся в криминологической профилактике [168, с.42], а именно: 1) выявление конкретных жертв, изучение их персональных качеств, которые повышают риск виктимного поведения в семье; 2) постановка этих лиц на соответствующий виктимологический учет; 3) планирование конкретных мероприятий с целью устранения виктимных свойств; защита, оказание помощи и проведение социально-психологической реабилитации; 4) снятие с учета.

Центральное место среди субъектов на современном этапе должны занять социальные органы защиты населения и под их управлением общественные организации. Работа многих социальных центров помощи семье и детям строится на двух уровнях:

1. Телефон доверия - экстренная помощь в случае обращения по факту насильственных действий.

2. Кризисное отделение - создание необходимых условий для обеспечения социально-психологической реабилитации.

Самый сложный момент в работе социальных служб - это выявление жертв, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. На каждом уровне работы используются свои методы выявления. Так, основным для первого уровня является самостоятельное обращение жертв, при этом обращение может остаться, по желанию жертвы, анонимным. На втором уровне специально подготовленные сотрудники, психологи используют различные методы для выявления жертв семейного насилия, диагностики их состояния.

Однако специалисты сталкиваются с проблемой отсутствия формально разработанных и внедренных в практику работы социальных центров единых методик.

Помимо женщин от насилия в доме страдают и дети. Им приходится всё время видеть жестокость отца и страдания матери. Это формирует в детях мнение о безнаказанности за физическое насилие над другими людьми. Таким образом, воспитывается следующее поколение домашних тиранов [137].

Между тем, возникают особые трудности при выявлении их виктимности, которые неохотно идут на контакт, скрывают факты жестокости в своей семье. В этих целях, для диагностики внутрисемейных отношений, активно используются такие методики, как тест «Рисунок семьи», рисуночные тесты К. Коха «Дерево», «Несуществующее животное», тесты на определение психоэмоционального состояния детей с 3 до 18 лет, попавших в ситуации семейного насилия. Указанная работа позволяет выявить виктимность ребенка и подобрать приемы работы с ним.

В качестве методов выявления и диагностики с целью последующей работы с жертвами насилия в семье (в основном это женщины и дети), применяется арт терапия, которая является психодинамическим процессом, основанным на взаимодействии жертвы и специалиста, а такие факторы, как перенос, проекция и творческое воображение, активно проявляются как в изобразительной продукции, так и в беседе и поведении его участников [169, с.11].

Сбор информации о жертвах насилия и о сути ситуации, в которой она оказалась, специалисты-психологи получают в основном из рассказа, в котором жертва излагает собственное видение проблемы. На этом этапе выявления, проводимом как по телефону доверия, так и на очных консультациях, специалисты путем постановки специальных вопросов получают сведения и оценивают психоэмоциональное состояние жертв. С этой же целью применяется метод составления генограммы семьи. Этот метод позволяет компактно, в виде графической схемы отобразить родственные связи в семье, характер отношений между ее членами, положение самого человека. С ее помощью можно проследить симптоматические факторы, переходящие из поколения в поколение, такие, как: алкоголизм, суицид, насилие, инцест, и другие.

Выявление жертвы способом интервьюирования и получение о ней информации не реализуется сотрудниками служб, поскольку жертва может вновь «не проявиться». Согласно данным психологических служб, лишь около 11 % обратившихся по телефону доверия приходят на очные консультации.

Однако в настоящее время проявляется тенденция выявления жертв насилия в семье путем получения информации не от самой жертвы, а от ее окружения, тех, кто знаком с ситуацией в семье. В криминологической литературе этот метод получил название «трансформированного интервью» [134, с.289]. Источниками информации являются соседи таких семей, родственники членов семьи, школьные педагоги, работники сферы обслуживания домов, патронажные сестры, которые бывают в квартирах, а также сами пострадавшие от действий члена семьи. Одна из главных задач работы социальных педагогов - выявление жертв конфликтных семей, в основном и в первую очередь детей. Взрослым жертвам рекомендуют обратиться в психологическую службу либо в ОВД.

Положительный опыт указанного метода выявления заключается в возможности получения такой информации, которую сложно получить другим путем. Так, учитывая возрастные и мотивационные особенности поведения латентных жертв насилия в семье, не каждая из них готова пойти и рассказать, что с ней в семье происходит, в связи с этим сообщение о ней другим лицом является более приемлемым в плане выявления такой жертвы и прерывания процесса виктимизации в семье. Положительным моментом служит и получение информации не только о жертве, но и о социальной среде, породившей виктимность, о самих виктимоопасных ситуациях. Недостатками этого метода можно считать некоторое несознательное искажение информации, поскольку ее источник субъективно воспринимает информацию, давая собственную личностную оценку. Сложность представляет также реализация полученной информации, поскольку у социальных структур отсутствует легитимный доступ в семью. Если даже факт внутрисемейного насилия был выявлен, то попасть в квартиру и поговорить с ее субъектами достаточно сложно. Более того, сотрудники социальных служб не имеют права (с точки зрения профессиональной этики) сигнализировать об этом в полицию. Подать заявление может только сама жертва.

Таким образом, основные методы выявления жертв насилия в семье, используемые в социально-психологических центрах, базируются на определении наиболее типичных признаков личности пострадавших членов семьи, а также на характеристике их поведения. При этом активно используются методы наблюдения, интервьюирования и психологического тестирования. Информация может идти от самой жертвы, поэтому возможны определенные искажения, укрывание с целью сохранения анонимности.

Постановка на учет латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в семье, не производится, поскольку в стране отсутствуют единые системы учета жертв, нет и единого органа, который бы собирал все сведения о лицах, ставших жертвами таких посягательств.

В программе формирования банка данных по несовершеннолетним участвуют пять структур: медицинские учреждения, органы внутренних дел (в частности, подразделения по делам несовершеннолетних), воспитательные и образовательные учреждения (школы, детские сады), комиссия по делам несовершеннолетних и психологические службы города и района. При выявлении несовершеннолетнего из неблагополучной семьи любым из указанных органов установочные данные несовершеннолетнего вводятся в единую компьютерную систему. Кроме того, семья несовершеннолетнего также включается в банк данных с целью проведения комплексной профилактической работы.

Таким образом, созданная система позволяет быстро выявлять несовершеннолетних жертв, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, и принимать меры для ее скорейшего разрешения. Как показывает опыт, после проведенных с несовершеннолетним и его семьей профилактических мероприятий, семья и несовершеннолетний могут быть сняты с учета в банке данных. Рецидив виктимности несовершеннолетних, по оценкам специалистов, минимальный.

Однако от насилия в семье страдают не только дети, это и супруги, и их престарелые родители, и другие родственники, большая часть которых, согласно исследованию, остается латентной и продолжает быть участником внутрисемейного конфликта. При этом часть жертв обращается в полицию, другая часть ограничивается медицинской помощью в травматологических центрах, некоторые пострадавшие обращаются к психологам, поняв, что справиться с ситуацией в одиночку не под силу, - все эти обращения не получают должной юридической оценки, данные о жертвах являются разрозненными.

В целях упорядочения учета латентных жертв внутрисемейного преступного насилия предлагается создать единый компьютерный банк данных о личности жертвы на базе межведомственного соглашения. В данном мероприятии необходимо участие всех существующих структур, по долгу службы имеющих дело с семьей и ее проблемами: институты здравоохранения и образования, комиссии по делам несовершеннолетних, социальные службы защиты населения, кризисные центры, а также силовые ведомства.

Планирование конкретных мероприятий с целью профилактического

воздействия, оказания помощи и защиты, проведения социально-психологической реабилитации должны строиться с учетом особенностей характера и содержания мотивации каждого типа латентных жертв внутрисемейного насилия путем личных бесед с жертвой и обидчиком, направленных на воспитание положительных качеств, нивелирование как виктимных, так и криминогенных свойств. С беспомощным, пассивным и вынужденным типами латентных жертв внутрисемейного насилия необходима работа по формированию решимости на защиту своих прав и интересов. При работе с так называемыми жертвами-провокаторами необходимо учитывать такие отрицательные акцентуированные черты личности, как агрессивность, конфликтность, вспыльчивость, с перверсивной жертвой - такие черты, как мстительность и обидчивость, повышающие виктимность члена семьи.

К сожалению, в стране на государственном уровне не действуют единые программы обеспечения помощи жертвам правонарушений (кроме уголовного правосудия, целью которого является наказание преступника, при пренебрежении интересами жертвы). В США действует около 10 тысяч программ оказания помощи жертве[170,с.15]. Их цель - восстановить попранную преступлением справедливость и защитить жертву. В Казахстане структура защиты и помощи жертвам насилия не отработана ни в юридическом, ни социальном, ни психологическом аспектах.

В рамках этой модели субъекты профилактики, и в первую очередь социальные службы защиты и общественные организации, могут выполнять функции посредников, контролеров, «умиротворителей». Их задача на этом этапе - смягчить либо преодолеть переживаемые конкретной жертвой кризисы отношений в семье и негативные состояния психики. В случае невозможного, опасного проживания жертвы и обидчика на одной жилищной площади, первостепенное значение имеет решение вопроса об их раздельном проживании.

Такой тип мотивации латентной жертвы внутрисемейного насилия, как «вынужденная», предполагает представление интересов жертвы в различных инстанциях. Присутствие рядом человека, способного проникнуться тревогами и проблемами жертвы, находящейся в различной зависимости, является необходимым. Цель такого сопровождения - преодоление зависимости, обеспечение моральной поддержки, решимости прекратить насилие и развитие уверенности в себе.

Крайне важным является и углубленное диагностическое исследование жертвы с последующей медицинской и психологической помощью. Непосредственная социально-психологическая поддержка должна включать в себя конкретную помощь, необходимую определенному виду жертвы, с тем, чтобы она могла сохранить максимально возможный уровень противостояния деструктивным влияниям членов семьи как источникам своих страданий. Это может быть осуществлено через индивидуальную и групповую психотерапию, направленную на коррекцию состояний нервно-психического напряжения и социально-психологическую реабилитацию.

Данная работа возможна на основе социально-психологических

тренингов, прорабатывающих личные проблемы его участников, а также способы взаимоотношений и разрешения внутрисемейных конфликтных ситуаций. Тренинги, проводимые с жертвами таких конфликтов, должны строиться с учетом того или иного вида жертв.

Таким образом, в целях повышения эффективности общевиктимологической профилактики в отношении латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, на общесоциальном уровне необходимо создание социально-экономических, организационно-правовых и идеологических условий, при которых любое нарушение прав человека в сфере семьи является недопустимым и осуждается обществом, решение вопроса о раздельном проживании конфликтующих членов семьи, устранение деформаций нравственного и правового сознания граждан, укрепление семьи и семейных отношений; на социально-психологическом уровне - активизация работы социальных и общественных структур по нормализации внутрисемейных отношений, оказанию психологической помощи в урегулировании семейных конфликтов, создание системы социального сопровождения и контроля над межличностными отношениями жертвы и обидчика с последующей помощью и реабилитацией; на личностном (психологическом) уровне - организация выявления и учет членов семьи, склонных претерпевать насилие в семье, и оказание на них адресного профилактического воздействия с целью предупреждения виктимного поведения.

Профилактическое общевиктимологическое воздействие должно строиться на тесном, конструктивном сотрудничестве с представителями всех существующих структур, которые включены в систему отношений поддержки, защиты и оказания помощи семье и ее членам.

3.3 Специально-виктимологическая профилактика

Объектом специально-виктимологической профилактики выступают латентные жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений. Ее целевое назначение - нейтрализация и устранение виктимных свойств латентных жертв данных уголовных правонарушений, формирование у них положительных свойств и нивелирование тех, которые могут привести к становлению ее жертвой при разрешении семейного конфликта насильственным уголовным правонарушением; осуществляется преимущественно средствами убеждения воспитательного и защитного характера, однако возможно принуждение к правонарушителю как мера опосредованной защиты его жертвы.

Субъектами специально-виктимологической профилактики является широкий круг правоохранительных органов. Исходя из различной роли предупредительной деятельности, можно выделить три группы специальных субъектов профилактики [20, с.205]. В первую группу войдут субъекты, которые осуществляют профилактику наряду со своей основной деятельностью. Эти субъекты обеспечивают поддержание правопорядка в обществе и защиту жертв

путем реализации иных, помимо профилактических, функций. В исследуемой сфере к ним относятся судебные органы, прокуратура, органы Министерства юстиции в лице службы судебных приставов.

Вторую группу составляют те субъекты, которые обеспечивают правопорядок путем выполнения нескольких функций, одной из которых является профилактика преступлений. К этой группе субъектов относятся комиссии по делам несовершеннолетних, функцией которых является как рассмотрение дел о правонарушениях несовершеннолетних, так и обеспечение их социально-правовой защиты.

К третьей группе принадлежат те субъекты, для которых поддержание правопорядка обеспечивается, прежде всего, путем предупредительной деятельности[20, с.206], в том числе и на виктимологической основе. К их числу относятся службы, подразделения и сотрудники органов внутренних дел. В качестве одной из задач ОВД, согласно статьи 4 ЗРК «Об ОВД», является осуществление мер по профилактике бытового насилия.

Таким образом, виктимологическая профилактика органически включена в деятельность органов внутренних дел по предупреждению уголовных правонарушений, каждая служба и ее сотрудники обязаны осуществлять профилактическую деятельность в пределах их компетенции. Проведение виктимологической профилактики в отношении латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в семье, может снизить негативные последствия уголовных правонарушений, поскольку безопасность каждого человека в семье есть основа общества в целом. В соответствии со статьей 1 Закона РК «Об органах внутренних дел» от 23 апреля 2014 года органы внутренних дел являются правоохранительным органом, предназначенным для защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от противоправных посягательств, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, профилактики правонарушений, в том числе и насильственных, совершаемых в сфере семейных отношений, а также защита его жертв[171]. Данная работа проводится службой участковых уполномоченных полиции, подразделениями по делам несовершеннолетних и подразделениями дознания.

Сотрудники всех правоохранительных структур остаются, пожалуй, единственной реальной силой, способной остановить преступное насилие в семье и предупредить виктимность ее членов. Данные подразделения имеют необходимые уголовно-правовые средства принудительного воздействия на правонарушителя, а также средства убеждения и помощи жертвам, и если они правильно и своевременно применялись, то, согласно полученным результатам анкетирования, после обращения к ним жертв, насильственные действия в семье прекращались или сокращались примерно в 43 % случаев обращений.

Но, к сожалению, проблема возникает именно в реагировании на случаи преступного насилия в семье и эффективности предупредительной деятельности специальных субъектов. Виктимологическая профилактика практически не проводится, более того, подход к профилактике в целом формальный: могут быть приняты меры превентивного характера, что

ограничивается вынесением и направлением представлений, «сухой» беседой, которая чаще всего содержит едкие замечания, имеющие обвинительный уклон. Силловые ведомства проявляют нежелание иметь дело с ситуацией насилия, если нет физического подтверждения, и «ждут», когда произойдет кровавая развязка.

Такое положение дел отчасти можно объяснить тем, что сотрудники указанных ведомств действительно ограничены мерами, предписанными законом. Кроме того, правоохранительная система ориентирована на наказание преступников, и это вполне отражает статистическая отчетность, используемая ведомствами, а также определенное личное отношение сотрудников правоохранительных органов к внутрисемейному насилию и его жертвам. Это порождает их неверие в правоохранительную систему, ее возможности помочь жертве и остановить преступное насилие в семье.

Разработка предложений по специально-виктимологической профилактике требует ее рассмотрения на трех основных уровнях.

На первом - *общесоциальном* - уровне данный вид профилактики направлен в целом на всех латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, и носит общий характер. Масштабы виктимизации в семейной сфере и ее социальные последствия до конца не осознаны ни в обществе, ни в государстве. В соответствии с господствующими установками развиваются и взгляды на борьбу с насилием, которая предполагает использование исключительно репрессивных средств, предусмотренных уголовным законодательством. Существующие юридические формы решения вопроса о предотвращении насилия и защите жертвы, а также юридической ответственности причинителя вреда, находящегося в родственных отношениях с потерпевшим, чаще всего являются психологическими и тактически не приемлемы для сферы семьи.

Пока основным методом борьбы с преступностью вообще и с насилием в семье в частности, остается уголовно-правовое воздействие, и - как его результат - наказание виновного. Однако следует констатировать, что закон является примером неэффективного применения такого рода воздействия.

Во-первых, у юристов, правоприменителей возникают сложности в квалификации содеянного в семье. К сожалению, наука уголовного права и закон не используют единую терминологию, касающуюся семейного насилия и его жертв. В связи с этим возникают сложности в точном понимании и применении существующих уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм. Практика их применения создает почву для декриминализации внутрисемейных деяний, от этого страдают условные жертвы.

Во-вторых, существующее, по закону, наказание обидчика, как показывает практика, не может удовлетворить жертву, тем более защитить ее в будущем от противоправных посягательств члена семьи, т.е. процесс виктимизации наказание остановить в большинстве случаев не может. Более того, некоторые исследователи справедливо называют процедуру рассмотрения внутрисемейных дел и назначения наказания «вторичной виктимизацией» жертвы от правосудия [172, с.41].

С целью совершенствования доминирующей модели противодействия насильственным уголовным правонарушениям в сфере семейных отношений и обеспечения социально-правовой защиты его жертв на данном уровне, учитывая специфичность сферы насильственных уголовных правонарушений - семейные отношения, необходимо прямое указание на них в части 1 ст. 54 УК РК (Обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность и наказание) и в части 1 ст. 53 УК РК (Обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность и наказание). При этом дополнять соответствующие статьи квалифицирующим признаком «совершение уголовного правонарушения в отношении лица, находящегося в семейных отношениях с обвиняемым» нет необходимости, поскольку часть 1 ст. 54 УК РК должна учитываться судами как отягчающее обстоятельство к ряду уголовных правонарушений, совершенных внутри семьи, так же, как часть 1 ст. 53 УК РК в качестве смягчающего обстоятельства, что необходимо в первую очередь для перверсивной жертвы.

Особой реструктуризации требует статья 110 УК РК (Истязание). Трудность ее фактического применения объясняется сложностью в толковании нормы. При этом семейное насилие носит системный характер, который заключается в виде повторяющихся действий, причиняющих жертве боль, переживания, не сводимых лишь к причинению потерпевшим психического и физического вреда. Однако систематичность как признак трактуется лишь в доктрине, в законе же прямого указания, что считать системой указанных действий, не дано. Физические и психические страдания - категория субъективная, что также не способствует точной квалификации деяния.

Юридически не точна ст. 140 УК РК (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего), не дается легального толкования понятию «жестокое обращение с несовершеннолетним», практически невозможно применить статью в случаях, если указанные действия осуществляют отчим, мачеха, бабушка, дедушка, т.е. те, кто не является родителем, официально не возлагал на себя обязанности по воспитанию детей (не усыновлял, не принимал опеку), однако жестоко обращается с ребенком.

Статистика свидетельствует о необходимости внесения существенных изменений в указанные нормы уголовного законодательства. Уголовный закон должен операцио-анализировать дефиниции, используемые в статьях, а также указать ситуации их применения, кроме того, предусмотреть специальные механизмы защиты потерпевшего от новых преступных посягательств со стороны осужденного после вынесения приговора.

Положительным моментом является предстоящее ужесточение наказания за бытовое насилие. Так поправки в закон о бытовом насилии позволят возбуждать дела об административных правонарушениях по факту совершения насилия без заявления потерпевших, полагаясь на показания свидетелей и записей видеокамер. Окончательное решение будет принимать суд. Кроме того, внесенные поправки исключают возможность повторного примирения сторон, т.е. примирение будет возможно только один раз в суде.

Усилена административная и уголовная ответственность. Если раньше суды ограничивались арестом от суток до пяти, со вступлением в силу

поправок виновник семейного насилия будет предупрежден либо арестован на пять суток, в случае повторной агрессии ему грозит 10 суток ареста.

За побои грозит наказание 10 суток (вместо прежних до 10 суток), за повторное избиение срок ареста увеличен с 15 суток до 20. Кроме того, вместо предупреждения за нарушение защитного предписания, в настоящее время предусмотрен арест на 10 суток.

Наряду с этим, в отдельные статьи Уголовного кодекса, в частности в статьи 106 и 107 УК РК, о причинении тяжкого вреда и средней тяжести вреда здоровью введено понятие «совершение деяния в отношении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного», что позволит применить санкцию в виде ареста для изоляции преступника, а также усилит ответственность вплоть до 10 лет лишения свободы по ст.106 УК и до 3 лет по ст.107 УК РК.

Изменения в Уголовный кодекс РК вступают в законную силу 19 мая 2023 года. В Кодексе об административных правонарушениях изменения начнут действовать с 1 июля 2023 года [173].

Целесообразно ввести изменения в основы уголовно-процессуального судопроизводства, рассматривающего внутрисемейные преступления. Существенную помощь в налаживании посткриминальных отношений между членами семьи и воспрепятствовании процесса виктимизации может оказать создание в системе судов общей юрисдикции специальных семейных судов, которые бы специализировались на делах такого рода по типу ювенальных судов, имеющих в некоторых странах [174, с.37]. Так, например, в Польше Семейный суд, введенный с 1978 г., рассматривает вопросы, связанные с отношениями между родителями и детьми, супругами между собой, а также правонарушения, совершенные внутри семьи [175, с.17]. В состав семейных судов, кроме профессиональных юристов, исходя из опыта других стран, могут входить помощники судьи (кураторы) - специалисты других областей знания (психологи, психотерапевты, педагоги), поскольку юридическая помощь данной категории потерпевших должна сопровождаться психотерапевтической поддержкой и контролем со стороны куратора - сотрудника семейного суда.

В Республике Казахстан уже имеется опыт введения специализации судей по рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних, а также должности социального работника помощника судьи. Задача правосудия, по мнению исследователей, заключается не столько в совершенствовании действующей уголовно-судебной системы, сколько в создании принципиально нового правосостановительного правосудия [176, с. 245], где цель наказания - восстановление нарушенного права, а не кара как репрессия для виновного и устрашения других. Это положение в полной мере относится к семейной сфере, в которой суть разбирательства должна сводиться к разрешению конфликта между двумя частными интересами, в том числе и с применением психологических и психотерапевтических методов, а не к стигматизации преступника и огласке преступления.

К компетенции суда можно отнести и решение вопроса о принудительном, ускоренном размене общей жилплощади членов семьи в

случае невозможного и даже опасного для их жизни и здоровья проживания в условиях одной квартиры. При этом судом жертве может быть присвоен статус «бездомного», т.е. человека, лишенного безопасного жилища. Основной целью помощи жертве насилия должно стать предоставление ей возможности достичь независимости от обидчика, как с психологической точки зрения, так и при обустройстве повседневной дальнейшей жизни.

Реализацию решения суда о размене жилплощади следует возложить на службу судебных приставов, находящуюся в подчинении Министерства юстиции Республики Казахстан, поскольку основной их функцией является исполнение судебных решений, в том числе и принудительно. До реализации решения жертву насилия следует извлечь из криминогенной ситуации и предоставить ей место в убежище, созданном при каждом социальном центре помощи жертвам семейного насилия, без ограничения срока пребывания.

Однако, как отмечают польские исследователи проблемы внутрисемейных преступлений, такой феномен, как «семейное насилие», объединяющий все страны мира, не способно разрешить лишь нормативное законодательство, «это может быть сделано только при объединении всех институтов, а начало положено в образовании и обучении людей» [177], и в первую очередь тех, кто профессионально работает с семьей. Доминирующий в нашем обществе традиционный взгляд на семейные дела как на сугубо личные отношения членов семьи, вмешательство в которые норм права допустимо лишь в крайних случаях совершения тяжких преступлений против личности, сказывается и на подходе сотрудников специальных субъектов к разрешению дел о внутрисемейных преступлениях.

Анализ результатов опроса экспертов из числа сотрудников органов внутренних дел, приведенный в работе с целью выяснения их мнения по семейным конфликтам, позволяет сделать выводы об отсутствии у многих сотрудников ОВД понимания важности проблемы внутрисемейного насилия, а соответственно, и возможности проводить профилактическую работу. Более того, при изучении мнения сотрудников полиции по вопросу правовой возможности защиты жертв и воздействия на правонарушителя по фактам семейных обращений существующими юридическими и тактическими средствами, более 90 % опрошенных указывают на неэффективность и сложность применения имеющихся в законе мер. Если сотрудник ОВД сам не считает насилие в семье уголовным правонарушением, не верит и не видит результата своей работы, он не сможет провести эффективную работу по предупреждению насилия в семье.

Практика свидетельствует, что прибывшие на так называемый «семейный вызов» сотрудники полиции (участковые уполномоченные полиции или инспекторы дежурных частей ОВД по разбору, не говоря уже о сотрудниках наружных служб оперативного реагирования) оказываются неподготовленными ни тактически, ни юридически, ни психологически работать с проблемами семьи. В большинстве случаев сразу начинается «обработка» жертвы, суть которой заключается в уговоре пострадавшего лица не подавать заявление на члена семьи. Даже если заявление от этого лица принято и зарегистрировано,

на этапе рассмотрения и оценки его содержания о возможности возбуждения уголовного дела сотрудниками ОВД в большинстве случаев выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Приходится констатировать и тот факт, что в правоохранительной системе отсутствуют специалисты, готовые и умеющие работать со специальным контингентом потерпевших - жертвой семейного насилия. К имеющимся объективным недостаткам в виде директивных указаний правомочных органов, информационного обеспечения, добавляются субъективные факторы - правосознание самих сотрудников, проявляющееся в низком знании действующего законодательства, ведомственной нормативно-правовой базы и правильном их применении, а также трудности психологического характера, как-то: неумение общаться с гражданами, отсутствие эмпатии и понимания чувств и потребностей жертвы, невладение основами виктимологии и семейной конфликтологии.

В целях преодоления недостатков в деятельности ОВД, в том числе и указанных выше, необходимо введение на базе учебных центров МВД РК учебных программ, которые должны содержать кроме правовой тематики криминологические, виктимологические и психологические темы, рассматривающие семейный конфликт, поведение его участников, их характерологические особенности, специфику общения с членами семьи в ситуации криминогенного конфликта и послеконфликтного взаимодействия. Для участковых уполномоченных полиции и инспекторов ПДН, которые в отделениях полиции будут заниматься семейными криминогенными конфликтами, также необходимо проводить учебные тренинги с целью выработки коммуникативных навыков, заключающихся в отработке умения слушать людей, работать с их сильными эмоциями, умения разрешать внутрисемейные конфликты.

Необходимо дополнить программу курсов повышения квалификации при учебных заведениях системы МВД РК для всех категорий обучающихся, и особенно для службы участковых уполномоченных полиции, инспекторов ПДН, темами, связанными с профилактикой насильственных конфликтов, совершаемых в сфере семьи и работой с ее членами. Кроме того, необходимо пересмотреть систему первоначальной специальной подготовки сотрудников полиции, осуществляемой учебными центрами страны, и программы обучения в учебных заведениях, занимающихся подготовкой будущих сотрудников правоохранительных органов.

К сожалению, приходится констатировать, что существующий порядок подготовки сотрудников полиции недостаточно акцентирует внимание на отработке навыков работы в ситуациях семейного конфликта. Проведенные исследования мотивации слушателей учебных центров МВД РК показали, что идейными мотивами при поступлении в ОВД руководствуются единицы. Опрос слушателей относительно их мнения о семейных конфликтах показал, что 81,3 % слушателей не считают необходимым вмешиваться в семейный конфликт, даже если он сопровождается какими-либо насильственными действиями (вплоть до побоев) в адрес членов семьи. На вопрос о действиях, которые они

будут предпринимать на месте происшествия по так называемому «семейному вызову», большинство (около 79 %) ответили, что будут выяснять у жертвы о намерениях писать заявление в ОВД или нет, и лишь 11 % респондентов ответили, что попытаются разъяснить противоправность действий обидчика, а также необходимость и последствия подачи заявления потерпевшего, 10 % затруднились ответить на поставленный вопрос.

Таким образом, необходимо ввести в курс профессионального обучения темы, связанные с обучением сотрудников полиции работе с фактами семейного насилия. Так, например, в общем числе преступлений, убийства в сфере семейно-бытовых отношений составляют 67,3 %, причинение вреда здоровью различной тяжести - 53 %. [178]. От умения сотрудника полиции правильно провести профилактическую работу зависит, прекратятся ли насильственные действия в семье или выльются в более тяжкое преступление, с возможным смещением ролей в механизме преступления в семье.

Некоторые перемены в работе большинства учебных центров, занимающихся первоначальной специальной подготовкой сотрудников полиции, уже произошли: изменился порядок зачисления на учебу, увеличился срок обучения.

Изменилась методика и направленность обучающих программ с ориентацией на отработку практических навыков в различных жизненных ситуациях. Сотрудники ОВД, получившие определенные знания по виктимологии, криминологии, семейной конфликтологии, психологически и юридически подготовленные, могут занять должность консультанта при профилактических отделениях ОВД, которую необходимо ввести для работы с семьей.

На *социально-психологическом* уровне специально-виктимологической профилактики предупредительная деятельность специальных субъектов заключается в воздействии на семью и ближайшее окружение жертв внутрисемейного насилия. Целью данной деятельности является устранение детерминант механизма виктимизации, действующих на данном уровне и нормализация семейных отношений. Она может заключаться в ряде последовательных этапов:

1. Выявление и изучение конфликтной семьи, членов такой семьи, особенности и поведение которых дают основание полагать, что они могут стать правонарушителями либо жертвами. При этом выявление объекта воздействия может строиться в трех направлениях:

- от ситуаций, которые в сфере семейных отношений при их разрешении чреваты применением насильственных способов, влекущих или способных повлечь причинение вреда члену семьи [70, с.41];

- от лиц, склонных к разрешению конфликта насильственным путем, с целью определения его окружения и жертв, которые скрывают этот факт;

- от самих латентных жертв, которые обнаруживают качества повышенной виктимности [9, с.253] в сфере семейных отношений.

Этот этап включает диагностику риска криминализации и виктимизации личности в семье, ее психологических особенностей, поведения в типичных

ситуациях конфликта, изучение других факторов, имеющих отношение к повышенной криминальной направленности или виктимности членов семьи.

Подобное исследование может базироваться на комплексной методике, построенной на основании типологии ситуации, связанной как с поведением жертвы, так и с поведением обидчика. В основу методики по выявлению и оценке виктимности в ситуации семейного деструктивного конфликта, адаптированной для сотрудников правоохранительных органов, положена методика, разработанная в США психологом Кэти Барбер в помощь консультантам психологических центров, работающих с жертвами насилия [179]. Суть ее состоит в тактике «вопрос-ответ», применяемой как к самой жертвой, так и к лицам, ее окружающим (это могут быть соседи, друзья, родственники). Получив любое сообщение по факту внутрисемейного конфликта, сотрудник полиции с помощью правильной постановки ряда вопросов и сверки их с картой ответов, должен определить семейные отношения, оценить степень их конфликтности, виктимность и криминогенность членов семьи для их дальнейшего выявления и предупредительной работы с семьей.

2. Постановка семьи на профилактический учет с заведением «семейного дела». В практику правоохранительных органов к существующему учету правонарушителей, предусмотренному действующей инструкцией по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, инструкцией по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних, необходимо ввести учет конфликтных семей и всех жертв преступного насилия уже на этапе получения какой-либо информации о внутрисемейном конфликте, как при обращении самой жертвы с заявлением, так и при любом ином сообщении.

В целях оптимизации работы с семьей следует дополнить содержание правоохранительного учета введением статистических контрольных виктимологических карточек на семью и ее членов. Данные карточки должны заполняться в целом на семью сотрудниками ОВД, секретарями суда и прокуратуры сразу при выявлении факта любого насилия в семье. В ней необходимо фиксировать установочные данные жертвы и ее обидчика, уровень их взаимоотношений (ссоры, чем они сопровождаются, как обычно заканчиваются, высказываются ли угрозы убийством, тяжкими повреждениями), наличие несовершеннолетних детей, психоэмоциональное состояние жертвы, мотивацию ее виктимного поведения. Все заполненные карточки можно аккумулировать в ОВД, в службе участковых уполномоченных.

Введение виктимологических карточек будет полезно как для учета конфликтных семей и ее членов, так и для последующей профилактической работы с ними и в целом с семьей. При этом в карточке имеется таблица о проводимой работе, в которой сотрудником ОВД должны быть указаны мероприятия по сопровождению семьи в целях урегулирования ситуации.

3. Оказание профилактического воздействия на всех членов семьи с целью понижения риска криминализации и виктимизации, а также

нормализации семейных отношений между ними. Данный этап включает в себя решение задач в зависимости от конкретной жизненной ситуации, сложившейся в семье. Такую работу могут осуществлять сотрудники ОВД непосредственно в тесном контакте со специалистами социальных служб. Основным содержанием этого процесса должна стать деятельность сотрудников ОВД, возможно с привлечением психологов по разрешению внутрисемейного криминального конфликта и примирению его участников. Главными функциями являются контроль над семьей и взаимоотношениями ее субъектов, оказание правовой, социально-педагогической и психологической помощи, поддержка жертв, их воспитание.

4. Снятие семьи с учета должно осуществляться при наличии положительных изменений во внутрисемейных отношениях.

Необходимо создать действенную систему контроля за развитием межличностных отношений в конфликтной семье и обеспечить неприкосновенность личности.

На личностном (психологическом) уровне меры специально-виктимологической профилактики направлены на конкретную латентную жертву внутрисемейного насильственного уголовного правонарушения. Они могут включать ряд таких же последовательных этапов: выявление латентной жертвы, постановка ее на учет, оказание профилактического воздействия и снятие с учета [180, с.152-154].

Выявление латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в семье, специальными субъектами можно представить как единый процесс, деятельность, базирующуюся на информационных источниках, которые имеются в ведении этих структур. Основой выявления должно стать использование всех возможностей, которыми они располагают [9, с.252]. Так, зачастую у жертвы домашнего насилия нет возможности пожаловаться на тирана открыто. Для этого можно позвонить по номеру 102 и сказать: «Мне нужны лекарства домой». Это кодовая фраза, «специалисты на том конце провода поймут и отреагируют на вызов», - поясняет начальник управления Местной полицейской службы ДП Шымкента.

Очень важны своевременность обращения в полицию, чтобы была видна порванная одежда, были свидетели, поддержали родственники, друзья. Комплекс этих доказательств позволит привлечь к ответственности супруга, который ведет себя таким образом [181].

В качестве источников информации об условной латентной жертве можно рассматривать материалы об отказе в возбуждении уголовного дела, материалы проверки по заявлениям жертв семейного насилия, другие материалы, поступающие от следователей, органов дознания, судов различной инстанции, и в качестве основного метода выявления должен стать метод анализа документов. Однако при изучении сведений о личности жертвы применяется односторонний и поверхностный подход к установлению характерологических особенностей пострадавших органами, проводящими предварительное расследование и дознание, которые зачастую ограничиваются лишь определением социально-демографических показателей.

При выявлении безусловных латентных жертв насильственных преступлений, совершаемых в семье, необходимо использовать информацию, имеющуюся в медицинских учреждениях, куда жертвы обращаются за помощью. В ходе проведенного опроса экспертов - специалистов приемных отделений травмопунктов и станций скорой медицинской помощи о том, как часто они сталкиваются со случаями оказания медицинской помощи жертвам семейного насилия, около 65 % опрошенных ответили, что такие жертвы составляют более половины случаев обращения в медицинские учреждения. Однако многие жертвы настаивают на бытовом характере травм, и заявлять в полицию не хотят. Тем не менее, в ходе первичного медицинского осмотра врачом по характеру и локализации травм может быть сделано заключение об их явно насильственном причинении.

Одним из направлений выявления латентных жертв внутрисемейного насилия может стать разработка протоколов для всех медицинских учреждений, в которые следует включить анкетные данные обратившихся за помощью по случаю получения травмы, включая данные о составе семьи, месте работы и проживания, а также краткую фабулу получения травмы, введение обязательной отчетности медицинских работников и документирование ими таких фактов обращений, и последующее обязательное уведомление о данных фактах органов внутренних дел. В настоящее время такая информация поступает лишь в случае установления в медицинских учреждениях факта о криминальном характере травмы пострадавшего и в результате его госпитализации. Если жертва говорит о бытовом получении травмы (падение, случайный ушиб и т.д.), информация в органы внутренних дел не отправляется. Даже если такая информация поступила, и даже если сотрудник полиции установил насильственный характер травмы пострадавшего, полученной при разрешении семейного конфликта, но жертва не желает писать заявление, факт не фиксируется, дело не возбуждается без выяснения мотивов такого отказа. Следовательно, ни жертва, ни лицо, причинившее травму, на учет ОВД не берутся, работа с семьей не проводится.

Источником информации для сотрудников правоохранительных органов могут стать сведения, имеющиеся в медицинских вытрезвителях, куда могут помещаться, по письменному заявлению граждан, лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, которые устраивали ссоры с членами своей семьи. При изучении карточки на правонарушителя, заведенной в медицинском вытрезвителе, можно выявить латентную жертву, однако данный источник сотрудниками практически не используется.

В качестве источника информации можно принять и различные, создаваемые в целях помощи семье и детям социальные и общественные структуры, поскольку, как показывает практика, жертва скорее готова обратиться за помощью к ним, нежели в правоохранительные органы. Однако получение из этих ведомств информации должно строиться на балансе конфиденциальности сведений, свободе волеизъявления жертв и защите их прав.

Дополнительными источниками информации о жертвах внутрисемейных

преступных деяний могут стать извещения из женских консультаций о фактах издевательства над женщинами в семье, приговоры и представления судов по делам частного обвинения, информация из психонаркологических диспансеров о состоящих на учете с диагнозами алкоголизм и душевное заболевание, поскольку данные лица могут быть опасны в семье.

При выявлении несовершеннолетних латентных жертв преступного насилия в семье источниками информации являются еще и государственные общеобразовательные учреждения, каждый из которых закреплен за инспектором подразделений по делам несовершеннолетних. Данный работник обязан ставить на профилактический учет родителей, законных представителей, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних и (или) отрицательно влияющих на их поведение, жестоко обращающихся с ними.

В настоящее время существует практика работы правоохранительных структур с применением компьютерных технологий в целях повышения эффективности взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации и населением и обеспечения максимального выявления, как уголовных правонарушений, так и его жертв. Возможно, данное нововведение будет для сферы семейных отношений проявлением активности граждан, самих жертв, которые по ранее указанным мотивам не хотят очных заявлений в ОВД или не могут сами обратиться, но желали бы получить помощь при обращении в полицию через Интернет. Так, в Казахстане создали мобильное приложение для борьбы с домашним насилием Tozbe (нетерпимость - каз.). Это проект учениц школы NaileybyгуАликсенииМартышевой, Аружан Нисупжан, СанииМухамбеткалиевой, Миры Унгаровой, Даны Скороходовой и Селин Четиннели.

Приложение отправляет сообщение о помощи с местоположением владельца телефона, а также может записать происходящее на диктофон. Интерфейс приложения выглядит как программа для чтения книг, но на самом деле в углу экрана спрятана невидимая кнопка. При нажатии на неё открывается настоящий интерфейс Tozbe.

В приложении надо заполнить информацию о себе, а главное - ввести номер одного или нескольких экстренных контактов. На эти номера приложение будет отправлять СМС с геолокацией пользователя, который оказался в опасности. Также в настройках можно активировать функцию записи аудио.

Все функции активируются голосовой командой - кодовым словом, которое можно выбрать из списка. В приложении есть команды на казахском, русском и английском языках, перечень кодовых слов планируют расширить.

Приэтом, приложение Tozbe может помочь не только в случае домашнего насилия, но и при любой другой опасности. Приложение является полностью инклюзивным.

При разработке приложения девушки анализировали поведение абьюзеров, чтобы понять, что необходимо жертвам для безопасности. Например, домашние насильники проверяют телефон жертвы, чтобы лучше

зашифровать это всё. В приложении также доступна информация о центрах помощи жертвам домашнего насилия по всему Казахстану и статьи о том, как распознать абьюзера и что делать после случая насилия. Благодаря такому приложению женщина узнает, как обращаться за помощью и с чем туда идти, потому что самое важное - это своевременное обращение [182].

В сфере семейных отношений максимально эффективное выявление жертв семейного насилия можно достичь при применении метода виктимологизации [183, с.59], суть которого состоит в организованных опросах населения, предполагаемых потерпевших от преступлений. Опросы могут осуществляться сотрудниками полиции, в частности участковыми уполномоченными при проведении приема граждан на опорных пунктах, инспекторами по делам несовершеннолетних при работе с учащимися образовательных учреждений.

Для жертв исследуемой сферы эффективным методом будет предложенный учеными метод трансформированного интервью [134, с.289]. Основная суть его заключается в том, что данные о жертве преступления специальные субъекты получают не от нее самой, а от ее ближайшего окружения - родственников, друзей, знакомых, т.е. тех лиц, которые знакомы с обстановкой в семье. Информация о жертве, полученная таким образом, будет более достоверной и открытой. Жертве преступного насилия, совершаемого в семье, нелегко осознавать, что с ней происходит, а тем более кому-либо в этом признаться. Очень уязвимы в этом отношении беспомощные и незаинтересованные жертвы, и в частности мужчины и пожилые люди. Так, по данным социологических исследований Великобритании, мужчины боятся признаться в насилии даже при анонимных опросах [184, с.21].

Как говорилось выше, одним из способов выявления латентной жертвы насилия в семье может быть комплексная методика выявления виктимности через оценку степени конфликтности ситуации в семье.

Выявленные указанными методами данные о жертвах необходимо аккумулировать в службе участковых уполномоченных полиции, которые имеют все возможности для работы с жертвой, обидчиком и семьей. Для эффективности деятельности правоохранительных органов по данному направлению необходимо пересмотреть порядок *профилактического учета*, существующего в ОВД, и ведомственную систему статистической отчетности, как несоответствующую потребностям практики. В связи с этим ввести обязательную компьютерную регистрацию жертв семейного насилия сразу же при обращении жертвы в правоохранительные органы, что позволит оперативно решать вопросы о возбуждении уголовного дела (особенно по ст. 110 УК РК) и проводить соответствующие профилактические мероприятия, направленные на обеспечение безопасности и уголовно-правовой защиты жертв.

Существенную роль в плане учета латентных жертв насилия в семье могут сыграть создание и использование на практике возможностей единых информационно-поисковых компьютерных систем, куда бы вносилась информация об обращении пострадавших в семье в различные структуры -

социально-психологические службы, медицинские учреждения, государственные образовательные учреждения.

На этапе применения мер профилактического воздействия необходимо использовать индивидуальный подход, т.е. учитывать личностные характеристики латентных жертв, преломленные в ситуациях семейного конфликта. В целях повышения профилактической активности правоохранительных органов, а также принятия в каждом конкретном случае необходимых мер, сотрудникам желательно организовать для жертвы профилактические мероприятия, применяемые при той или иной степени конфликтности ситуации насилия в семье

При работе с жертвой, находящейся в ситуации *средней степени* конфликтности, предлагается:

- осуществить мероприятия по так называемому «неформальному вмешательству». Получив сообщение по факту семейного конфликта, сотруднику полиции в качестве посредника необходимо вмешаться в конфликт, направив работу на юридическую оценку действий обидчика, выяснение характера и глубины конфликта, вовлеченности в него других членов семьи;

- поставить членов семьи, как правонарушителя, так и жертву, на профилактический учет сроком один год с обязательным проведением соответствующих мероприятий, направленных на профилактику пассивного поведения жертвы, включая посещения на дому, разъяснительные беседы, запросы характеристик с места работы (учебы) и т.д.;

- при необходимости привлечь к работе с семьей практического психолога ОВД, консультанта либо специалиста психологической службы.

В случае выявления правоохранительными органами жертвы с *высокой степенью* конфликтности ситуации насилия в семье, предлагается:

- осуществить мероприятия по «формальному вмешательству», которые включают медицинское освидетельствование жертвы, доставку и задержание обидчика, возбуждение формальной процедуры по работе со сторонами конфликта, свидетелями и анализ самой ситуации;

- в случае наличия в доме оружия возбудить ходатайство перед подразделениями лицензионно-разрешительной работы об осуществлении контроля над владельцем оружия и о приостановлении его лицензии;

- по деяниям, относящимся к делам частного обвинения, осуществлять юридическое сопровождение жертвы с разъяснением ему норм УК РК и УПК РК при составлении заявлений в суд, сборе необходимых доказательств;

- постановка семьи на учет с целью проведения профилактических мероприятий. Проведение профилактической работы, направленной на устранение провокационного поведения жертвы.

При отнесении жертвы к категории *крайней степени* конфликтности ситуации насилия в семье сотрудникам полиции предлагается:

- немедленно изъять жертву из криминогенной ситуации с последующим помещением в убежище кризисного центра, обеспечив ей и - при необходимости - ее окружению (дети, родители) безопасное существование;

- дознавателю, следователю, прокурору незамедлительно возбудить

уголовное дело, в соответствующих случаях на основании особого состояния потерпевшего с целью обеспечения его права на защиту и безопасность;

- в рамках уголовного дела, в зависимости от тяжести совершенного уголовного правонарушения, ходатайствовать перед судом об избрании в отношении обидчика меры пресечения в виде заключения под стражу;

- привлекать психологов к работе с неблагополучной семьей, обеспечить юридическо-психологическое сопровождение жертвы при расследовании и рассмотрении дела в суде;

- поставить семью на учет и вести контроль за ней после вынесения решения по делу органами дознания, следствия или судом. Осуществление обязательной профилактической работы с жертвой в целях предупреждения нейтрального поведения в ситуации криминогенного конфликта.

В целом профилактическая работа на личностном уровне должна базироваться на типологии таких жертв, устанавливающей наиболее характерные личностные показатели пострадавших от семейного насилия, их типичные формы поведения, и лежащей в их основе мотивации. Самой распространенной формой профилактического воздействия в отношении латентных жертв является профилактическая беседа, целью которой является выявление виктимных качеств жертв с последующим устранением или нейтрализацией этих качеств и развитие положительных качеств личности. Желательно привлечь к проведению бесед лиц, положительно влияющих на жертву.

В конечном итоге успех профилактического воздействия зависит от умения сотрудника полиции воздействовать на личность жертвы с целью устранения ее виктимных свойств, что свидетельствует о необходимости психологической и педагогической подготовки сотрудников. Эффект предупредительной деятельности на данном этапе может оцениваться в зависимости от того, стало ли лицо опять жертвой уголовного правонарушения, либо процесс виктимизации остановлен.

Таким образом, специально-виктимологическая профилактика в отношении латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, на общесоциальном уровне включает в себя изменение действующих правовых норм для максимализации защитных средств латентных жертв, устранение дефектов правосознания и совершенствование специальной подготовки сотрудников правоохранительных структур; на социально-психологическом - совершенствование деятельности по выявлению конфликтных семей и предупредительная работа с окружением латентной жертвы преступного насилия в семье в целях нормализации внутрисемейных отношений; на личностном - применение мер индивидуальной профилактики на основе типологии жертв.

Реализация хотя бы части предлагаемых мер и рекомендаций по проведению виктимологической профилактики насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, позволит в определенной мере изменить существующее положение латентных жертв и отношение к ним со стороны общества, а общесоциальной, криминологической

и уголовной политике государства реализовать курс на социальное здоровье общества.

Закключение

Настоящее диссертационное исследование представляет собой попытку уголовно-правового и криминологического анализа насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений. На основе проведенного исследования сделан ряд выводов и сформулированы предложения, имеющие прикладное значение для совершенствования практики борьбы с насильственными уголовными правонарушениями в сфере семейно-бытовых отношений.

Анализ современного состояния в области совершения насильственных уголовных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Казахстан характеризуется нарастанием негативных тенденций, что со всей очевидностью ставит вопрос о жертве таких деяний, которая также остается латентной.

При этом термин «латентная жертва насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений» раскрывается через следующие понятия:

- латентная жертва уголовных правонарушений - физическое лицо с определенными личностными свойствами, способствующими его виктимизации в определенных внешних условиях, вследствие которой его права и законные интересы нарушены преступным поведением других лиц. При этом сведения о лице отсутствуют в уголовно-статистическом учете, в результате реализация прав на защиту не представляется возможной в силу безусловной (полной) скрытости или условной (частичной) скрываемости деяния;

- семейные отношения - вид особых взаимоотношений между субъектами - членами семьи, объединенными совместными правами и обязательствами, которые обусловлены юридическими фактами возникновения семьи: брак, сожительство, родительство и другое родство;

- насильственное уголовное правонарушение, совершенное в сфере семейных отношений - межличностный внутрисемейный конфликт, разрешаемый с применением уголовно-противоправного воздействия на члена семьи, которое несет в себе угрозу причинения ему физического и (или) психического вреда.

Таким образом, под латентной жертвой насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, понимается член семьи, состоящий либо ранее состоявший в фактическом или юридическом супружестве, родительстве, родстве, с определенными личностными свойствами, способствующими его виктимизации в ситуации семейного конфликта, при разрешении которого возможно применение воздействия, несущего угрозу причинения физического (психического) вреда, при этом сведения о лице отсутствуют в уголовно-статистическом учете, в результате реализация прав на защиту не представляется возможной в силу безусловной (полной) его скрытости или условной (частичной) скрываемости.

Основным видовым признаком, позволившим выделить латентную жертву насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, был признан параметр отсутствия сведений о ней и самом деянии в системе уголовно-статистического учета, и, как следствие, невозможность реализации прав на защиту и предусмотренных законом мер восстановления своего положения.

Указанное свойство латентности применительно к исследуемому виду жертв обусловило существенные его особенности, которые лежат в механизме появления такой жертвы в сфере семейных отношений. В его содержание входит наличие или отсутствие условий, в связи с которыми сведения о жертве и уголовном правонарушении не попали в статистический учет. Основным критерием выделения данных условий были признаны субъективное восприятие и оценка криминогенной ситуации, имевшей место в семье, как самой жертвой, не пожелавшей ее правового разрешения, так и правоприменителем, не предпринявшим мер правового воздействия. В связи с этим весь блок латентных жертв насилия в семье был разделен на два типа: безусловные, не учтенные уголовной статистикой в силу неизвестности о них правоохранительным органам, и условные, т.е. скрываемые сотрудниками правоохранительных структур при их известности.

Выявленные личностные свойства латентных жертв позволили сделать вывод о некоторых субъективно-виктимных обстоятельствах повышенной уязвимости человека в семье, с акцентом на те из них, которые, проявляясь, в конечном итоге формируют ее латентность. Была установлена определяющая роль в генезисе механизма появления латентной жертвы насильственного уголовного правонарушения в семье особого типа мотивации, определенной как приобретенная, обученная беспомощность.

Данный признак является относительным, поскольку всегда реализуется в ситуации, оказавшейся для этого достаточной, а степень виктимности лица зависит от совокупности как личных, так и ситуативных компонентов виктимности, следовательно, можно говорить о механизме виктимизации личности в сфере семейных отношений как взаимосвязи и взаимодействии объективных обстоятельств семейной ситуации и субъективных свойств личности, детерминирующих выбор и реализацию виктимного поведения. Исследование такого поведения латентной жертвы легло в основу классификации ситуаций семейного конфликта, способного повлечь причинение ей вреда. На основе оценки степени конфликтности ситуации, сложившейся в семье, дана методика выявления виктимности личности в семье, которая может быть внедрена в деятельность служб и подразделений полиции по выявлению конфликтных семей и жертв.

Криминологическая характеристика личности латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, рассматриваемая через призму социально-демографических, нравственно-психологических, физических и уголовно-правовых характеристик, определяется комплексом относительно стабильных типичных свойств, которые при взаимодействии с внешними факторами деформируют

систему ценностей, формирующих восприятие и оценку ситуации, образуя особую мотивацию приобретенной (обученной) беспомощности, обуславливающей повышенную латентную виктимность, что создает неблагоприятные предпосылки для профилактического воздействия.

Общая типология латентных жертв насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, раскрывается исходя из механизма их появления с выделением двух типов: безусловные латентные жертвы - лица, потерпевшие от насилия в семье и неучтенные уголовной статистикой вследствие субъективного восприятия и оценки ситуации конфликта жертвой, не заявившей о нем; условные латентные жертвы - потерпевшие от противоправных действий других членов семьи, заявившие в правоохранительные органы, но неучтенные уголовной статистикой в связи с субъективным восприятием и оценкой деяния правоприменителем.

Раскрытие механизма виктимизации латентной жертвы насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, осуществляется через взаимосвязь и взаимодействие объективных обстоятельств окружающей действительности и субъективных свойств личности, детерминирующих выбор и реализацию варианта виктимного поведения, из других возможных вариантов при разрешении семейного конфликта насильственным путем, способным повлечь причинение ей вреда.

Виктимологическая профилактика насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в семье, определяется как деятельность государственных, специализированных общественных организаций и граждан, которые на профессиональной или общественной основе, по собственной инициативе обеспечивают работу с жертвами внутрисемейного насилия с целью устранения или нейтрализации детерминант механизма виктимизации личности в семье, а также оказания им помощи и защиты от преступных посягательств, связанных с воздействием на членов семьи.

Выявленные детерминанты механизма виктимизации легли в основу разработки предложений и рекомендаций по виктимологической профилактике насильственных внутрисемейных уголовных правонарушений, которая в зависимости от целеполагания разделена на два вида - общевиктимологическую и специально-виктимологическую. Их разработка является перспективной ввиду отсутствия надежных государственных гарантий защиты жертвой своих нарушенных прав и обеспечения личной безопасности членов семьи.

Предложения по совершенствованию общевиктимологической профилактики насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, рассматриваются на общесоциальном уровне (создание условий в обществе, при которых любое нарушение нрав человека в сфере семьи является недопустимым и осуждается, решение жилищного вопроса, устранение деформаций нравственного и правового сознания граждан, укрепление семьи и семейных отношений); на социально-психологическом уровне (активизация работы социальных и общественных структур по нормализации внутрисемейных отношений, оказанию психологической помощи в урегулировании семейных конфликтов, создание системы

социального сопровождения и контроля над межличностными отношениями в семье); на психологическом уровне (организация выявления и учет членов семьи с высокой виктимностью, оказание на них адресного профилактического воздействия).

Предложения по совершенствованию специально-виктимологической профилактики насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений, анализируются на общесоциальном уровне (изменение действующих правовых норм для максимализации защитных средств латентных жертв, устранение дефектов правосознания и совершенствование специальной подготовки сотрудников правоохранительных структур); на социально-психологическом уровне (совершенствование деятельности по выявлению конфликтных семей и предупредительная работа с окружением латентной жертвы преступного насилия в семье в целях нормализации внутрисемейных отношений); на психологическом уровне (применение мер индивидуальной профилактики на основе типологии жертв).

Полагаем, что результаты исследования будут способствовать совершенствованию современной концепции профилактики насильственных уголовных правонарушений в семье на виктимологической основе. Даная концепция должна складываться при взаимодействии и сотрудничестве правоохранительных органов, специализированных социальных и общественных структур, граждан, что позволит нейтрализовать и устранить повышенную латентную виктимность личности в семье, обеспечить ей действенную защиту и помощь в сочетании с воспитанием и социальным контролем.

Настоящее диссертационное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы и является одной из попыток внести определенный вклад в разработку эффективных мер виктимологической профилактики насильственных уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейных отношений.

Список использованных источников

- 1 Уголовная статистика применения насилия в семейно-бытовой сфере в Республике Казахстан за период с 2016 по 2022г.г. (таблица №1-6)/Комитет правовой статистики и специальных учетов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан
[//https://gamgor.gov.kz/crimestat/indicators/criminal](https://gamgor.gov.kz/crimestat/indicators/criminal)
- 2 Источник: <https://informburo.kz/novosti/v-2022-godu-v-kazaxstane-70-slucaev-domasnego-nasiliya-zaversilis-ubiistvami>
- 3 Ал-Кавасми Амир Хашим Салман. Противодействие криминальному насилию в сфере семейно-бытовых отношений. - Автореферат. 23 июня 2022 г. Типография: «Алтын принт». Объем 1,75 уч. изд.д. г. Бишкек, ул. Орозбекова 44. e-mail: romass@namba.kg
- 4 См: <https://kazpravda.kz/n/kasym-zhomart-tokaev-pozdravil-veteranov-i-ofitserov-ovd/>
- 5 Источник: <https://informburo.kz/novosti/tokaev-pora-uzhestochit-nakazanie-za-domashnee-nasilie>
- 6 Источник:<https://informburo.kz/novosti/63-zhertv-bytovogo-nasiliya-v-kazaxstane-otkazyvayutsya-pisat-zayavleniya>
- 7 Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 1. - М., 2002. - 720с.
- 8 Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык, 1998. - 555с.
- 9 Ривман Д.В. Криминальная виктимология. - СПб: Питер, 2002. - 304с.
- 10 Франк Л.В. Потерпевшие от преступлений и проблемы советской виктимологии. - Душанбе, 1977. - 240с.
- 11 Баймурзин М.С. Виктимологические детерминанты криминального поведения. – Автореф. дисс...к.ю.н... - Караганда, 2000. -32с.
- 12 Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность: Дис. ... д-ра юрид. наук. - Казань, 1998. - 336с. - С. 86.
- 13 Полубинский В.И. Практические аспекты криминальной виктимологии. - М., 1982. - 80с.
- 14 Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология: Монография. - Н. Новгород, 1998. - 210с.
- 15 Глухова А.А. Виктимологические факторы преступности: Дис. ...канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 1999. - 223с.
- 16 Франк Л.В. Виктимология и виктимность. - Душанбе, 1972. - 262-264с.
- 17 Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький, 1979.- 83с.
- 18 Полубинский В.И. Правовые основы криминальной виктимологии //Журнал российского права. - М.: Норма, 2001. - № 4. - С. 56-63.
- 19 См.: Абельцев С.Н. и др. Побои и истязания: проблемы криминологии //С.Н. Абельцев, С.Д. Дерябин, С.А. Солодовников: Учеб. посо-

бие/Под ред. проф. Г.А. Аванесова - М., 1999. - 127с. - С. 101-102; Солодовников С.А. Виктимное поведение и защита потерпевших от насильственных преступных посягательств//Профилактика насильственной преступности. - М., 2001 - С. 248.

20 Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. - Красноярск, 2007. - 238с.

21 См.: Ривман Д.В. Криминальная виктимология. - СПб: Питер, 2002. - С. 42; Криминология: Учебник для юрид. вузов/Под. ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. - СПб. 1999. - С. 154.

22 Криминология: Учебник для юрид. вузов/Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. - СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999.- 608с.

23 Антонян Ю.М. и др. Психология преступника и расследование преступлений/Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. - М., 1996. - 336с.

24 Криминология: Учебник/Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. - М., 1997. - 512с.

25 Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. - СПб, 2000. - 210с.

26 См.: Ривман Д.В. Криминальная виктимология. - СПб: Питер, 2002. - С. 80-81; Коновалов В.П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. - М., 1982. - 72с. - С. 11-12.

27 Словарь иностранных языков. - М., 1980. - 622с.

28 Криминология: Учебник/Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. - М., Изд-во МГУ, 1998. - 358с.

29 Шляпочников А.С., Забрянский Г.И. Выявление латентной преступности /Сов. государство и право. - 1971. - № 5. - С. 98-103.

30 Акутаев Р.М. Латентная преступность: актуальность проблемы и понятие// Государство и право. - 1997. -№ 12. - С. 79-87.

31 Холыст Б. Криминология: Основные проблемы. - М., 1980. - 263с.

32 Даньшин И.Н. Понятие, негативные последствия и методы выявления латентной преступности//Латентная преступность: познание, политика, стратегия: Сборник материалов международного семинара. - М.: ВНИИ МВД РФ, 1993. - 337с.

33 Сазонова Н.В. Латентная преступность: понятие, причины, измерение: Дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2004. - 164с.

34 Криминология: Учебник/Под ред. А.И. Долговой. - М., 2005. - 912с.

35 См.: Горяйнов К.К. Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы//Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сб. материалов Международн. семинара// - М.: ВНИИ МВД России, 1993. - С. - 19-38. - С. 26; Дзиов Б.Б. Латентная преступность в контексте практики предупреждения и раскрытия преступлений//Там же. - С. 103-117. - С. 111; Милуков С.Ф. Классификация скрытых преступлений по степени их латентности// Там же. С. 234-237. - С. 235-236.

36 См.: Криминология: Учебник для юрид. вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. - М., Норма, 1997. - С. 135; Лунеев В.В. Преступность века. Мировые, региональные и российские тенденции. - М., 1999. - С.136; Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. - Красноярск, 2007. - С.85.

- 37 Муратова С.А., Тарсамаева Н.Ю. Семейное право: Учебное пособие. - М., Новый юрист, 1999. - 272с.
- 38 Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья - конфликт - преступление. - СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1996.- 264с.
- 39 Эйдемиллер Э.Г. Семейная психотерапия. - СПб. 2000.- 192с.
- 40 Europe: The changing family//Time. September 17, 2001. - 73с.
- 41 См.: Антокольская М.В. Лекции по семейному праву. - М., 1995. - 71с. - С. 15; Тарусина Н.Н. Семейное право: Уч. пос. - М., 2001. - 304с. - С. 5.
- 42 Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т.2. М., 1989. - 780с.
- 43 Шестаков Д.А. Семейная криминология. - СПб, 2003. - 416с.
- 44 См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. - Красноярск, 2007. - 238с. - С. 174; Шестаков Д.А. Семейная криминология. - СПб, 2003. - С. 87-88.
- 45 О ликвидации дискриминации в отношении женщин: Декларация ООН //Международные акты о правах человека/Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. - М., 2002. - 911с.
- 46 См.: Шестаков Д.А. Семейная криминология: Криминофамилистика. - СПб, 2003. - 389с. - С. 85-95; Антонян Ю.М. и др. Психология преступника. М., Юристъ, 1996. - 336с. - С. 61-72; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Красноярск, 2007. - 238с. - С. 186. Шестаков Д.А. Семейная криминология: Криминофамилистика. - СПб, 2003. - 389с. - С. 86.
- 47 См.: Шестаков Д.А. Супружеское убийство как общественная проблема. - СПб: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1992. - 92с.
- 48 См.: L.V. Curson Family law = lecture notes D. Britain, Cavendish Publishing limited, 1995. - С. 61-62.
- 49 См.: Ильяшенко А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье//Социологические исследования - 2003. - №4. - С.85-90. - С. 85; Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека. - М., 2000. - 255с. - С. 243.
- 50 Закон РК «О профилактике бытового насилия» №214-IV ЗРК от 04.12.2009г. (с изм. и доп. на 24.11.2021г.)
- 51 Лунеев, В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции [Текст] / В.В. Лунеев. – М.: Мотэк, 2007. – 789 с.
- 52 См.: Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. - СПб: Юрид. центр Пресс, 2001. - 298с. - С. 23; Иванова В.В. Преступное насилие: Учеб. пос. для вузов. - М.: Книжный мир, 2002. - 83с. - С. 12; Пионтковский А. А. Преступления против личности. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР. - 1938. - 136с. - С. 161 и др.
- 53 Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. - М., 1974. - 167с.
- 54 См.: Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. -СПб: Юрид. центр Пресс, 2001. - 298с.- С. 43; Бойцов А.И. Понятие насильственного преступления//Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. - Л., 1988. - С. 138; Ильяшенко А.Н.

Криминологическое понятие насильственной преступности в семье//Юридический консультант. - 2004. - № 4. - С. 29-33. - С. 30.

55 См.: Насильственная преступность/Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. - М.: Издательство «Спарк», 1997. - 139с. - С. 7; Антонян Ю.М. Преступная жестокость. - М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. - 217с. - С. 44.

56 См., например: Преступное насилие в значении мотивации//Насильственная преступность/Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997.

57 См.: Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. - СПб: Изд-во Юрид. центр Пресс, 2001. - 298с. - С. 45-50; Криминология: Учебник/Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. - М.: Юриспруденция, 2000. - 432с. - С. 415; Насильственная преступность/Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Издательство «Спарк», 1997. - 187с. - С.11.

58 Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002. - 384с.

59 См.: Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. - СПб: Изд-во Юрид. центр Пресс, 2001. - 298с. - С. 291; Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002. - 384с. - С. 37; Ильяшенко А.Н. Криминологическое понятие насильственной преступности в семье//Юридический консультант. - 2004. - № 4. - С. 29-33. - - С. 30; Антонян Ю.М. и др. Психология преступника. - М., Юристь, 1996. - 336с. - С. 9.

60 Шестаков Д.А. Система криминогенных факторов семейно-бытовой сферы//Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. - Л., 1985. - 171с.

61 Антонян Ю.М. и др. Психология преступника и расследования преступлений. - М., 1996. - 172с.

62 См.: Лихачева О.В. Латентная жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений: Автореф. дис. ... канд.юрид. наук. - Тюмень, 2006. - 24с.

63 См., например: Черных Е.В. Виктимологическая характеристика и предупреждение тяжкой насильственной преступности: Дис. ... канд. юрид. наук. - Иркутск, 2006. - 167с.

64 См.: Антонян Ю.М. и др. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996. - 172с. - С. 11; Еникеев М.И. Юридическая психология: Учеб. для вузов. - М.: Норма, 2001. - 501с. - С. 47.

65 Радугин А.А. Философия: Курс лекций. - М., 2004. -336с.

66 См.: Шевандрин Н.И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности. - М., 1998. - 507с. - С. 7; Морозов А.В. Деловая психология. - СПб, 2000. 576с. - С. 109.

67 Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Красноярск, 2007. - 238с.

68 См.: Кудрявцев В.Н. Причины конкретного преступления // Сов. юстиция. - 1970. - №22.

69 Золотухин С.Н. Виктимологические аспекты насильственной преступности в семье//Предупреждение насилия в семье/Под ред. О.Д.

Нациевского, И.Ч. Шушкевича. - Челябинск, 2004. - С. 82-91.

70 Ривман Д.В. Классификация ситуаций совершения насильственных преступлений в семье//Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. - Л, 1985. - С. 35-46.

71 См.: Ривман Д.В. Криминальная виктимология. - СПб: Питер, 2002. - 304с. - С.44-73; Полубинский В.И. Криминальная виктимология. - М., 2008. - 210с. - С. 20-36; Франк Л.В. Виктимология и виктимность. - Душанбе, 1972. - 262-264с. - С. 41-51; Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. - СПб., 2005. - 249с. - С. 58-132; Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. - Иркутск, 1988- 149, [2]с. и др.

72 См.: Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Красноярск, 2007. - 238с. - С. 101; Ривман Д.В. Криминальная виктимология. - СПб: Питер, 2002. - 304с. - С. 44-56.

73 См.: Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. - СПб: Юридический центр Пресс, 2005. - 249с. - С. 119; Клецина И.С. Практикум по гендерной психологии. - СПб, 2003. -- 479с. - С. 21.

74 Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. - СПб. 2006. - 544с.

75 Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. - Иркутск, 1988. - 149, [2]с.

76 Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. Т. 2. - М., 1996. - 376с.

77 Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. - СПб: Юридический центр Пресс, 2005. - 249с.

78 Пудовочкин Ю., Разумов П. Некоторые особенности геронтологической преступности. Уголовное право. №4. - 2003. - С.102-105.

79 Гольберт В.В. Изучение жертв насильственной преступности: некоторые направления в современной зарубежной виктимологии//Человек против человека. Преступное насилие/Под общ. ред. Ю.М. Антояна, Ф. С. Мимонова. - СПб, 1994. - С. 126-136.

80 Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. - М.: Педагогика, 1986. - 144с.

81 Гутрова Ю.В. Психологическая диагностика и индивидуальная коррекция детей, перенесших насилие в семье//Предупреждение насилия в семье. - СПб.2001. - 612с.

82 Барсукова О.В. Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста: Автореф. дис.... канд. юрид. наук.. - Владивосток, 2003. - 28с.

83 Криминология/Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994. - 415с.

84 См.: Котова И.Б. Психология личности в России. Столетие развития. - Ростов на Дону, 1994. - 294с.; Цукерман Г.А., Мастеров Б.М. Психология саморазвития. - М., 1995. - 286, [1] с.; Морозов А.В. Деловая психология. - М.,2005. - 1040с. - С. 113.

85 Криминология /Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М.Миньковского. - М.,

1994. - 415с. - С. 109. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Красноярск, 2007. - 238с. - С. 106.

86 Механизм преступного поведения/Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. - М.: Наука, 1981. - 248с.

87 См.: Годфруа Ж. Что такое психология. Т. 1. - М.: Мир. 1996. - 496с. - С. 245; Квинн В. Прикладная психология. - СПб, 2000. - 560с. - С. 233.

88 См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. - Красноярск, 2007. - 238с. - С. 106; Антонян Ю.М. и др. Психология преступника и расследование преступлений. - М., 1996. - 170с. - С. 145.

89 Латентная жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений: Монография/Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Шеслера. - Тюмень, 2007. - 133 с.

90 Агафонов С.Н. Агрессивные действия больных шизофренией, сопряженные с проблемами качества их жизни//Механизмы человеческой агрессии. - М., 2000. - С. 118-131.

91 Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. - М., 2001. - 187с. - С. 14; Криминология: Учебник/Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. - М., 2000. - 432с.

92 Морозов А.В. Деловая психология. - СПб: Издательство Союз, 2000. - 576с.

93 Христенко В.Е. Психология поведения жертвы. - Ростов н/Д., 2004. - 416с. - С. 102-103.; Шеслер А.В. Роль биологических свойств личности в детерминации преступного поведения//Вестник КрасГАУ. Вып. 3. - Красноярск, 2003. - С. 306-310. - С. 308.

94 См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Красноярск, 2007.-238с. - С. 123; Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии/Под ред. В.Н. Кудрявцева. - М.: Издательство «Спарк», 1998. - 215с. - С. 13.

95 Дубинин Н.П. и др. Генетика. Поведение. Ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения/Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. - М., 1982. - 304с.

96 Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. М., 1998. - 215с.

97 Типы акцентуаций по классификациям, предложенным К. Леонгард, А.Е. Личко (см, например: Морозов А.В. Деловая психология. - СПб: Изд-во Союз, 2000. - 576с. - С. 166-178; Смирнов А.Г. Практикум по общей психологии: Учеб. пособие. - М, 2001. - 224с. - С. 174-179).

98 Шаповал В.А. Склонность к насилию. Возможности психологической диагностики и прогнозирования у сотрудников ОВД//Предупреждение насилия в семье: Сборник научных статей. - Челябинск, 2004. - С. 167-190.

99 Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курсы лекций. - М., 1996. - 784с.

100 Мухамедьянов Н.Д. Виктимологическая профилактика насильственных преступлений: Учебное пособие. Караганда: 2009. - 84с.

- 101 См.: Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизмы преступного поведения. - Иркутск, 1998. - 149,[2]с.; Ривман Д.В. Криминальная виктимология. - СПб: Питер, 2002. - 304с. - С. 44-56; Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький. 1979. - 83с.; Криминология: Учебник/Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. - М., 2000. - 432с. - С. 88.
- 102 Криминология/Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Э. Эминова. М., Юрист, 2000. - 432с.
- 103 Бельцов Н.И. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых в сфере быта и досуга: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. - М., 1996. - 24с.
- 104 Источник: Дело об истязании мужем беременной жены расследует полиция Алматы. 19 октября 2022 г. <https://kazpravda.kz/n/delo-ob-istyazanii-muzhem-beremennoy-zheny-rassleduet-politsiya-almaty/>
- 105 Переведенцева Е. Бьет - значит любит? // Социальная защита. - 2001. - № 5. - С. 41-45.
- 106 Алла Серикбаева. Принятые законодательные меры в сфере противодействия бытовому насилию не принесли ожидаемого эффекта. 20 октября 2022 г. Источник: <https://kazpravda.kz/n/prinyatye-zakonodatelnye-meru-v-sfere-protivodeystviya-bytovomu-nasiliyu-ne-prinesli-ozhidaemogo-effekta/>
- 107 Панфилов Г.А. Профилактическая деятельность ОВД в сфере семейно-бытовых отношений// Семья и личность / Отв. редактор А.А. Бодалев. - М., 1981. - 235с.
- 108 Абельцев С.Н. и др. Побои и истязания: проблемы криминологии// С.Н. Абельцев, С.Д. Дерябин, С.А. Солодовников/Под ред. проф. Г.А. Аванесова- М., 1999. - 127с.
- 109 Черных Е.В. Виктимологическая характеристика и предупреждение тяжкой насильственной преступности: Дисс... канд. юрид. наук. - Иркутск, 2006. - 167с.
- 110 Ананиан Л.Л. Преступник и жертва преступления (обзор)// Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер 4. Государство и право. - М., 2001. - №3. - С. 213-221.
- 111 Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие: Науч.-метод. пособие/Под ред. Л.С. Алексеевой. - М., 2000. - 134с.
- 112 Криминология/Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. - М.1994. - 415с.
- 113 Полубинский В.И. Криминальная виктимология. - М., 2008. - 210с.
- 114 См.: Механизм преступного поведения/Под ред. В.Н. Кудрявцева. - М.: Наука, 1981. - 248с. - С. 29; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Красноярск, 2007. - 238с. - С. 193.
- 115 Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. - М., 1973. - 71с.
- 116 Механизм конкретного поведения. - Криминология: Учебник под ред. д.ю.н. В.Н. Бурлакова, д.ю.н. Н.М. Кропачева. - СПб: Санкт-Петербургский

государственный университет, Питер, 2002. - 432с.

117 Шестаков Д.А. Индивидуальная криминологическая профилактика в семейной сфере//Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. Межвузовский сборник//Отв. Ред. Н.А. Беляев, Д.А. Шестаков. - Л., 1985. - 171с.

118 Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М.: Юр. Норма: НИЦ ИНФРА М., 2016.- 176с.

119 Гаджиева А. Отрицательное поведение потерпевшего и его уголовно-правовое значение//Уголовное право. - 2004. - № 1. - С.16-17.

120 Источник: <https://kazpravda.kz/n/srok-aresta-hotyat-uvelichit-dlya-domashnih-tiranov-so-stazhem-v-kazahstane/> 20 октября 2022 г.

121 Лепс А. Насилие в Эстонии//Насилие в современном мире: Мат.междунар. Конф. - СПб, 1997. - 110с.

122 См.: Криминология: Учебник/Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М.Миньковского. - М., Изд-во МГУ, 1998. - 358с. - С.128-130; Ривман Д.В. Классификация ситуаций совершения насильственных преступлений в семье. Л.,1985. - С. 35-46; Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. - 71с. - С. 6-19 и др.

123 См.:Ривман Д.В. Криминальная виктимология. - СПб: Питер, 2002. - 304с. - С. 83-93; Минская В.С., ЧечельГ.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. - Иркутск, 1988. - 149,[2]с. - С. 20- 54 и др.

124 Исаев Н.В. Виктимологическое направление предупредительно-воздействия на преступность: Дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2003. - 246с.

125 Криминология/Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Э. Эминова. - М.,Юрист, 2000. - 432с.

126 См.: Криминология/Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М. 1998. - 358с. - С. 138; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Красноярск, 2007.- 238с. - С. 146.

127 См., например: Криминология/Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Г.М. Миньковского. - М., Изд-во МГУ, 1998. - 358с. - С. 135-139; Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., Юрист. 1995. - 512с. - С. 22-26.

128 Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойствообщества. - СПб. 2001. - 264с.

129 См.: Шестаков Д.А. Криминальная виктимология. СПб, 2009. - С. 121, 122; Черных Е.В. Виктимологическая характеристика и предупреждение тяжкой насильственной преступности. - Дисс. ...к.ю.н. - Красноярск, 2006. - 169с. - С. 46.

130 Шапиро Б.Ю. Основные подходы к проблеме насилия в семье//Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие: Науч. - метод. пособие. - М., 2000. - 134с.

131 Источник: <https://kazpravda.kz/n/prinyatyie-zakonodatelnye-mery-v-sfere-protivodeystviya-bytovomu-nasiliyu-ne-prinesli-ozhidaemogo-effekta/> 20 октября 2022 г.

132 Муратова С.А. Семейное право: Учебник. - М., 2019. - 368с.

133 Источник:<https://bizmedia.kz/2022/08/27/domashnee-nasilie-v->

kazahstane-statistika/

134 Христенко В.Е. Психология поведения жертвы. - Ростов н/Д: Феникс, 2004. - 416с.

135 «Живи с ним»: 125 тысяч заявлений о бытовом насилии поступило в полицию от женщин Казахстана. Источник:<https://informburo.kz/novosti/zhivi-s-nim-125-tysyach-zayavlenij-o-bytovom-nasilii-postupilo-v-policiyu-ot-zhenshin-kazahstana>

136 Антонян Ю.М. Психология убийства. - М., 1997. - 304с.

137 Жизнь в угнетении. Почему казахстанки терпят издевательства со стороны мужей23.06.2022г.Источник: <https://informburo.kz/stati/zhizn-v-ugnetenii-pochemu-kazahstanki-terpyat-izdevatelstva-so-storony-muzhej>

138 Клецина И.С. Практикум по гендерной психологии. - СПб, 2003. - 479с.

139 Антонян Ю.М. и др. Психология преступника. - М.,1996. - 336с.

140 Аванесов Г.А. Криминология. 2-е изд., перераб. и доп. - М., 1984. - 500с.

141 Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М., 1988. - 750с.

142 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. - М.: Олма-Пресс, 2002. - 576с.

143 См.: Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. - Красноярск, 2007.- 238с. - С. 199; Криминология: Учебник /Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. - М., Юрист, 1997. - 512с. - С. 105-106.

144 Криминология: Учебник/Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. - М., 2007. - 734с.

145 Полубинский В.И., Долженкова Г.Д. Виктимологические резервы профилактики преступлений//Преступность и общество: Сб. науч. трудов. - М.: ВНИИ МВД РФ, 2004.

146 Криминология: Учебник для юрид. вузов/Под общей ред. А.И. Долговой. М., Норма, 1997. - 784с. - С. 378. Шестаков Д.А. Индивидуальная криминологическая профилактика в семейной сфере//Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта; Межвузовский сборник//Отв. Ред. Н.А. Беляев, Д.А. Шестаков. - Л., 1985. - 171с. - С. 110.

147 Горяйнов К.К. Жертвы насилия//Человек против человека. Преступное насилие / Под общ. ред. Ю.М. Антоняна, С.Ф. Милюкова. - СПб. 1994. - С.54-65.

148 Криминология: Учебник для юрид. вузов/Под общ. ред. А.И. Долговой.М., Норма, 1997. - 784с.

149 Шеслер А.В., Мальков С.М. Уголовно-правовая политика и ее реализация: Лекция. - Красноярск: СибЮИ МВД РФ, 2002. - 27с. 149, с. 7

150 См.:Криминология: Учебник для юрид. вузов/Под общ. ред. А.И. Долговой.М., Норма, 1997. - 784с. - С. 381-382; Криминология: Учебник/Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Э. Эминова. - М.: Юристъ, 2007. - 734с. - С. 206.

151 Криминология: Учебник/Под ред. В.Д. Малкова. 2-ое изд., перераб.

и доп. - М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. - 528с.

152 См.:Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. - Красноярск, 2007.- 238с. - С. 202;Криминология: Учебник для юрид. вузов/Под общ. ред. А.И. Долговой.М., Норма, 1997. - 784с. - С. 339.

153 Лихачева О.В. Латентная жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений: Монография/Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Шеслера. - Тюмень, 2007. - 133 с.

154 См:<https://kazpravda.kz/n/kasym-zhomart-tokaev-pozdravil-veteranov-i-ofitserov-ovd/23> июня 2022 г.

155 Источник: <https://informburo.kz/stati/pomoshh-zertvam-bytovogo-nasilija-kak-v-kazahstane-rabotayut-krizisnye-centry27.02.2023г>.

156 ЮЛИЯ МИЛЕНЬКАЯ. Криминализировать бытовое насилие призывают в Казахстане. См: [https://kazpravda.kz/n/kriminalizirovat-bytovoe-nasilie-prizyvayut-v-kazahstane/\(10.06.2022\)](https://kazpravda.kz/n/kriminalizirovat-bytovoe-nasilie-prizyvayut-v-kazahstane/(10.06.2022))

157 Петухова М.Л., Федорова В.П. Кризисное отделение для женщин:опыт работы по предупреждению домашнего насилия. - Тюмень, 2001. - 86с.

158 Международные акты о правах человека: Сб. документов/Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. - 2-е изд., доп. - М.: Изд-во НОРМА, 2002. - 911с.

159 Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022г.). Источник: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029

160 Трудовой кодекс РК от 23 ноября 2015года №414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.05.2023г.) Источник: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832

161 Антонова Ю.А. Право женщин на свободу от насилия: анализ практик применения законодательства//Гендерные отношения в современной России. – Самара, 2003. - №5. - С.52-68.

162 Бектурганов Нурбол Мейрамбекович, Жумагазиева Райса Шамшединовна Криминологическая характеристика применения насилия в семье в Республике Казахстан и за рубежом Журнал: Вестник казахско-русского международного университета Год:2014 Город:Актюбинск. Источник: <https://articlekz.com/article/20672>

163 Указ Президента Республики Казахстан «О дальнейших мерах Республики Казахстан в области прав человека» от 9 июня 2021 года № 597. © 2012. РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан» Министерства юстиции Республики Казахстан. «Казахстанская правда» от 10.06.2021г., №108 (29485).

164 Закон РК «О профилактике бытового насилия» №214-IV ЗРК от 04.12.2009г. (с изм. и доп. на 24.11.2021г.) Источник: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30525680&pos=259;-44pos=259;-44

165 См.: Бебенина Ю. Домашние тираны//Ямская слобода. - 2005. - 1 июня. - № 22. - С. 4; Асаулова Л. Женщина - жертва... доколе // Щит и меч. -

2004. - 16 июня. - № 23. - С. 6; Развод - зло или благо // Комсомольская правда. - 2003. - 26 сент. - С. 12; Денисова Е. Бьет, даже если не любит // Аргументы и факты. - 2003. - № 37. - С. 6

166 Шестаков Д.А. Семейная психотерапия в предупреждении преступлений (к вопросу о групповом уровне криминологической профилактики)//Вестник ЛГУ. - 1989. - № 6. - С. 56-61.

167 Карнозова Л.М., Максудов Р.Р. Практические инициативы по созданию элементов ювенальной юстиции в России: идеи, формы реализации, препятствия (материалы для заседания Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия 7 октября 2004 г.). - М., 2004. - 480с.

168 Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика групповой преступности: учебное пособие. - Казань, РИЦ Школа1999. - 49с.

169 Филюшина Е.Н. Методы арт-терапии в подростковых группах и группах поддержки для женщин, подвергнувшихся насилию. - Тюмень, 2001. - 86с.

170 Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. - Москва, 1995. - 23с.

171 Закон РК от 23 апреля 2014 года №199-V «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» (с изм. и доп. по сост. на 01.05.2023г.). Источник:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31538985

172 Квашиш В.Е., Вавилова Л.В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. - М., 1996. - 124с.

173 Источник: <https://kz.kursiv.media/2023-04-26/ttgr-nasilie/>

174 Хизматуллин Н. Семейные судьи по делам несовершеннолетних // Рос. юстиция. - 2000.-№3.

175 Разумовская М.Л. Ювенальная юстиция в Польше//Вопросы ювенальной юстиции. - 2001. - № 2.

176 Мелешко Н.П., Тарло Е.Г. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран. - М., 2003. - 304с.

177 См.: Plywaczewski E.W. и Szczygiel G.B. Prophylaxis of family violence//Насилие в современном мире. - СПб, 1997. - С. 106.

178 См.: Коцюба В.А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений (по материалам Дальневосточного региона): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2004. - 20с. - С. 11.

179 См.: Петухова М.Л., Федорова В.П. Кризисное отделение для женщин: опыт работы по предотвращению домашнего насилия. - Тюмень, 2001. - 86с. - С. 29,73; Forshelter and beyond. Copyright, 1992, by Massachusetts Coalition of Battered Woman Service Groups, Inc.

180 Лихачева О.В. Латентная жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень, 2006. - 205с.

181 «Живи с ним»: 125 тысяч заявлений о бытовом насилии поступило в полицию от женщин Казахстана Источник: <https://informburo.kz/novosti/zhivi-s-nim-125-tysyach-zayavlenij-o-bytovom-nasilii-postupilo-v-policiyu-ot-zhenshin-kazahstana>

182 Жертвы домашнего насилия смогут отправить сообщение об опасности с помощью приложения в телефоне 22.02.2023г. Источник: <https://informburo.kz/novosti/zertvy-domasnego-nasiliya-smogut-otpravit-soobshhenie-ob-opasnosti-s-pomoshhyu-prilozeniya-v-telefone>

183 Криминология: Учебник/Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. - М., 1995. - 512с.

184 Горбовский А. Красавица - чудовище//Труд-7. - 2000.- 6 апр.